

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 3–4 2016
March–April**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 3–4 2016 (March–April)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief

Busch Petra, Austria, Doctor of Economics

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Aygul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology
Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology

Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Dalibor M. Elezović, Serbia, Doctor of History
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Medicine
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria

E-mail:

info@ew-a.org

Homepage

www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the "East West" Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Journalism

Djumagazieva Nurjan,
Kyrgyz State National University,
Journalism faculty, docent
E-mail: nnn330@yandex.ru

Publicism as a genre and concept: experience of the author's analysis

Abstract: in this article the author considers the question of a publicism as concept and a literary genre, since sources of its emergence in the ancient antique societies, on the way of development and in a current state. Following the results of the analysis the author offers his own definition of the concept “publicism” and approach to its understanding wider, than in narrow literary criticism that most is suitable for research of publicism as kind of journalism which has not only a literary meaning, but also important public response.

Keywords: literature, journalism, publicism, genre, concept.

Джумагазиева Нуржан,
Кыргызский Национальный Университет,
Факультет журналистики, доцент
E-mail: nnn330@yandex.ru

Публицистика как жанр и концепт: опыт авторского анализа

Аннотация: в данной статье автор рассматривает вопрос публицистики как концепта и литературного жанра, начиная с истоков его появления в древних античных обществах, на пути развития и в современном состоянии. По итогам анализа автор предлагает собственное определение понятия «публицистика» и подход к его пониманию более широкий, нежели чем в узком литературоведении, что наиболее подходит для исследования публицистики как разновидности журналистики, которая имеет не только литературный, но и важный общественный резонанс.

Ключевые слова: литература, журналистика, публицистика, жанр, концепт.

Прежде чем приступить к рассмотрению публицистики как жанра и концепта в контексте осуществления автором статьи аналитических процедур и операций, лежащих в плоскости выявления и раскрытия специфики и особенностей воссоздания публицистического отражения окружающей среды в фольклоре Кыргызстана посредством рассмотрения устного народного творчества как истока развития публицистики, остановимся на том факте, что сам термин «публицистика» происходит от латинского *publicare*, что в переводе на русский трактуется как «сделать общим достоянием, предоставить всем, открыть для всех» [3].

Также, автор отмечает, что в таковом виде термин «публицистика» имеется исключительно в литературном общественном обороте тех стран, которые примыкают к германской культурной традиции. В англоязычной и франкоязычной культурной ойкумене этот термин практически не используется и заменен многословными аналогами.

Содержательно анализируя термин «публицистика», следует отметить, что в самом немецком языке слово *Publizistik* несет процессуальную смысловую нагрузку,

включая в себя обнародование, то есть публикацию каких-либо статей, книг, имеющих общественно-политическое значение, где рассматриваются проблемы общества, экономики и политики [14].

Исходя из этого, можно констатировать, что такое понимание наиболее близко примыкает к исходному латинскому термину.

В свою очередь, переходное положение занимает понимание термина «публицистика» в чешском национально-культурном дискурсе, где наиболее широкое распространение получило определение, предложенное проф. Б. Освальдовой, заведующей кафедры журналистики социологического факультета Карлова университета Праги. По её мнению, публицистика представляет собой процесс (подготовка) и результат (публикация) журналистской работы, аудиторией которой является широкая общественность, а темой — интересующие её злободневные вопросы. Помимо представления объективной информации публицистический текст также содержит субъективное мнение автора о рассматриваемой теме [1].

Другим полюсом, по сравнению с немецким, будет являться отечественное понимание дефиниции «публицистика», где он трактуется в виде одного из типов таких литературных сочинений, несущих в себе самые насущные вопросы и явления текущей жизнедеятельности социума, которые имеют важное социальное значение и осуществляют главный вектор идеологии в контексте приема и методов отображения плюрализма в каждом конкретном компоненте общественной страты и, особенно, ее мнения.

Исследуя российское понимание публицистики, советский литературовед И. Дедков в Краткой литературной энциклопедии, в частности, писал: Публицистика высший род журналистики, так как она определяется тем, что всегда наполнена полемикой, спорами, борьбой за внедрение новых идей. И, естественно, что с творчеством публициста не сочетается конфузливость и шаблонность высказываний, демонстративность и зависимость мнения.

Исследуя содержание публицистики в англоязычном дискурсе, следует отметить, что в нем он отождествляется с понятием «Opinion journalism», что дословно означает «журналистика мнений». В этом находится важный для зарубежной, прежде всего американской, журналистики водораздел между репортерской работой и содержательной аналитической журналистикой. «Журналистика мнения», по словам Марка Хармона журналистика, которая не предъявляет претензий к объективности изложения. Её отличия от, например, пропагандистской журналистики заключаются в способах изложения материала, при том, что обе формы показывают субъективную точку зрения, обычно с определённой социальной или политической целью. Вместе с тем, в отличие от пропагандистской журналистики и репортерской работы, у «журналистики мнений» отмечается сниженное внимание к подробности и объективности фактов с главным упором на их личностное осмысление, в контексте выражения своего субъективного мнения (сужения, ощущения и т. д.). Таким образом, продуктом «журналистики мнений» является сформулированное и высказанное субъективное мнение к тому или иному событию или явлению окружающей действительности, прежде всего, в её социально-политической части.

В свою очередь, в иберийском дискурсе, также используется термин «periodismo de opinión» (журналистика мнений). По мнению профессора А. Сантибаньеса она представляет собой газетный жанр, который характеризуется экспозицией и аргументацией личного отношения автора или персонажа по конкретной теме. Её главным назначением выступает поиск и изложение причин социальных событий, что создаёт основу для расширения горизонта осмысления происходящего в обществе и в мире.

Особенностями «журналистики мнений» (публицистики) в испанской литературной традиции является то, что она рассматривается в качестве литературного жанра, в ее фокусе не событие или явление, а общественный дискурс по его поводу, непосредственно публицистика предусматривает субъективный анализ свершившегося факта,

а не простого объективного информирования общества о произошедшем, поэтому публицистика направлена на высказывание и формирование общественного мнения по этому частному вопросу, с личной точки зрения автора. В испанской публицистике используется специфическая лексика, обеспечивающая персонифицированное изложение материала. И, что особенно важно, испанская публицистика это всегда проза!

Также испанская традиция требует наличия у публицистического произведения трех основных частей: Публицистическое произведение должно быть результатом внимательного анализа произошедшего на базе чего выработывается тезис авторского понимания события; Аргументация верности авторского понимания, к которому приводятся специальные доказательства; Вывод комплексное представление автора о произошедшем как основа его личного отношения, которое он старается передать читателю. Рассмотрим теперь публицистику сущностно, сконцентрировавшись на российской, позже советской, публицистике, которая в условиях политической истории XX века оказала наибольшее влияние на генезис и эволюцию киргизской национальной публицистики.

Истоком формирования специального представления о публицистике как литературном жанре в России является понимание, которое, исходя из проведенного выше анализа, является понимание, изложенное в известном дореволюционно-энциклопедическом источнике Словаре Брокгауза и Ефрона. Так, по мнению авторов словаря, публицистика обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической деятельности.

Вопросы эти могут быть также предметом научного исследования, но общность предмета не должна вести к смешению области науки и публицистики. Разница определяется, прежде всего, тем, что для публицистики изучение, теория есть всегда лишь средство, ведущее к определенной цели — практическому выводу. В область публицистики входят только насущные вопросы, имеющие решающее значение в направлении текущей жизни [13, 746–747].

В советскую эпоху термин «публицистика» активно исследовался в своей сущности литературоведением и подробные статьи о нем, и о публицистике как явлении, размещались в каждом издании литературных энциклопедий, выходивших в СССР. Так, подробную статью о публицистике, мы найдем уже в первом издании многотомной Литературной энциклопедии, вышедшей в 1929–1939 гг. [6].

Тогда же, в 20-х гг. прошлого века, серьезной разработке публицистика как область литературы, подверглась в Словаре литературных терминов Б. Горева [2].

Спецификой такого понимания публицистики выступает её сущностная оценка с политико-идеологических позиций, где она рассматривается как инструмент или средство непосредственного воздействия на общество с точки зрения определенного класса, продвижения в массы присущих ему идей и формирования общественных настроений с целью проводить определенные взгляды

в широких кругах читателей, создавать, формировать общественное мнение, возбуждать определенные политические компании.

Несколько позже, в 70-х гг. XX века, советское литературоведение отказалось от столь яркой классовой трактовки публицистики и перешло на более умеренные позиции, раскрывая её как род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Хотя и признавалось, что она играет важную политическую и идеологическую роль как средство выражения плюрализма общественного мнения, в т. ч. формирующегося вокруг острых проблем жизни [11, 1091].

Своеобразным итогом исследований публицистики советского периода, стало понимание её сущности, предложенное в конце XX века в энциклопедии «Литература и язык», вышедшей в 1990 г. В ней, в частности, утверждалось, что публицистика — это есть род литературы и журналистики, рассматривающий современные проблемы, актуальные политические, экономические, социальные вопросы. Её цель — воздействовать на общество, привлечь внимание людей к какому-либо факту, добиться от них реакции. В публицистике всегда существует четко выраженная авторская позиция и отсутствует художественный вымысел. Предмет — некое событие, явление, происходящее в настоящий момент или недавно произошедшее, а также мнение автора об этом событии или явлении. Она формирует общественное мнение, авторы вступают в дискуссии друг с другом, защищая свою точку зрения. Стиль публицистики отличается эмоциональностью, полемичностью [5].

На современном этапе, российский дискурс понятия «публицистика» также реализуется в ракурсе обозначенных выше направлений. Так, «Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению» характеризует публицистику как тип произведений, в которых оперативно исследуются и обобщаются актуальные факты и явления текущей жизни с целью воздействия на общественное мнение и общественное сознание. Также нужно отметить, что элементы публицистики нередко проникают в художественные произведения [8].

В свою очередь, «Словарь литературоведческих терминов», рассматривает «публицистику» как особый вид литературы, сочетающий в себе признаки художественной, ораторской, социально-политической прозы и журналистики. Публицистические произведения отличаются экспрессивностью, открытой тенденциозностью, активным использованием приемов ораторского искусства — большого количества риторических фигур: обращений, восклицаний, вопросов, позволяющих вовлечь читателя в диалог и т. п. Жанры: статья, очерк, репортаж, памфлет, рецензия, фельетон и др. [10].

Обобщая приведенные выше точки зрения, диссертант хотел бы высказать собственное мнение относительно сущности публицистики как явления. Так, по мнению автора, это понятие можно сегодня трактовать в двух основных смыслах — широком и узком.

В первом смысле, публицистику можно понимать как комплекс социально-политической деятельности, который предполагает использование различных вербальных средств воздействия на общественное мнение.

Во втором смысле, публицистика, по определению автора данной статьи, представляет собой написание и публикацию подробных аналитических текстов в книгах и на страницах периодических изданий, охватывающих темы, общественной и культурной жизни.

При этом важным вопросом является отличие публицистики от иных литературных и журналистских жанров. По мнению автора исследования, оно заключается в том, что в то время, как в средствах массовой информации на переднем плане стоят актуальные социально-политические, экономические и социальные проблемы, публицистика предполагает глубокий анализ общественно-политических и культурных вопросов, осуществляемый с личностных позиций в формах тесно связанных с литературно-художественным выражением мнения автора публицистического текста. По этой причине, многие видные писатели и культуроведы выступают как авторитетные публицисты и борются за справедливость не только в искусстве, но и в жизни. Так с журналистским измерением публицистики тесно связано и её литературное измерение, где по актуальным вопросам высказываются многие деятели литературы и культуры, выступающие не только как художники слова, но и публицисты — общественные деятели.

Рассматривая исторические истоки публицистики, как явления, следует отметить, что найдём мы их литературной традиции античной Греции. Специально исследуя этот вопрос, В. В. Ученова указывала, что непосредственным источником публицистики является устное слово, а конкретно ораторское мастерство древних греков. По её мнению, основанному на серьёзном изучении античных источников, устная публицистика в политическом смысле, а по другому В. Ученова её и не рассматривала, связана с именами великих ораторов античности, таких как Демосфен, Эсхин и другие ораторы, включенные, в так называемый, Канон (Антифонт, Андокид, Лисий, Исократ, Исей, Ликург, Демосфен, Гиперид, Динарх, Эсхин) [12, 6–7; 10].

В этих условиях, смысл и назначение ораторского мастерства, понимаемого как устная публицистика, верно выразил Демосфен: «Ценность представляет не сама по себе речь оратора и не звучность его голоса, а то, насколько он разделяет точку зрения народа и насколько ненавидит и любит тех же людей, каких и отечество» [4, 291].

Однако появление публицистики, в том числе и самого термина, в привычном нам смысле связано с римским временем, временем Цицерона (106–43 до н. э.). К тому моменту разработка теории и практики как античного ораторского искусства так и публицистики достигла своего пика. Так, выделялись три рода красноречия, которые, когда речи записывались и тиражировались, становились публицистикой. Это *судебное* (genus iudiciale), *совещательное* (genus deliberativum) и *торжественное*

(эпидектическое (*genus demonstrativum*)). Перед автором речи стояли те же задачи, что и перед современным публицистом — сбор и анализ фактов, формирование собственной точки зрения (*inventio*), снабжение её аргументами и доказательной базой, формирование текста (монолога) (*dispositio*), стилистическое формирование (*elocutio*).

Среди стилей изложения выделялись три основных: *поучающий* (*docere*), *сухой* (официальный) (*genus subtile*), *возвышенный* (*genus grande, sublimo*), которые использовались в зависимости от назначения речи.

Тогда же были сформулированы четкие требования к речи, которые автоматически перетекали в текст:

- Языковая правильность (*latinitas*);
- Ясность (*perspicuitas*);
- Уместность (*aptum*);
- Украшенность (*ornatus*) [9, 497–498].

Однако, как мы показывали выше, понятие публицистика сегодня значительно шире нежели чем политические, пропагандистские и иные идентичные тексты. Она включает в себя весь спектр текстов, поднимающих общественную и культурную проблематику. Такая трактовка позволяет существенно ранее выделить первые публицистические элементы в древних текстах и, в первую очередь, в великом литературном памятнике древности Илиаде. Её автор Гомер в частности писал: *«Глубок язык человека; речей для него изобильно всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно»* [12, 6].

Именно основываясь на анализе Гомеровской «Илиады» советский филолог А. Ф. Лосев предложил методику анализа различных явлений, излагаемых в древних мифах, в частности изображения природы, общества, искусства и красоты вообще. И, хотя предметом анализа А. Лосева являлась эстетика античности, предложенную им методику можно применить к анализу любого мифа. Рассмотрим её подробнее [7, 149–253].

Рассматривая отражение природы в Гомеровской Илиаде, А. Лосев выделяет несколько узловых моментов, на которых концентрируется, что помогают ему сформировать комплексную картину. Среди них следующие:

1. Общая характеристика.
2. Природа в гомеровских описаниях.
3. Природа вне гомеровских описаний.
4. Общее заключение об изображении природы у Гомера.

Давая общую характеристику, автор делает предварительное заключение о том, что Гомер есть порождение первобытнообщинного строя, мировоззрение которого — мифология. Следовательно, и природу он должен был понимать чисто мифологически, то есть она должна была бы быть у него одушевленным и разумным целым, т.е. не чем иным, как совокупностью обожествленных стихийных сил. Однако, это не так. Мы знаем, что Гомер бесконечно далек не только от первобытного фетишизма, но даже и от грубого анимизма. То стихийное в природе, что у него представлено как божественное и демоническое,

уже, в значительной степени, опоэтизировано, вовлечено в контекст интересного и эстетически-занимательного рассказа и совершенно лишено ужасов и чудовищ первобытной мифологии [7, 149].

Весьма красочно Гомер описывает окружающую природу. Так, в описании боя у реки Скамандр, поэт подробно описывает окружающие её растения и водящихся в её водах рыб. В переводе А. Лосева [7, 151] мы читаем:

*«Вспыхнули тут тамариски по берегу, ивы и вязы,
Вспыхнули донник душистый, и кипер, и влажный ситовник.
Росшие густо вокруг прекрасных течений Скамандра.
Рыбы, угри затопились, — и те по глубоким пучинам,
Те по прекрасным струям и туда и сюда заматались...»*.

Анализируя этот отрывок в контексте сюжета, Лосев отмечает, что он несет на себе две основных смысловых нагрузки:

Во-первых, она отражает мифологическую составляющую произведения, где в отрывке красочно описано сжигание воинства, да и самой реки, всепожирающим пламенем Гефеста, сына Зевса, призванного Герой.

Во-вторых, показывает ужас битвы, ничем не сдерживаемого сражения, пыла которого не выдерживает даже природа.

Важную роль, как отмечает А. Лосев, у Гомера занимают сравнения, в которых он активно использует в качестве критерия и эталона сравнения. Так, из 182 сравнений людей и событий с природными явлениями и элементами окружающего мира могут быть выделены следующие профильные группы, перечисляемые по убыванию:

1. Метеорологические явления;
2. Огонь;
3. Водная стихия;
4. Световые явления;
5. Царство зверей;
6. Элементы растений [7, 157–163].

Обобщая анализ, проведенный А. Лосевым, можно констатировать, что отражение природы Гомером чаще всего используется как средство обострения описания, придания ему красочности, более полного и яркого понимания читателем той эмоциональной нагрузки, которую поэт вкладывает в данный отрывок или песню. Так желая показать, что троянская война далеко не всем так была нужна, как создаётся впечатление, поэт вкладывает в уста царя Фтии следующие слова:

*«Передо мною ни в чем не повинны троянцы...
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами богатой,
Нив никогда не топтали; безмерные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные воды морские»* [7, 171].

В свою очередь, вне гомеровских описаний в Илиаде, природа характеризуется весьма скупо. Как правило, это либо краткое указание географических мест (склоны Иды, Асоп, Симоент, Скамандр), либо простые указания на растения (клевер, сельдерей, ячмень, смоква). Более красочные упоминания о цветах, по мнению Лосева, относятся к значительно более поздним вставкам. При этом,

необходимо также понимать, что поэт дает нам в своих образах природы чувствовать только факт существования его самостоятельного субъекта и еще не раскрывает никаких своих внутренних переживаний, которые бы свидетельствовали также о полной независимости от объекта его внутренней жизни. Ответ на этот вопрос достаточно прост — Гомер видит в описаниях природы не самоцель, но важное средство наиболее активного донесения до читателя, ранее слушателя, своей позиции, доказательства, понятными ему средствами своей правоты, передачи ему своего ощущения от происходящего.

Обобщая отражение природы у Гомера, А. Лосев предлагает следующие выводы:

- В поэтических изображениях природы у Гомера продолжает сказываться близость к мифологии, хотя в последних стадиях своего развития эти изображения граничат уже с произвольным субъективизмом и психологизмом писателя.

- Близость поэтических изображений природы у Гомера к мифологии сказывается, во-первых, в постоянном наличии здесь весьма интенсивных и динамических элементов, часто переходящих в бурный катастрофизм, кровавые ужасы и динамику огромных подвижных и неподвижных масс. Во-вторых, близость к мифологии выражается в изображениях природы, от которой человек во всесторонней зависимости, в объяснении всей его жизни человека теми или другими силами природы или происшествиями в ней. Эти две особенности изображения природы у Гомера приводят к тому, что значительная их часть дается в пределах поэтического приема сравнения. Большие сравнения у Гомера (а их у него более 200) представляют собою отдельные стихотворения, рисующие ту или иную картину природы.

- Весьма богатое чувство природы у Гомера, в порядке непосредственного описательства, можно характеризовать очень разнообразными способами. Можно

говорить о легкости, четкости, прозрачности картин природы у Гомера. Можно говорить об отсутствии в них напряженного психологизма, всяких индивидуалистических капризов и настроенческих изломов, всякой перегрузки изысканными тонкостями. Можно говорить, что эти изображения не изобилуют эмоциями и не используют слишком детальные и слишком тонкие элементы настроения, что они всегда пронизаны каким-либо одним простым и наивным настроением, чужды раздвоенности и нервозности, их субъективная жизнь несколько не заслоняет их внешней пластики и живописности, они построены так, как будто бы все в природе было безгорестно и безрадостно и как будто бы созерцающий их человеческий субъект всегда был в своей последней глубине умиротворен и спокоен [7, 178–179].

Дав комплексную характеристику методике анализа эпического текста А. Ф. Лосева, автор хотела бы предложить собственную авторскую методику анализа публицистического отражения природы в эпических текстах. Она состоит из следующих компонентов, а именно:

- Отображение окружающей среды;
- Взаимодействие с окружающей средой;
- Воздействие на окружающую среду.

Вторым элементом авторской методики является классификация предметов отражения, которая будет отличаться от приведенной выше, автором которой является А. Ф. Лосев. В неё диссертант включил:

- Метеорологические явления;
- Ландшафты;
- Растения;
- Животных.

Исходя из сказанного выше, могут быть предложены следующие матрицы анализа публицистического отражения окружающей среды (Табл. 1).

Таблица 1. – Авторская матрица анализа публицистического отражения окружающей среды

Направления анализа	Предметы отражения
<i>Отображение</i>	• метеорологических явлений; • ландшафтов; • растений; • животных.
<i>Взаимодействие с</i>	• метеорологическими явлениями; • ландшафтами; • растениями; • животными.
<i>Воздействие на</i>	• метеорологические явления; • ландшафты; • растения; • животных.

Применим предложенную методику анализа для исследования публицистического отражения окружающей среды в киргизском народном эпосе Манас. Давая ему комплексную характеристику, следует констатировать, что исток формирования этого глобального памятника культуры современной цивилизации

следует усматривать в высокоразвитых формах мнемонического творчества кочевников кыргызов. Подтверждением правоты этого утверждения является тот факт, что у киргизов всего около сорока народных эпосов, среди которых Манас является наиболее ярким и фундаментальным.

Относительно возникновения этой подлинной жемчужины кыргызской и мировой культуры существует сразу несколько не совпадающих точек зрения. Тем не менее, в основе своей все они стоят на фундаменте того, что Манас является важным элементом сложного социокультурного развития киргизского народа и отражает особенности его национального исторического пути. Кыргызы — древнейший кочевой народ Центральной Азии. Важным элементом культуры кочевников является мнемоническое искусство, достигшее у кыргыз одной из

наивысших точек развития. В этих условиях, бесписьменное поэтическое творчество воплотилось вовне в совершенно особый литературный жанр — народные эпосы. Достигнув своего наивысшего развития, это мнемоническое творчество кочевого народа воплотилось у кыргыз в самый монументальный народный героический эпос Манас, который выделяется не только среди иных кыргызских эпосов, которые, условно, именуются в кыргызской науке «малыми», но и превосходит и по содержанию, и по форме другие эпосы народов мира.

Список литературы:

1. Osvaldová Barbora. Praktická encyklopedie žurnalistiky. – Libri, 2007.
2. Горев Б. Словарь литературных терминов: В 2-х т./Под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 200 тыс. слов и словосоч. – М.: «Русский язык-Медиа», 2005. – 848 с.
4. Демосфен. Речи, XVIII, 280. – М., 1985. – С. 291.
5. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. Под ред. П. А. Николаева, М. В. Строганова. – М.: Русский язык, 1990.
6. Литературная энциклопедия. – В 11 т. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. – М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература, 1929–1939.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики, том I. – М.: Высшая школа, 1963.
8. Русова Н. Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба. – М.: Флинта, Наука, 2004.
9. Словарь античности. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989.
10. Словарь литературоведческих терминов. Авт.-сост. Белокурова С. П. – СПб: Паритет, 2006.
11. Советский энциклопедический словарь./Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1632 с. – С. 1091.
12. Ученова В. В. У истоков публицистики. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
13. Энциклопедический словарь. Том XXVa, С-Петербург: Типо-Литография А. Ефрона, Прачешный пер, № 6, 1898. – С. 746–747.
14. Deutsch Bedeutungswörterbuch//[Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Publizistik>

*Polyezhayev Yuriy Grigorevitch,
Zaporozhye National Technical University, senior teacher,
the Department of Foreign Languages for Professional Communication
E-mail: brikrio@rambler.ru*

The publicistic component of discursive space of travel magazines

Abstract: The article investigates publicistic features of discursive space of modern-day travel magazines. Attention is given to the corresponding author's image patterns and communicative strategies.

Keywords: author's image, communicative strategy, discourse of travel magazines, discursive space, interdiscursivity, travel magazine.

Many recent studies have focused on formation of new types of discourse. This article deals with the discourse of modern-day travel magazines. Illustrative sentences are taken from the texts published in National Geographic magazine in 2015.

The discourse of travel magazines is a subdiscourse, a fragment of the global media discourse. It is also a type of institutional discourse, since travel texts are thematically focused on a certain sphere of human activity — travelling.

The discourse of travel magazines is characterized by functional and stylistic heterogeneity, as it is formed at the intersection of the informative, artistic, publicistic, advertising, tourism and other types of discourse. In this regard, the article uses the notion of “discursive space” where several discourses united on a certain basis coexist [5, 156]. In case of travel magazines, the space-forming factors are the theme (travelling) and the communication channel used (mass media).

The discourse of travel magazines is also characterized by a high density of interdiscursive relations, or “interdiscursivity”. N. Fairclough who coined the term argues that those who produce the text make use of discursive practices which belong to diverse orders of discourse (an order of discourse refers to the totality of discursive practices associated with an institution and to the relations between them) [14, 11]. Interdiscursivity is defined as “the mixing of diverse genres, discourses, or styles associated with institutional and social meanings in a single text” [18, 96]. It involves integration and intersection of various fields of human knowledge and practice [9, 22]. According to L. Chouliaraki and N. Fairclough, interdiscursivity (or the pervasive discursual hybridity) in interactions and texts has been widely seen as a significant characteristic of postmodern social life characterized by a radical unsettling of its boundaries [13, 59–66].

Each “parent” discourse has introduced into the subdiscourse of travel magazines certain properties: the informative discourse — a descriptive way of discourse organization; the advertising discourse — explicit comparative evaluation; the artistic discourse — a narrative mode together with a multitude of expressive language means; the tourism discourse — practical aspect of tourist activities (traveler equipment, food, entertainment, etc.); the scientific discourse — elements of argumentative patterns. The publicistic discourse, being one of the “shaping forces” of the discursive space of travel magazines, has contributed the author’s stance on, or attitude to, reality which is largely subjective and is directly addressed to the recipient.

Traditionally, the explicit character of the author’s evaluations [1, 194–195], his/her subjective stance in general as well as the dialogical character of communication are considered to be the dominant features of publicistic texts (see, e.g. [8, 10]). In travel magazine texts, these are manifested through specific patterns of the author’s image and through communicative strategies characteristic of this subdiscourse.

The patterns of the “author’s image” in travel magazine texts are characterized by the multifaceted character of the interactors. Various communicator types may act as the corresponding sender and recipient depending on the prevailing discursive component in a particular fragment of the text, possible pairs of the interactors being “traveler journalist vs. inquisitive reader”, “advertiser journalist vs. potential customer”, etc. The author’s explicit expressiveness is based on the emotional rhetorical pattern that requires referring to the reader’s feelings. Consequently, the patterns of relationship between the communicators used in travel magazines include the “traveler experienter vs. empathic reader” mode; e.g.:

Long ago, as an eight-year-old boy standing on the roof of a three-story tenement in Brooklyn, *I first experienced a sense of wonder*. ... I had never climbed to the new roof alone. It was too dangerous, *my mother said*, a man-made cliff. (...) *I tried to say something, but no words came. I didn’t yet know how to describe what I felt. Surely the word was “wonder”* [17, 86].

The above-given example illustrates another feature associated with opinion journalism — introduction into the text of “additional narrators” representing their personal attitudes which may enhance the author’s stance toward a subject.

It is assumed that opinion journalism is based on the background dialogue between the journalist and the potential reader which is aimed at affecting the recipient’s understanding of the world [11, 5]. At the strategic level of analysis of travel magazine texts, the dialogical character of communication and the author’s expressiveness are implemented with the help of communication strategies.

In pragmalinguistics, these are treated as the use in the message of certain techniques of selection, structuring and delivery of information concerning a certain object, which serve the communication impact objectives of the addresser [4, 209]. A communicative strategy affects the whole text, structuring and organizing it as a functional unit [10, 133]. It is realized by way of selecting certain communicative actions and linguistic tools [3, 192] connected with information regarded as the most significant for certain communicators in a particular context [7, 156].

The main communication strategies that are associated with the publicistic component in the discursive space of travel magazines are those of value positioning and activation of the communicators’ interaction. They reflect the phenomenon of mixing “private intentions” with “socially recognized communicative purposes” which is characteristic of and widely used in a number of professional domains, resulting in a “mixing” and often “blending” of genres [12, 73].

In other words, these strategies represent a specific pattern of the author’s “self-image” which combines the social and the individual aspects (people considered as social entities vs. people regarded as individuals). As a social entity, the author of the text has to rely on the existing social system of values. The travel texts under analysis are characterized by the use of a wide range of values of different types: socially-oriented (such as “popularity” and “health”), individually-oriented (“pride”), utilitarian (“benefit”), sensory, and aesthetic (“beauty”).

A specific value which is closely associated with the publicistic style refers to attaching special significance (importance) to a subject: the impact on the reader is realized by using the technique of focusing on the problem (topic); e.g.:

Whatever your views on climate change, we hope this issue will be informative, entertaining, and *most of all, engaging on a subject that affects us all* [16, 5].

As an individual, the author of the text speaks for himself using, among other things, special techniques of minimizing the communication distance between the author and the reader. Various linguistic tools help to implement this technique [2, 115], including first- and second-person pronouns and rhetorical questions; e.g.:

Now more than ever, Planet Earth needs *our* collective help. At National Geographic, *we* believe it needs the kind of thoughtful and engaged citizens that *you, our members*, have always been [17, 5].

Decades ago when *I stood* on the riverbank in Vientiane, *I pondered a question* I knew I'd never be able to answer. *How could seemingly rational people — Americans like me — imagine they could win the war in Vietnam by subjecting Laos to such indiscriminate destruction?* [15, 114].

Conclusion

1. Description of a locus in texts of modern-day travel magazines may include a publicistic component which, together with other components (informative, artistic, advertising, tourism, scientific, etc.), shapes a specific discursive space of travel magazines characterized by a high density of interdiscursive connections, or interdiscursivity.

2. The publicistic discourse has contributed to its formation the explicit character of the author's stance (largely

subjective and directly addressed to the recipient) and the dialogical character of delivering the message (aimed at affecting the reader).

3. These publicistic features are manifested through the author's image patterns (characterized by the multifaceted character of the interactors, including the "traveler experienter vs. empathic reader" mode) and in the communicative strategies used. The strategies that are associated with the publicistic component are those of value positioning (with a wide range of value types used, including attaching special significance to a subject) and activation of the communicators' interaction (involving special techniques, in particular minimizing the communication distance between the author and the reader).

References:

1. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.
2. Ласточкина Е. В. Интимизация повествования в книге Сергея Довлатова "Наши" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6. – Ч. 1. – С. 114–116.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. – 2001. Сб. статей / Отв. ред. А. И. Новиков. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 209–227.
5. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: К проблеме определения понятия // Magister Dixit. – 2011. – № 2. – С. 152–158 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_plotnikova_s.n..pdf (дата обращения: 25.04.2016).
6. Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 13–31.
7. Степанова Е. В. Мотивированность коммуникативных стратегий манипулирования в рекламе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 1(9). – С. 156–159.
8. Тулупова К. В. Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Воронеж, 2008. – 16 с.
9. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб.: Изд. СПбГУЭФ, 2007. – С. 7–26.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
11. Юань Мяосуй. Способы выражения уступительных отношений в публицистическом стиле современного русского литературного языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. – М., 2012. – 24 с.
12. Bhatia V. K. Worlds of Written Discourse: A Genre-based View. – London: Continuum, 2004. – 228 p.
13. Chouliaraki L. and Fairclough N. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. – 168 p.
14. Fairclough N. Discourse across Discipline: Discourse Analysis in Researching Social Change // AILA Review. Applied Linguistics Across Disciplines. Milton Keynes. – 1996. – No. 12(6). – P. 3–17.
15. National Geographic. – 2015. – № 8.
16. National Geographic. – 2015. – № 11.
17. National Geographic. – 2015. – № 12.
18. Wu J. Understanding Interdiscursivity: A Pragmatic Model // J. of Cambridge Studies. – 2011. – Vol. 6, No. 2–3. – P. 95–115.

*Semenko Svitlana Vasylivna,
V. G. Korolenko National Pedagogical University of Poltava,
Professor at the Department of Journalism
E-mail: SvitlanaSem@ukr.net*

Synthesis of national and European politico-cultural traditions in journalism of Lesya Ukrainka

Abstract: Author analyzed the organic combination of national and European political ideals in journalistic practice of Lesya Ukrainka. The key aspects of political journalism of Lesya Ukrainka are discovered. The attention is focused on the aspiration of journalist to shape mature Ukrainian political nation by promoting the best national and European political traditions.

Keywords: Lesya Ukrainka, synthesis of national and European traditions, political nation.

*Семенко Светлана Васильевна,
Полтавский национальный педагогический университет
имени В. Г. Короленка, профессор кафедры журналистики
E-mail: Svitlanasem@ukr.net*

Синтез национальных и европейских политически-культурных традиций в публицистике Леси Украинки

Аннотация: В статье проанализировано органическое сочетание национальных и европейских политических идеалов в публицистической практике Леси Украинки. Выявлено ключевые аспекты политической публицистики Леси Украинки. Акцентируется внимание на стремлении публицистки сформировать с украинцев зрелую политическую нацию путем популяризации лучших национальных и европейских политических традиций.

Ключевые слова: Леся Украинка, синтез национальных и европейских традиций, политическая нация.

Леся Украинка — гениальная украинская писательница, литературный критик, фольклористка, переводчица, общественный деятель, менее известна как талантливая публицистка. Мировоззренческая публицистика «национального спасения» (И. Дзюба) Леси Украинки до этого времени, не смотря на целый массив лесеведческих научных студий, интересует многих исследователей-гуманитариев, поскольку в ней таится ответ на многие вопросы прошлого и современности. Перефразируя украинского интеллектуала Ивана Дзюбу, можем утверждать, что в публицистике она была одной из тех, «кто все сделал для того, чтобы речь об Украине была не только в прошлом, но и в нынешнем и будущем времени» [1, 5].

Продолжая традиции своего известного благородного рода Драгомановых-Косачей, Леся Украинка сумела выработать свой неповторимый публицистический стиль, в котором органично соединились мастерство писателя и аналитика своей эпохи.

Она твердо верила, что качественная публицистика есть эффективным способом политичного образования народа, поэтому неоднократно акцентировала внимание деятелей украинской журналистики на необходимости развития национальной школы публицистики в направлении генеральных тенденций европейского публицистического дискурса.

Характеризируя стан развития национальной публицистики, Леся Украинка отмечала, что колониальный

статус Украины и некоторая пропасть между народом и интеллигенцией стали основной причиной отсутствия у большинства украинцев потребности и культуры чтения публицистики. Продолжая стратегическую линию публицистической династии Драгомановых-Косачей — формирование украинской политической нации на основе консолидации лучших интеллектуальных сил обеих берегов Днепра, Леся Украинка в своих выступлениях в прессе неоднократно позиционировала эти проблемы как ключевые для национального публицистического дискурса.

Так, в статье «Беспардонный патриотизм», становясь в защиту украинских интересов, Леся Украинка призывала, чтобы украинская интеллигенция заботилась о насущных проблемах народа настоящими делами, а не провозглашениям популистских лозунгов, вырабатывала реальные действенные программы национальной работы, не игрывала с имперскими правительствами. Публицистка придерживалась принципа: украинская интеллигенция должна работать в пределах интересов собственного народа, не надеясь на инациональную помощь. В своей публицистике она репрезентировала собственное видение такой политической силы, которая могла бы объединить украинцев вокруг национальной идеи.

В «Письме к товарищам» она излагает собственное видение тех шагов, которые бы способствовали консолидации украинцев, рассоединенных экспансией двух империй. В форме острого публицистического открытого письма

Леся Украинка обращается к надднепрянской интеллигенции с призывом брать активное участие в политико-культурных акциях, которые способствовали бы повышению авторитета украинцев среди политических наций мира и проведения конструктивного диалога между надднепрянской и галицкой интеллигенцией. Публицистка убеждает свою аудиторию в том, что внутренняя национальная рознь полезна только для врагов украинства.

Ключевые проблемы «Письма к товарищам» нашли свое продолжение в «Дополнении от составителя к украинскому переводу брошюры “Кто с чего живет”» известного польского социал-демократа Самуэля Дикштайна, который, по сути, отображает общественно-политическую программу Леси Украинки, основанную на проевропейском политическом выборе Украины в новых исторических условиях. Так, публицистка артикулирует тезис о необходимости политического просвещения народа, которое заключается в систематизации и переосмыслении мирового опыта политической работы, формировании собственной украинской политической стратегии на национальной почве. Предвидя недовольство и непонимание политических оппонентов относительно того факта, что ни в одной стране мира не удалось полностью освободиться от политической несвободы, она, как аргумент, приводит пример политической борьбы за свои права и свободы рабочих в Германии, акцентируя внимание на ведущей роли в этой борьбе немецкой социал-демократической интеллигенции: «Всегда находились сведущие и образованные приверженцы рабочего дела, которые разъясняли рабочим и при помощи книг, и живым словом, как нужно вести борьбу с врагами и каким способом лучше объединятся между собой» [3, 128].

Осознавая свою просветительскую миссию, Леся Украинка хотела без единого намека на морализаторство и дидактизм, донести до своего адресата необходимость правового и политического просвещения народа. Так, в статье «Государственный уклад» публицистка призывает «украинскую интеллигенцию написать самые важные законы так, чтобы каждый мог разобраться», поскольку «на нашем языке до сих пор было написано про эти дела очень мало, та и то, что написано, не систематизировано». Этот призыв к образованному украинскому сообществу был продиктован объективными историческими реалиями колониального статуса украинцев, которые оказались в инациональном правовом поле двух империй, и были вынуждены жить за чужими непонятными законами: «А откуда ж его знать простому человеку, что по высшим школам не бывал и даже прочитать законов тех не имеет, а хотя и прочитает, то едва ли разберет, ибо в Австрии они написаны по-немецки, а в России по-русски, и иной раз так круто, что не каждый ученый сразу поймет» [3, 215].

В «Государственном укладе» Леся Украинка акцентирует внимание и на таком факте: во многих независимых европейских государствах изучение правовых основ осуществляется со школьной скамьи, что способствует формированию правового гражданского общества.

Осознавая свою ответственность за формирование украинцев как политической нации и продолжая публицистические традиции М. П. Драгоманова, Леся Украинка берется за переводы знаковой европейской политической публицистики. Известно, что о своем европеизме Леся Украинка впервые заявила ещё в девятнадцатилетнем возрасте в письме к Михаилу Драгоманову, определив первые конкретные дела в этом направлении: изучение европейских языков перевод целого массива публицистических и художественных произведений Европы.

Знакомство с европейским способом жизни не только усилило в Леси Украинки чувство национальной несвободы украинцев: «мне кажется <...>, что на руках и на шеи у меня видно красные следы, что натерли оковы и ярмо несвободы, и все видят те следы, и мне стыдно за себе перед свободным народом» [4, 258], но и подвигло к активным действиям во имя будущего государственного суверенитета родной страны, критичнее оценивать деятельность просвещенных украинских граждан в политической сфере.

Леся Украинка, не только внимательно изучала наиболее резонансную в Европе политическую литературу и публицистику, но и критически переосмысливала её ключевые постулаты: «Вот только половину «Kapital’у» «простудировала» («читать» его нельзя), и, знаешь, чем далее читаю, тем больше разочаровываюсь: я не вижу той «строгой системы», о которой говорят фанатики этой книги, вижу много фактов, множество шутилых гипотез и ещё больше просто шуток, но много остаётся для мене темного, невыясненного, недоговоренного и в научной теории, и в практических выводах из неё. Нет, видно, это повчм evangekium всё-таки требует больше непосредственной веры, нежели её у меня есть» [4, 368].

Леся Украинка, активно работая над переводом на украинский язык целой серии европейских политических публицистических брошюр, стремилась к смысловому и стилистическому совершенству текстов. Обращаясь к редакторам, она призывала их избегать «стереотипов российской публицистики», использовать «народную украинскую фразу», чуждаться абстрактного изложения, наполняя основной текст фактами с украинской общественно-политической и культурной жизни. Главным требованием публицистики есть утверждение своего украинского «Я»: «Следовало бы, на мой взгляд, бросить форму доказательства: «Что же я виноват, что я украинец? Хотя бы и хотел, но я не умею быть другим». Для негосударственного народа это самоунижение совершенно лишнее, поскольку напоминает «рабий язык», да и пример украинской интеллигенции показывает, что украинец совсем не имеет быть не украинцем, когда захочет (разница в акценте и маленькое «закидание» по-украински вещь, попросту пустая). Только тогда начинается, по настоящему свободная не шовинистическая, но и не «рабья» национальна психология, когда человек говорит: я может бы и сумел быть другим, но не хочу и не нуждаюсь, потому что я хотя не лучший, так за то и не хуже от других, в крайнем

случае, от тех, что хотят меня на свой манер переделать. Такой способ доказательств хочу употреблять везде, где будет нужно...” [2, 668].

Таким образом, унаследовав от представителей старшего поколения Драгомановых-Косачей самоотверженную любовь к Украине и осознание позитивной роли проевропейских политических и культурных традиций для

формирования украинской политической нации, Леся Украинка стремилась отобразить это в своей публицистике. Позиционируя Украину как неотъемлемую составляющую европейского сообщества, представительница благородной украинской династии, активно включала резонансную политическую европейскую публицистику в украинское информационное поле.

Список литературы:

1. Дзюба И. В свете мысли Леси Украинки/Иван Дзюба. – Луцк: РВВ «Вежа» Волын. Госуд. ун-т им. Леси Украинки, 2006. – 44 с.
2. Косач-Кривнюк О. Леся Украинка: хронология жизни и творчества/Ольга Косач-Кривнюк. – Нью-Йорк, 1970. – 999 с.
3. Украинка Леся. Литературно-критические и публицистические статьи/Леся Украинка//Собрание сочинений: в 12 т. – Т. 8. – К.: Науч. мысль, 1977. – 319 с.
4. Украинка Леся. Письма/Леся Украинка//Собрание сочинений: в 12 т. – Т. 10. – К.: Науч. мысль, 1978. – 544 с.

Section 2. Study of art

*Grebennikova Dina Aleksandrovna,
St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
Associate Professor at the Department of art history
and culturology, Candidate of Art criticism
E-mail: 29din@rambler.ru*

*Pollak Ekaterina Alexeevna,
first-year student of magistracy at the Department
of art history and culturology
E-mail: kat-713@yandex.ru*

The fine art at the top of the elegance: «A word on art of dance and ballet in Russia» by Jacob Staehlin

Abstract: In this article the critical work of an outstanding figure of Russian Academy of sciences, art historian J. Staehlin is studied. Particularly, his work “A word on art of dance and ballet in Russia” (year 1769) is considered to be one of the first texts in the critical genre dedicated to the ballet theatre. The historical and theoretical analysis allows to detect the peculiarities in Staehlin’s perception of the dance as well as his observations on the first performances. The study allows to conclude that the thorough knowledge of the author of the “Word...” in the sphere of the musical theatre has enabled him to evaluate professionally the performance of the dancers hired to the Imperial court.

Keywords: Jacob Staehlin, Academy of Science, Russian ballet of the end of the XVIII – beginning of the XIX century, Vaganova Ballet Academy.

*Гребенникова Дина Александровна,
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица,
доцент кафедры искусствovedения и культурологии,
кандидат искусствovedческих наук
E-mail: 29din@rambler.ru*

*Поллак Екатерина Алексеевна,
студентка 1 курса магистратуры
кафедры искусствovedения и культурологии
E-mail: kat-713@yandex.ru*

Прекрасное искусство на вершине изящества: «Известия об искусстве танца и балетах в России» Якоба Штелина

Аннотация: В статье исследуется критическое творчество выдающегося деятеля российской Академии наук, историка искусств Я. Штелина. В частности, его работа «Известия об искусстве танца и балетах в России» (1769 г.) рассматривается как один из первых текстов критического жанра, посвященных балетному театру. Историко-теоретический анализ выявляет специфику восприятия танца Штелиным и его наблюдений по поводу первых постановок. Исследование позволяет сделать вывод о том, что основательные знания автора «Известий...» в области музыкального театра сделали его способным профессионально оценить выступления артистов, нанятых к императорскому Двору.

Ключевые слова: Якоб Штелин, Академия наук, русский балет кон. XVIII – нач. XIX вв., Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой.

В 1735 г. в российскую Академию наук адъюнктом (от фр. «adjoint» — «ассистент», помощник профессора при кафедре — Е. П.) «немецкого штиля, красноречия и стихотворства <...> и для дальнейшего упражнения в художествах» [7] был приглашен выпускник Лейпцигского университета Якоб (Яков) Яковлевич Штелин (нем. Jacob von Stäehlin; 9 мая 1709 г., Мемминген — 25 июня 1785 г., Санкт-Петербург). С первых лет пребывания в России Штелин активно включился в художественную жизнь Петербурга и проекты Академии наук. Так, при его участии была организована Рисовальная палата; для церемониального альбома, выпущенного по случаю вступления на престол Елизаветы Петровны 25 апреля 1742 г., Штелин составил описание коронационного обряда и выполнил ряд гравюр по рисункам И. Гриммеля [4, 6–7].

Следуя своей привычке фиксировать то, что он видел и узнавал, Штелин вел записи о событиях, свидетелем которых становился. Впоследствии эти рукописи, дополненные и уточненные, легли в основу его научных работ, ныне признанных исследователями одними из основных материалов по искусству XVIII в. в России [2, 37].

Начало научной деятельности Якоба Штелина в области искусств относится к кон. 1730-х гг. [4, 7]. Как отмечает М. К. Малиновский, на формирование его общественных взглядов оказали связи с передовыми деятелями русской культуры, а общение с крупными мастерами западноевропейского и русского искусства, работавшими в Петербурге, содействовало превращению Штелина в знатока искусства [4, 11].

Деятельность Штелина-искусствоведа, предпринявшего в «Известиях о художествах России» (1767 г.) первую попытку создания истории русского искусства XVIII в., никогда не выпадала из поля зрения исследователей. В то же время Штелин-балетовед, автор «Известий об искусстве танца и балетах в России» (1769 г.), практически незнаком даже историкам балета. Отчасти это связано с тем, что в научный оборот работа была введена довольно поздно — после 1980-х гг., а также с тем, что на сегодняшний день существует лишь одна монография, посвященная исследованию русской балетной критики XVIII–XIX вв. [5].

В течение ряда лет Штелин являлся редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и писал для нее статьи на культурно-исторические темы. В 1779 г. «Санктпетербургский вестник» публикует «Сокращенные известия о русских танцах и театральных в России балетах, сочинения его превосходительства действительного статского советника Я. Я. Штелина». Это была своеобразная популяризация опубликованных в 1770 г. в книге Иоганна Иозефа Хайгольда «Приложения к преобразованиям в России» «Известий о музыке и балете в России» Штелина [2, 37]. О. А. Петров полагает, что «Известия...» являются одним из основных материалов для изучения русского балетного искусства XVIII в. [5, 26].

«Известия об искусстве танца и балетах в России», изложенные Штелиным в двадцати трех параграфах,

содержат сведения о русском народном танце, танцах на балах, первых балетных представлениях, начиная с постановок Ж. Б. Ландэ (фр. Jean-Baptiste Landé, ? – 1746) и заканчивая сочинениями «десяти кордебалетов» Г. Анджиолини (итал. Gasparo Angiolini, 1731–1803) в опере «Ифигения в Тавриде» (1768 г., музыка К. В. Глюка, либретто Н. Гийяра по мотивам драмы Еврипида) и «четырёх больших кордебалетов» в опере «Олимпиада» (1769 г., музыка Т. Траэтта, либретто Пьетро Метастазियो).

Эта работа Штелина — свидетельство современника о многих фактах и явлениях театральной жизни России того времени. Написанные ярким, образным языком, полные точных наблюдений и характеристик, хотя и довольно лаконичные, «Известия...» заключают в себе большой фактический материал, который сегодня, однако, нередко нуждается в комментировании и толковании.

Особый интерес представляют свидетельства Штелина о деятельности французского «искусного танцмейстера» [6, 152] Жана Батиста Ландэ (фр. Jean-Baptiste Landé, ? – 1746), приглашенного в Российскую империю в 1730-х гг. Как сообщает автор «Известий...», Ландэ, прежде выступавший на сценах Парижа и Дрездена и содержавший некоторое время Французский театр в Стокгольме, обучал «лучших танцоров среди русских дворян-кадетов» [6, 151]. Речь идет о воспитанниках Шляхетского кадетского корпуса (основан в 1731 г.), для которых с 1734 г. балетмейстер преподавал уроки танцев.

Ландэ был одним из многих иностранцев — знатоков своего дела, состоящих на службе России. Опытный мастер балетного искусства, он за несколько лет выучил кадетов танцевать не хуже профессионалов [6, 151], и те выступали в любительских спектаклях при дворе, обставлявшихся, как отмечает А. А. Гозенпуд, с большой пышностью [1, 47]. Однако молодые люди не думали всерьез посвящать себя театру, «танцевание», по меткому замечанию Штелина, всё еще воспринимались «не серьезно, как бы в шутку», как «веселье и невинное развлечение» [6, 150]. А необходимость в театре и труппе, которая бы состояла не из иностранных, а русских профессиональных танцовщиков, ощущалась настоятельная [3, 10]. Это было связано, прежде всего, с тем, что, начиная с 1740-х гг., возобновилась деятельность придворного оперного театра, и приезжие танцоры не могли обеспечить постановки больших и сложных произведений. Кроме того, необходимость русских спектаклей для престижа монархии осознавалась и при дворе. Так появился проект придворной балетной школы — «Танцевальная Ея Императорского Величества школа», — изложенный Жаном Батистом Ландэ в записке к Анне Иоанновне. Разрешение было получено, и в 1738 г. состоялось ее торжественное открытие (заметим, что от нее ведет свою родословную Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой). По этому поводу Штелин сообщает: «Обязавшись подготовить совершенный балет из русских молодых людей, он (Ж. Б. Ландэ — Е. П.) выбрал для начала (большей частью из детей простолюдинов) дюжину

стройных и рослых молодых девушек и ровно столько же юношей, которые воспитывались и обучались за счет Двора. За несколько лет путем ежедневных упражнений он обучил их столь большому уменью в этом искусстве, что привел ими зрителей в изумление» [6, 152].

«Известия...» сохранили и свидетельства о первых учениках школы «театрального танцевания». Так, из описания Штелина становится известно, что среди девушек «превосходно успели: Аксинья (Аксинья Сергеева (ок. 1726–1756), с 1743 г. числилась «танцовалщицей» — *Е. П.*), Елизавета (Елизавета Борисова (род. 1730 г.), с 1743 г. числилась «танцовалщицей», вышла в отставку в 1748 г. — *Е. П.*) и Авдотья (Авдотья Лаврентьева была принята «ко обучению балетов» в 1742 г. и уволена из Придворной балетной труппы в 1758 г. — *Е. П.*), а из учеников достигли в хореографии виртуозности: Афанасий (Афанасий Топорков состоял в Придворной балетной труппе с 1741 по 1761 гг. — *Е. П.*), Андрей (Андрей Нестеров (род. 1727 г.) закончил выступления в 1748 г., затем обучал танцам в Кадетском корпусе до 1754 г. — *Е. П.*) и Андрюшка (вероятно, Штелин имеет в виду Андрея Серкова (род. 1737 г.) — *Е. П.*). Прочие использовались фигурантами и фигурантками в больших балетах» [6, 152].

В чем именно заключалась виртуозность танца первых выпускников школы, автор не уточняет, и надо заметить, что в целом сведения Штелина о танцевальной технике и хореографии весьма скромны. Педантичный исследователь многих областей культуры и искусства, как балетный критик Штелин осторожен в своих оценках. Это не удивительно, поскольку само положение танца в сценической практике было скромным: балет еще не закрепился как самостоятельный театральный жанр и существовал «при трагедии». «Сего июля 16 дня на оперном театре представлена будет российская трагедия «Хореп» и при ней <...> новые два балета», — писали «Московские ведомости» в 1760 г.

Восприятие балета как действия «при трагедии» отразилось на характере «Известий...». Изобилующие фактами, датами и именами, они носят в большей степени описательный характер, нежели художественно-критический. Танец рассматривается как «прекрасное искусство на вершине изящества» [6, 157]. Исследователь не ставит своей задачей понять, из каких элементов и приемов он

складывается. Описывая выступление Аксиньи, числившейся с 1743 г. при дворе «танцовалщицей», он ограничивается коротким замечанием: «танцовка заимствовала от своей учительницы Фузано силу и прелесть танца» [6, 152]. Упоминая, однако, о Томасе Лебрене, «юноше-французе, которого он (Ж. Б. Ланде — *Е. П.*) подвинул так далеко, что этот его ученик танцевал на придворной сцене ко всеобщему восхищению» [6, 152], Штелин употребляет французский термин «entrée», что позволяет говорить о том, что с азами балетной хореографии он был знаком. Подтверждением тому является и ясное понимание Штелиным термина «pas», который используется для описания и характеристики украинского танца.

Одним из первых Штелин выявил особенности русского танца, которые в дальнейшем скажутся на самобытности русской хореографической школы и балетного театра. Русский танец «состоит не из скачков и прыжков, а заключается в изящном и медленном движении дамы и в частых, глубоких сгибаниях и выпрямлениях кавалера или в его приседаниях, при которых ноги в коленях быстро вытягиваются и снова сгибаются...» [2, 148], — пишет Штелин. В танцевальном дуэте им был подмечен и своеобразный диалог между танцующими женщиной и мужчиной: «Дама <...> скользит легкими шагами, плавно, словно по воздуху, мимо танцующего перед нею кавалера. Она быстро поворачивается то в одну, то в другую сторону <...> голова ее слегка наклонена, а низко опущенные глаза сверкают иногда кавалеру взглядом, выражающим все, что она хотела бы ему сказать или доверить» [6, 148–149]. Впоследствии скользящие легкие шаги, позволяющие исполнительнице двигаться «плавно, словно по воздуху» станут основой танцевального приема, получившего поэтичное название «лебединая поступь».

Когда на императорской сцене был показан «довольно хороший французский балет» [6, 152], русские танцовщики наделили его русской страстью, русской душой, замечает критик. Процесс слияния достижений французской и итальянской профессиональной танцевальной школ с русскими хореографическими традициями (в рамках складывающегося русского балета) и проследил Штелин на страницах своих «Известий...». Все это дает основания считать заметки Якоба Штелина явлением художественной критики, сохранившей ценные свидетельства о первых шагах русского балетного театра.

Список литературы:

1. Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России от истоков до Глинки. Очерк. — Л.: Гос. муз. изд., 1959.
2. Загурский Б. И. Музыкальная культура в России XVIII века. — в кн.: Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. — Л.: «Тритон», 1935.
3. Красовская В. М. История русского балета: учебное пособие. — СПб.: «Лань: Планета музыки», 2008.
4. Малиновский К. В. Якоб Штелин и его материалы по истории изобразительного искусства XVIII в. — Л., 1980.
5. Петров О. А. Русская балетная критика конца XVIII — первой половины XIX в. — М.: «Искусство», 1982.
6. Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. — Л.: «Тритон», 1935.
7. Архив РАН, ф. 3, оп. I, д. 2332, л. 15.

*Koverza Elena Anatol'evna,
competitor of the Kyiv National University of Culture and the Arts,
soloist of the Desevred folk brass band of Center Culture
and Arts National Aviation University,
teacher of higher category Child's musical school № 3 V. Kosenka
On the class of accordion, Ukraine, Kyiv
E-mail: symphonie.hellen@mail.ru*

Jazz art in Ukraine (40th XX of century) and creative activity of Leonida Utjosova

Abstract: the Article is sacred to research of creative activity of the known jazz singer Leonida Utjosova in the context of historically-cultural realities 40th of XX of item in Ukraine.

Keywords: jazz carrying out, concerto activity, Ukrainian jazz.

*Коверза Елена Анатольевна,
соискатель Киевского национального университета культуры и искусств,
солистка Заслуженного народного духового оркестра Центра Культуры
и Искусств Национального Авиационного Университета,
преподаватель высшей категории ДМШ № 3 им. В. Косенко
по классу аккордеона, Украина, Киев
E-mail: symphonie.hellen@mail.ru*

Джазовое искусство в укрине (40-е гг. XX в.) и творческая деятельность Леонида Утёсова

Аннотация: Статья посвящена исследованию творческой деятельности известного джазового певца Леонида Утёсова в контексте исторически-культурных реалий 40-х гг. XX ст. в Украине.

Ключевые слова: джазовое исполнительство, концертная деятельность, украинский джаз.

Актуальность темы. В начале XX ст. весь советский джаз ориентировался на лучшие американские и европейские достижения в разных стилевых направлениях. В Украине не было еще ни настоящих джаз-бендов, тем более своей оригинальной джазовой музыки (если не учитывая попыток В. Парнаха и Л. Варпаховского). Но выходили статьи В. Парнаха, Н. Малько, М. Кузмина, А. Цукера, книга Ивана Мацы и сборник С. Гинзбурга, где сообщались последние сведения в области джазового искусства. Жизнь и творчество выдающихся джазменов начала XX ст. всегда привлекает внимание искусствоведов, научных работников, педагогов, творческой молодежи. Это касается и Л. Утёсова, одного из самых выдающихся музыкантов-исполнителей XX в. Актуальность исследования заключается в первую очередь в освещении пути становления и развития творческой деятельности Леонида Утёсова в 40-х гг. XX ст. в Украине. Этот период характеризуется тем, что украинский джаз формировался в период Советского Союза, согласно реалиям того времени.

Цель исследования статьи: проанализировать характерные черты творческой деятельности Леонида Утёсова в контексте общественно-исторических и культурно-художественных реалий 40-х гг. XX ст. в Украине.

В военный период (40-е гг. XX ст.) джаз постепенно отделяется от инструментальных форм и ассимилируется

с массовой песней и эстрадным искусством. Джазовые оркестры начинают заниматься разнообразной концертной деятельностью в сложных условиях на передовой фронтов, на линиях обороны, а также давая концерты и для тружеников тыла. Среди них следует вспомнить Л. Утёсова, К. Шульженко, И. Феличева и др.

Объявление о начале войны застает Л. Утёсова во время репетиции новой программы «Напевая, шутя и играя» в московском «Эрмитаже». Желая поддержать солдат, оркестр за короткий срок создает первую военную программу «Бей врага!», в которой вместе с уже известными песнями звучат новые произведения: «И не раз, и не два!» (Б. Фомин — сл. Г. Гридова) [5, 91], «Партизан Морозко», «Привет морскому ветру» (М. Сидрер — В. Лозин). За первый год войны оркестр дал свыше 200 концертов на заводах, кораблях, в действующей армии на Калининском фронте, постоянно включая в программу новые песни: «Жди меня» (Н. Горбенко — К. Симонов), «В землянке» (К. Листов — А. Сурков), «Темная ночь» (Н. Богословский — В. Агатов), «Одессит Мишка» (М. Табачников — В. Диховичный), сатирические антифашистские частушки «Гадамнет пощады!» (А. Островский — С. Михалков) [1]. На всех грампластинках, начиная с самой первой (Ленинград, 1942), и компакт-дисках композитором песни «Одессит Мишка» значится Михаил Петрович Воловац,

но «Музыкальная энциклопедия» [7] впервые официально назвала автором музыки этой песни Модеста Табачникова, который еще в 50-х гг. во время творческих вечеров выполнял ее как свою. В 1988 г. «Одессита Мишку» включили и в нотный сборник его песен (издательство «Музыка»). По свидетельству вдовы композитора, М. Воловац в 1942 г. лишь оркестровал мелодию совсем молодого тогда М. Табачникова, присвоив ее авторство [1].

Вторая программа военных лет «Напевая, шутя и играя» стала отзвучиванием на начало серьезных успехов Советской армии. К ней были включены песни: «Прощание» (Т. Хренников — Ф. Кравченко) [5, 124], «Пароход» (Н. Минх — А. Д'Актиль), «Десять дочерей» (Е. Жарковский — Л. Квитко), «Два друга» (С. Германов — В. Гусев).

В 1944 г. оркестр представил новую джаз-фантазию «Салют», в которой прозвучали отрывки из симфонических произведений, свыше двадцати старых и новых песен, лирических и сатирических интермедий. 9 мая в 1945 г. Леонид Утёсов выступил с оркестром на открытой эстраде на площади им. Свердлова в Москве [1].

После войны в джазовой музыке постепенно происходит переход от песенных к разносторонним инструментальным формам. Такой поворот способствовал заинтересованности этим видом искусства молодой одаренности и повлек появление во многих городах и селах Украины большого количества как профессиональных так и самодеятельных коллективов, которые исполняли джаз. Их репертуар состоял как из произведений зарубежных классиков джаза, так и из обработок украинских народных песен в джазовом стиле. В Киеве в 1946 г. на берегу клуба «Днепр» был создан джазовый оркестр, который возглавил Петр Кеслер [4].

К 800-летию Москвы (1947) утёсовский коллектив подготовил оркестровую фантазию «Москва», в финале которой впервые исполнялась песня И. Дунаевского «Дорогие мои москвичи!» (И. Дунаевский — В. Масс, М. Червинский). В 1952 г. появилась программа «Музыка толстых», центральное место в которой заняла сатира на международные темы. 25-летие коллектива (1954) было отмечено эстрадным спектаклем «Серебряная свадьба», в которой Леонид Утёсов выполнил одно из последних произведений И. Дунаевского «Я песне отдал все сполна». Песня вошла в фильм «Веселые звезды». В марте 1960 г. в московском театре эстрады была представлена программа «Тридцать лет спустя» [1].

Выдающийся мастер советской эстрады Леонид Утёсов заложил основы нового жанра, сформированного на отечественном музыкальном и поэтическом материале, что синтезировало отдельные элементы зарубежных театрализованных представлений, эстрады и джаза. Этот жанр, который назывался сначала «театрализирующим джазом», потом «песенным джазом», а впоследствии, уже после войны, просто «эстрадной музыкой», с годами все более развивался и жил по своим собственным законам. Именно из утёсовских музыкантов вышли известные

композиторы Аркадий Островский, Владимир Шаинский, Владимир Терлецкий, Вадим Людвиковский; выдающиеся руководители джаз-оркестров — Яков Скоморовский и Николай Минх; первоклассные аранжировщики — Николай Игнатъев, Леонид Дидерихс, Михаил Воловац [2, 29].

Если рассмотреть деятельность Валентина Парнаха в театре В. Мейерхольда, то первым за театрализацию джаза взялся именно он. Его номер «Жирафовидный истукан» был по существу театральным шоу, которое просто шокировало публику артистизмом и хореографическим талантом исполнителя — взаимодействием руководителя с исполнителями оркестра. Причем это были авангардистские постановки французского театра [3, 108]. В силу этого можно говорить о том, что театрализуемый джаз Леонида Утёсова был не совсем новым явлением, как утверждает сам Утёсов. Именно Валентин Парнах привнес эту идею в художественно-театральное искусство СССР. Что касается А. Цфасмана, то у Леонида Утёсова с ним были разные взгляды на культуру и искусство. Александр Цфасман был космополитом, который считал, что культура и искусство — приобретение всего человечества, независимое от границ, то, которое объединяет людей всех рас и национальностей [6, 36]. Леонид Утёсов мечтал поставить западное искусство на службу советскому, приспособить джаз к советской тематике, что ему успешно удалось, и это стало в известной степени залогом его успеха [6, 36]. Леонид Утёсов утверждал, что собственно джазовая музыка, продемонстрированная негритянскими музыкантами, вызвала серьезный разговор о сути джаза и положила начало многолетней полемике, обусловив ее характер, ее напряжение на долгие годы вперед.

Подытоживая творческий путь Л. Утёсова хотелось бы отметить, что известный певец XX ст., является ярким представителем современного джазового искусства, творчество которого открыло возможности для приобретения отечественной национальной музыкальной культуры на широкую орбиту международного пространства, от которого начало развиваться джазовое искусство в Украине. Он работал в жанре одесского эстрадного стиля. Музыканты-академисты категорически отрицали возможность присутствия джаза на украинской эстраде, считая его порождением буржуазной культуры. С другой стороны, молодые джазовые музыканты, его сторонники утверждали, что будущее только за ней. Инструментальное или театральное-эксцентрическое направление исполняло роль прикладной музыки. Джазовое искусство критиковали — за развлечение, и за безыдейность, — но не принимая во внимание это он становился все более и более популярным.

С деятельностью Леонида Утёсова связано развитие советской песни. Действительно, из-за многочисленных граней таланта артиста выкристаллизовался главный — песенное творчество, а уже оно повлияло на него с помощью родного города с его спецификой, его контрастами, его внешним видом, запахом моря и всегда звучной музыкой. Он замечательный исполнитель новых произведений

И. Дунаевского, В. Соловьёва-Седого, М. Блантера, К. Листова, А. Книппера, Т. Хренникова и других. Невзирая на большое количество публикаций посвященных

Л. Утёсову, нужно отметить, что биография маэстро, его жизненный путь и творчество нуждаются в дальнейшем исследовании.

Список литературы:

1. Биография Леонида Утёсова//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.c-cafe.ru/days/bio/6/067.php>
2. Железный А. Как Леонид Утесов создал оркестр Теа-джаз/Анатолий Железный//Джаз. – К., 2006. – № 1(1). – 40 с. – С. 28–31.
3. Музыка и незвучащее//Литературное обозрение. – 1998. – Вып. 1–12. – С. 108.
4. Розвиток музикальних жанрів в Америці та СНГ. Сучасні тенденції розвитку джазу в Україні. Фестивалі, конкурси. Екскурс у минуле//[Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/culture/00028249_1.html
5. Священная война. Песни Победы/сост. В. А. Костров, Г. Н. Красников. – М.: Олимп, 2005. – 345 с.
6. Фролова Е. Джаз в Советском Союзе?/Е. Фролова//DEVOU'TI. – 2009. – № 9. – С. 36.
7. Музыкальная энциклопедия. Т. 6. – М.: «Советская энциклопедия», 1982.

Section 3. History and archaeology

*Burkhonova Norsuluv Abdug'anevna,
Architectural Building Institute of Tashkent,
assistant, the Faculty of Architecture
E-mail: papatya-n@mail.ru*

History of a link Great Silk Road

Abstract: This article discusses the history of the formation and development one stops of the Great Silk Road, Jizzakh city.

Keywords: Caravan routes, states of Central Asia, Ustrushana, Djizak city, Alexander the Great, Turkic Khaganate, Tamerlane, Ura-Tepe.

*Бурхонова Норсулов Абдуганиевна,
Ташкентский Архитектурно-Строительный Институт,
ассистент, архитектурный факультет
E-mail: papatya-n@mail.ru*

История одного звена Великого шелкового пути

Аннотация: В данной статье рассматривается история формирования и развития одной из остановок Великого шелкового пути, города Джизак. Изучается воздействие Великого Шелкового пути на город и какую роль играл сам город в международном торговом и духовном диалоге.

Ключевые слова: Караванные пути, Центрально Азиатские государства, Уструшана, город Джизак, Александр Македонский, правление Тюркского каганата, Амир Темур, Уратепа.

В современной культуре разных народов, отдаленных друг от друга на тысячи километров можно наблюдать сходства, общие черты и можно подумать, что они зарождались в одном месте и раскинулись по свету. Благодаря Великому шелковому пути столетиями шел непрерывный диалог культур стран Запада и Востока. Роль Великого шелкового пути бесценна в мировой истории взаимообмена знаниями, материальными и культурными ценностями, технологиями и общения народов двух континентов.

Важную роль в накоплении, преобразовании и передаче различных культурных достижений между Востоком и Западом сыграл регион Центральной Азии в силу своего расположения на перекрестке основных торговых маршрутов. Именно поэтому, он и был очагом, где зарождались и гибли великие цивилизации древности, а на их месте появлялись новые, перенимавшие опыт и знания предыдущих поколений. Древняя культура народов региона постоянно испытывала влияния извне и одновременно влияла не только на сопредельные, но и более отдаленные страны [1, 8].

Центральная Азия выполняла функцию уникального связующего звена между Средиземноморьем, Передней Азией, Индией и Китаем, что способствовало интенсивному обмену информацией и передовыми достижениями — как техническими и хозяйственными, так и в области менее материальной. Удачно проложенные еще в глубокой

древности маршруты продолжали успешно выполнять свое предназначение и в последующие эпохи. К одному из них можно отнести южный караванный путь, ведущий из Согда через Уструшану в Ходжент, Фергану и далее в Китай.

В одном из пунктов, расположенных на этом пути, возник и развивался город Джизак. Через этот город проходили, разветвлялись караванные пути соединяющие восток и запад.

Расположенный в центральной части Узбекистана город Джизак является также административным, экономическим и культурным центром одноименной области Республики. Город расположен у реки Сангзар, северного подножья гор Нурота, в южной части Голодной степи, между древними городами Ташкент и Самарканд. Истоки города уходят глубоко в историю. В греческих хронологиях упоминаются города Кирополь и Газо, хотя историки не уточняли расположение этих городов, современные историки предполагают, что по своему географическому расположению, стратегическому значению Газо и был древним Джизаком. В другой версии — в письменных источниках арабских географов и путешественников Ибн Хаукаля и Мукаддаси упоминается как один из городов Фекнана в Уструшане.

В древней истории этого региона называются события, связанные с периодом нашествия Александра Македонского. Как свидетельствуют исторические источники,

при нашествии в Уструшану, Македонский столкнулся с сильным сопротивлением. В книгах, посвященных истории А. Македонского упоминается о 7 городах в Уструшане, поднявших восстание вскоре после захвата им территории вплоть до Сырдарьи. Русский историк-востоковед В. Григорьев, изучив историю похода Македонского в западный Туркестан, высказал мысль о том, что седьмым городом мог быть Джизак. По историческим данным, город был полностью разрушен македонцами [2, 8].

В исторических источниках очень мало сведений, касающихся социально-экономической жизни Джизака в период Салавкидов и во времена правления Греко-бактрийского, Кангского и Кушанского государств. Предположительно город почти прекратил свою жизнь.

С установлением торговых связей Великого шелкового пути через Уструшану в III–II веках до н. э. город, можно сказать, восстал из пепла. Прохождение международного торгового пути по территории области, появление караван-сарая на всем ее протяжении благотворно сказалась на жизни региона: развивались торговля, ремесленничество. В этот период среди населения большую силу воздействия имела религия зароастризм.

Историки утверждают, что когда власть перешла в руки эфталитов, в регион начали переселяться тюркские кочевые скотоводы и благодаря их оседлости, расширение пригодных для поливного земледелия площадей стало возможным в долинах Сангзара. Взятие эфталитами под контроль Великого шелкового пути в их территории способствовало развитию в городе гончарного, кузнечного, ювелирного и оружейного ремесел. На базарах продавались гончарные изделия, одежда из кожи и шерсти, лошади, овцы, продукция для сада и огорода, зерно.

Во время правления Тюркского каганата в Уструшане, Великий шелковый путь был одним из основных источников прибыли, государство вела политику под лозунгом «Борьба за Великую караванную дорогу». Тюркский каганат еще во времена эфталитов установил близкие отношения с согдийскими торговцами. Согдийцы закупив у тюрков шелковые ткани, везли в Иран, отсюда в Византию. Именно в тот период на северо-западе города Джизака, под боком горы Писталитау, на границе Дашти Кипчака, в удобном природно-географическом месте в первый день каждого месяца собирався оптовый базар. В этот период росла города, развивалось ремесленничество. Продукция, изготовленная из кожи и шерсти в Джизаке доставлялись на иракские базары [2, 8].

После установления в Центральной Азии правления арабов город потерпел периодических нападений из-за конфликтов правительства, а также нападки кочевников. В период VIII–XII веков наступил мир и город развивался и благоустраивался, развивалась наука и город предоставил для истории ученых, государственных чиновников, торговцев.

Но с приходом монголов город полностью разрушается. Оптовый базар, где кипела торговая жизнь при правлении Тюркского каганата, пришел в упадок. В этот темный период на историческую сцену поднимается Амир Темур.

Он остался в истории не только как полководец и крупный государственный деятель, но и как покровитель науки и культуры. В исторических источниках упоминается столкновение Амира Темура с войсками Амира Хусейна вблизи Джизака. По соглашению, заключенному с Амиром Хусейном в 1368 году Джизак переходит под правление Амира Темура. В тот период были восстановлены караван-сарай, установилось мир и благосостояние. Вместо оптового базара начал работать Янгибазар (Сарбазар) на территории Джизакской области [2, 8].

Когда тимурид Мирзо Улугбек правил Мавераннахром, он отправился со своим войском против жатов и монголов и одержал победу. При возвращении он остановился в Джизаке и устроил там пиршество, праздничные торжества и народные гулянья в честь победы. То место, где проводились мероприятия, унаследовало свое название «Сайил-жойи» и до настоящего времени сохранился как название, образовавшийся здесь махалли. Напоминания о Джизаке встречается и в «Бабурнаме» 3. М. Бабура. По описаниям Бабура город жил в достатке и покое, на базарах обилие продуктов земледелия и скотоводства было налицо.

Со времен правления Шейбанидов и последующие века город часто был ареной междоусобиц. Город потерпел разорение в последствии набегов и столкновений вплоть до прихода русских войск. В этот период перестал действовать торговля и торговые связи.

XVI–XVII вв. население города переехал в Уратепа на месте нынешнего старгородского базара. Во второй половине XIX века Уратепа был разрушен и спустя некоторое время восстанавливался. В 1916 году население восстало против русского правительства и потерпело поражение. С 20-х годов XX века в городе наступил мирный период. С установлением национальных границ республик Средней Азии Джизак вошел в состав Самаркандской области.

Развитие сельского хозяйства и близкое расположение сырья для строительных материалов создало благоприятное условие для размещения в городе предприятий по переработке сельхоз продуктов и производства строительных материалов. В связи с этим в 1955 году был разработан первый проект генерального плана города Джизак. Была изучена история, существующее состояние города, природные условия и проведен градостроительный анализ.

1955 году город состоял из старого города (на северной части современного города, где уличная сеть образовалась на линии крепостной стены, которая давно уже превратилась в руины) и нового города на расстоянии 4 км. к югу от старого города. В старом городе сохранились радиальные улицы, приводящие к крепостной стене. Вдоль дорог застраивались одноэтажные дома традиционным способом для местности — на глиняной основе.

Формирование и развитие нового города на южной части обусловлено прокладкой Закаспийской железнодорожной линии, проходящей через Джизак, сооружение которой началось в 1880 году. Эта железнодорожная линия, начиная от восточного побережья Каспийского моря

уходила вглубь среднеазиатской пустыни, связывая между собой Центрально Азиатские пункты Великого шелкового пути. Новый город развивался на одной из основных линий Ташкент–Красноводск (современный Туркменбашы).

На формирование планировочной структуры города оказал решающее влияние характер развития железнодорожной трассы, рельеф местности и размещение ирригационных сетей. С запада городские жилые массивы упирались в горные хребты и образовали очень красивый пейзаж. В определении границ нового города основными факторами были река Сангзар, пересекающая город с юга в северо-западную сторону, ограничивающие с запада горные хребты и извилистая линия железной дороги. Основные промышленные предприятия располагались в восточной части города. Жилая застройка города представляла собой глиняные дома с собственным двором, в которых сажались фруктовые деревья.

В последующий период старый и новый город сливаются друг с другом жилыми, административными кварталами и двумя основными улицами. Впоследствии образуется город с резко вытянутой на север многоугольной формой. Генеральный план города разработан в прямоугольной системе уличной сети, на южной части сохраняется свободно образованная система улиц. Таким образом, город представляет собой сложную транспортно-уличную систему, включающую в себе радиально-кольцевую, что сохранилось в старгородской части, прямоугольную и свободную систему улиц. Спроектированы озелененные территории общего пользования, равномерно распределенные по городу, а также расширение промышленных территорий на восточной и южно-восточной границе города.

Во второй половине XX века, во главе руководства Узбекистаном Шарафа Рашидова город развивался, строились административные, культурно-бытовые и промышленные предприятия, учебные заведения, численность населения города увеличивалась.

1973 году город Джизак стал административным центром образованной Джизакской области. К этому времени город развивался частично в западную, и в основном восточную сторону. Промышленная зона развивалась в южно-восточной границе города в непосредственной близости к железнодорожной линии.

После приобретения независимости Республики Узбекистан наряду с другими городами Джизак тоже перешел в новый этап развития и в экономике, и в социальном и в градостроительном направлении. Город развивался в северном, восточном направлении стремительно включая в себя близлежащие территории, можно сказать, он начал расти и в горизонтальном и в вертикальном направлении. В городе основную долю промышленности занимает переработка сельхозпродуктов. В последние годы особенное внимание уделяется развитию промышленности в этом регионе. Удобное расположение города, то есть непосредственная близость Транссибирской железной дороги — современной интерпретации Великого шелкового пути в Центрально азиатском регионе, создает идеальные условия для развития промышленности, культурного и социального развития города.

Город многократно пережил полное разорение и заново возрождался благодаря своему удобному расположению с географической точки зрения, между древнейшими городами Центральной Азии. По этому, можно называть город важным звеном, узлом трансконтинентальной дороги. Через него протекал многовековой культурный поток с востока на запад и наоборот. Город не только пропускал через себя материальные и духовные ценности народов, а также, активно участвовал в взаимообмене этими ценностями, которые частично передались в наше поколение и в большую часть хранит в своем сердце. Изучая историю города смею себе позволить называть город не раскрывшимся “жемчужиной Великого Шелкового Пути”.

Список литературы:

1. Мирзаев Р. С. Великий Шелковый Путь: реалии XXI века. – М.: Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, 2005. – 248 с.
2. Носиров У. Н. Джизак. Информационный фотоальбом. – Т.: Тафаккур, 2010. – 360 с.

*Malakhov Sergey Viktorovich,
candidate of historical sciences, associate professor
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

Three white herons and three yellow fleurs-de-lis

Abstracts: The concepts «heron», «horn», «head», «tousle», «lily», «crest», «crown» in a number of Indo-European languages are united by the similar phonetic structure of the words that convey them. Appropriate words, realia and images at different times were used in the traditional culture of France, implicitly delivering the meaning «chosen». The lexemes in such cases could be preceded by the morpheme tri-, the images — tripled, which gave such combinations the meaning «the most chosen».

Keywords: Pillar of the Boatmen, three-horned bull, Caesar, Luke the Evangelist, iconography of Jesus Christ, long-haired kings, fleurs-de-lis, French crown and coat of arms, medieval jester, Zmey Gorynych.

Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: svmalakhov@mail.ru

Три белые цапли и три жёлтые лилии

Аннотация: Понятия «цапля», «рог», «голова», «космы», «лилия», «верхушка», «корона» в ряде индоевропейских языков объединяет близкая фонетическая структура тех слов, которые их передают. Соответствующие слова, реалии и изображения в разное время использовались в традиционной культуре Франции для неявной передачи значения «избранный». Лексемы могли предваряться при этом морфемой *tri-*, изображения же — утраиваться, что придавало таким сочетаниям значение «избраннейший».

Ключевые слова: столп Корабельщиков, трёхрогий бык, цезарь, евангелист Лука, иконография Иисуса Христа, длинноволосые короли, геральдические лилии, корона и герб Франции, средневековый шут, Змей Горыныч.

I

Между 14 и 37 гг. в Лутетии <Нынешний Париж.> товариществом корабельщиков из общины парисиев был поставлен памятный столп, на одном из рельефов которого изображены три цапли (не журавля, как принято считать) на быке и в ракушечных ветвях над ним. По верху проходит надпись: TARVOS TRIGARANVS (галльск. **taruos** «бык» и **tri-** «трёх-»; латинск. **taurus** и **tri-** то же) [1; 2]. <«V» и «u» в классическом латинском алфавите не различались>. Выяснению обстоятельств, связанных с этим рельефом, и посвящена настоящая работа. Выводы отмечены звёздочками.

Обыкновенные держаться близ пасущегося крупного рогатого скота имеют египетские цапли (английск. buff-backed heron, букв. «цапля на быке»; немецк. Kuhreiher, букв. «коровья цапля»; французск. héron garde-bœuf, букв. «цапля — воловий сторож») и именно их можно наблюдать стоящими на быках или лошадях [3; 4], но не серых журавлей — единственный вид журавлей, обычно встречающийся на западе Евразии. Эта белая с рыжими отметинами птица в два с лишним раза меньше серого журавля, рост которого около 1,2 м. Три египетские цапли весят немногим более 1 кг, три серых журавля — до 16. Цапли, как правило, гнездятся на деревьях (на рельефе одна из птиц находится над подобием гнезда между ушами быка), журавли — на земле. Тж.: [5, 94]. Ср.: английский. **cow crane** «египетская цапля», валлийск. **garan** «аист, журавль, цапля», курдск. **garanik** «египетская цапля», латышск. **gārnis** «цапля», литовск. **garnys** «цапля», хинди **kraunch** «цапля» क्राँच.

Дальнейшее изложение следует логике, в начале прошлого века очерченной шотландским исследователем кельтских верований Дж. А. Мак-Куллохом. «Три журавля (*garanus* «журавль») [здесь] могут быть ребусом, передающим значение «трёхрогий» (*trikeras*), или, что более вероятно, «трёхглавый» (*trikarenos*)» [6, 38].

Именно. * При галльск. **carnon** «рог», галльск.-латинск. **carnuātus** «рогатый», иврит **qeren** «рог» קֶרֶן, латинск. **cornuātus/cornūtus** «рогатый», **cornū(m)**

«рог» вторым значением надписи (после первого — «бык с тремя цаплями») с достаточным основанием может считаться «трёхрогий бык» (латинск. *taurus tricornis*). * Имея же в виду фонетико-семантическую специфику английск. **cranium** «череп», **crown** «верхушка, голова, темя», др.-греческ. **κράνιον** «череп, темя», испанск. **cráneo** «череп», малагасийск. **karandoha** «череп», нидерландск. **kruin** «верхушка, темя», румынск. **craniu** «череп», санскр. **karanka** «череп, голова» करङ्क, французск. **crâne** «череп, голова, темя», эвенкийск. **гиранды** «череп», **хорон** «вершина, темя», можно полагать, что третьим значением этой легенды было и «трёхглавый бык».

На столпе есть ещё один рельеф, на котором изображено божество с двумя рогами, надетыми на них гривнами и надписью: (C)ERNVNNOS «(К)ернунн» [1f; 2]. Обычно это переводится как «Рогатый (Бог)». * Принимая во внимание фонетическую форму латинск. **torquês/torquis** «ожерелье, гривна», можно полагать, что легенда TRIGARANVS по-своему повторяется и на этом барельефе. * Отметим также, что его символика, по всей вероятности, соответствовала мужскому и женскому началам. Ср.: [7].

Присутствует на столпе и латинское посвящение «Тиб[ерию] Цезарю Авг[усту] и Юпитеру Оптим[у] Максиму» (TIB[ERIO] CAESARE AVG[VSTO] IOVI OPTVM[O] MAXSVMO) [1b; 2]. Именно таким — Tiberius Caesar Augustus — с 14 г. было официальное имя второго римского императора. * Поскольку слова «Цезарь Август» использовались и как почётные звания, и учитывая значения латинск. **caesariātus** «длинноволосый, украшенный длинными волосами», **augustus** «священный, высокий», **optimus** «лучший, преблагой», **maximus** «величайший, высочайший», это посвящение можно передавать и как «Тиберию Избранному, Священному и Юпитеру Преблагому, Высочайшему». * Или «Тиберию Избранному, Высокому и Юпитеру Избраннейшему, Высочайшему». (О переходе латинск. **caesariēs** «длинные волосы» в

«избранность» — ниже. * Нетрудно заметить, что символика когномена «Цезарь», который со времени Октавиана Августа принимался римскими императорами и присваивался их сыновьям — преимущественно наследникам — как очень высокий титул, несколько столетий спустя оказывается повторённой символикой очень длинных волос франкских принцев и королей).

К настоящему времени известны четыре десятка изображений трёхрогих быков, большей частью из восточной Франции и западной Швейцарии (I–III вв.) [8; 9; 10, 293]. На северную, а также восточную Францию и Бельгию приходятся и находки трёхглавых или трёхликих божеств той же поры [11]. <В древнегреческой мифологии рассказывается о трёхглавом и иногда — крылатом исполине, обитавшем на островах крайнего Запада и именуемом Герионеом/Герионом (Γηριωνής/Γηριών). В восточнославянском фольклоре — о (морском) драконе, враждебном людям, порой имеющий успех у женского пола и чаще всего трёхглавом, по имени Змей Горыныч (украинск. Змій Горинич).> Среди них — божество с двумя поставными рогами (ныне отсутствующими) [12] и стелы из Парижа и Реймса, на которых, как нередко считается, выбит один из главных кельтских богов Луг (Lugus) [13; 11]. Ср.: др.-греческ. **λεκτός/λογάς** «избранный, лучший»; испанск. **elegido** «избранный, предопределённый»; латинск. **ēlectus** «избранный, лучший». (В наше время Луг чаще всего рассматривается как божество, параллельное Меркурию. Меркурий же считался сыном верховного бога римлян Юпитера. * Ср. с христианскими взглядами на Иисуса Христа). Известны и более полусотни изображений римской поры, связываемых с Кернунном, большая часть которых происходит с северо-востока Франции [14, 147].

На рубеже I–II ст. в христианстве складывается такое его положение, согласно которому Сын Божий, Иисус Христос, есть и Божие Слово (др.-греческ. Λόγος). А в последней четверти II в. христианский богослов Ириней Лионский (латинск. Irēnaeus Lugdūnēnsis; Лугдун был тогда, по существу, столицей всей Галлии) связывает евангелиста Луку (др.-греческ. Λουκάς) с крылатым быком, которого истолковывает как его эмблему. С IV в. эта символика закрепляется в христианском богословии и искусстве, а с VII в. становится в его западных направлениях обязательной [15, 11–12]. Отметим, что одного и того же признанного его атрибутом крылатого существа в раннем христианстве не было ни для кого из евангелистов, кроме Луки.

II

Принимая во внимание фонетико-семантические характеристики английск. **crinite** «длинноволосый, косматый», др.-ирландск. **grend** «волосы, борода», испанск. **greñas** «космы», латинск. **crines** «косы», **crīnitus** «длинноволосый, косматый, длинногривый», **grānus** «коса», латышск. **garmatis** «длинноволосый» <При русск. **кор-нать** «усекать, обрезать, остригать». Ср.: [1i].> — с одной стороны, английск. **crinoid** «морская лилия, криноидея», арамейск. **qrynwn** «лилия», др.-греческ. **κρίνον** «лилия»

(и λείριον «белая лилия»), латинск. **crinon** «(красная) лилия», немецк. **Grünlilie** «зелёная лилия, хлорифитум», русск. **золотой корень** «лесная лилия, саранка», ст.-славянск. **кринъ** «лилия», якутск. **хорунь** «лесная лилия, саранка» [16, 193] — с другой, и наконец, английск. **crown** «венчик, корона», бретонск. **kurunenn** «корона», латинск. **corōna** «венец», литовск. **karūna** «венец, корона», немецк. **Krone** «верхушка, корона», французск. **couronne** «корона», эту логику можно распространить и на выяснение тех обстоятельств, с которыми в средневековой французской культуре были связаны символика длинных королевских волос, жёлтых королевских лилий и трёхзубцовых корон.

Короли Франки, царствовавшие в этих землях в VI–середине VIII ст. и принадлежавшие к династии Меровингов, носили очень длинные волосы, считавшиеся свидетельством их избранности. Современники называли их «длинноволосыми королями» (латинск. *rēges crīnīti*). Так, согласно Григорию Турскому, придя из Паннонии, франки «прежде всего заселили берега Рейна. Затем ... перешли Рейн, прошли Торингию и там по округам и областям избрали себе длиноволосых королей из своих первых, так сказать, более знатных родов» [17, 39]. (Но, «видимо, этот народ [франки] всегда был привержен язычеству; они совершенно не признавали бога», — пишет он далее [там же]). «Правителей с длинными золотистыми волосами» <«Длинноволосой главой златящийся, владыки ...» [18, 195]> (латинск. *crīnigero flāventes vertice rēges*) с правого берега Рейна и их союзные тогда отношения с римлянами в контексте повествования о франках упоминает до этого и К. Клавдиан [19]. По свидетельству Агафия Миринейского, у правителей франков были «длинные развевающиеся волосы, простирающиеся до спины», им было запрещено «когда-либо стричься, и они остаются с детства нестриженными ... волосы их сзади красиво падают на плечи, и спереди посредине разделены пробором ... Это считается как бы некоторым знаком и величайшей прерогативой чести королевского рода. Подданные же стригутся в кружок, и иметь им длинные волосы отнюдь не разрешается» [20, 14]. Тж.: [21, 1207–1215]. Те из них, которые относились к франкам, стриглись до плеч. Короткие волосы были не в обычаях германцев, к которым они принадлежали. Такие причёски были свойственны римлянам (И получили у них распространение с III в. до н.э.). Что же до галлов, то из-за их обыкновения не обрезать свои волосы большая часть этой страны ещё в I в. называлась римлянами «Косматой Галлией» (латинск. *Gallia Comāta*).

Таким образом, хотя прерогатива носить чрезвычайно длинные волосы принадлежала меровингским верхам, изначально небелгским и некельтским, традицией она становится, кажется, на территориях прежней Галлии, где к приходу римлян тоже предпочитали неукороченные причёски. * Поскольку фонетические формы выборки со значением «длинные волосы» позволяют считать их паронимичными таковым с семантикой «рог» и «темя»,

постольку «очень длинные волосы» можно приравнять к «трём рогам» и «трём теменям» и рассматривать их как символы, неочевидно означающие «божественно избранный». «Очень» в реальности «очень длинные волосы» можно объяснять как отражение той разницы, которой стало отличаться положение франкских королей на римских некогда территориях по сравнению с их прежними, рейнско-правобережными позициями.

* Символикой, близкой к рассмотренным здесь, с VI в. сопровождалась и христианские изображения Бога Сына. Так, на мозаиках этого времени из остготской и византийской (до или после 540 г.) Равенны у Иисуса Христа длинные волосы и крещатый нимб вокруг головы [22; 23]. Последний встречается с V в. и лишь в иконографии кого-либо из лиц св. Троицы. То же — на иконе Спаса VI в. с византийского Синая [24]. Ср. с описанием его внешности у Епифания Константинопольского (первая половина IX в.), согласно которому у Христа были светлые глаза, русая борода и русые же «длинные волосы — ибо никогда бритва не касалась главы Его, ни рука человеческая, кроме Матери Его». Цит. по: [25, 2].

Уже на миниатюре середины IX в. трон государя Западно-Франкского королевства Карла II украшен тремя золотыми (?) навершиями, похожими на усечённые геральдические лилии [26]. На другом, несколько более позднем, его изображении по углам престола косо поднимаются две такие же лилии (третья, по центру, скорее всего, закрыта и не видна). На государе здесь — корона с тремя верхами, отдалённо напоминающими эти цветы [27]. На миниатюре X в. с Карлом I Великим на нём — корона конической формы с тремя такими же, как и на троне Карла II навершиями [28, 65].

На печати конца X в. короля Франции Гуго Капета на последнем — корона с тремя зубцами в виде усечённых геральдических лилий [29]. То же — на королевской печати его сына, Роберта II [30]. На аверсе денье Буржа середины XII в. — Людовик VII в трёхверхой короне из схематически изображённых лилий, на реверсе же — крест с чудесными трёхлепестковыми цветами на трёх его навершиях [31]. Тогда же, в царствование Людовика VII, во французском языке появляется словосочетание *fleur de lys* («гербовая лилия»; букв. «цветок лилии»). В конце XII ст. эти золотистые цветы в светло-синем поле

становятся французской королевской эмблемой [32]. В середине следующего столетия, при Людовике IX, три их лепестка объяснялись как знак божественного покровительства, дарованного Франции.

Наконец, при Карле V Валуа (1376 г.) и цветов остаётся лишь три (что связывалось со св. Троицей), и лазоревое полотнище с тремя стилизованными жёлтыми лилиями становится флагом Франции.

В XIV ст. при дворе её королей были уже и шуты. Шут воспринимался как забавное отражение государя и в чём-то приравнивался к нему. См.: [33; 34; 35]. Оба они, как считали тогда, были отмечены божественным вниманием, хотя и каждый по-своему. В конце средневековья шуты часто изображались с дурацкими жезлами в руках и в таких же трёхверхих колпаках [36; 37; 38]. Языки по двум их сторонам считались, правда, поднятыми ослиными ушами, а рог по центру — петушьей головой (или низким гребнем, что было свойственно немецким и нидерландским землям [39]). Ср.: французск. **cornu** «рогатый, несуразный, нелепый». * Теперь трёхконцовое наголовье могло уже казаться и смешным.

III

* Приведённые выборки показывают, что понятия, которые их составляют — «цапля», «рог», «голова», «космы», «лилия», «верхушка», «корона», — объединяет близкая фонетическая структура тех слов, которые их передают. * Соответствующие слова, реалии и изображения (чаще — последние) в разное время использовались в древней и средневековой культуре Франции для неявной передачи значения «избранный». Ср.: литовск. **gerinti** «улучшать, исправлять»; украинск. **гарний** «хороший, красивый, успешный»; французск. **grand** «великий, замечательный, знатный». * При подобном (магическом, по существу) использовании такие лексемы могли сопровождаться морфемой *tri-*, изображения же — утраиваться, что придавало их сочетаниям значение «божественно избранный, избраннейший». Ср.: французск. **très** «очень» и **trois** «три».

* Приведённые материалы позволяют поставить вопрос о влиянии, которое, по-видимому, было оказано на христианство верованиями, распространёнными в поздней античности и раннем средневековье на территории нынешней (исторически — католической) Франции.

Список литературы:

1. Bernardeau S. Le pilier des Nautes [b, f, i, j] // Panorama de l'art. – 17.3.2015 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.panoramadelart.com/le-pilier-des-nautes> (доступ: 6.3.2016).
2. Le Pilier des nautes // Paris, ville antique. – [P.] // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.paris.culture.fr/fr/ow_pilier.htm (доступ: 6.3.2016).
3. Буйволов всегда окружают цапли [4] // Азиатский буйвол. – WiW // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wikiwand.com/ru/%D0%90%D0%B7%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B1%D1%83%D0%B9%D0%B2%D0%BE%D0%BB (доступ: 6.3.2016).
4. Чапля єгипетська (Bubulcus Ibis) // Пернаті друзі. Пташиний світ України // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pernatidruzi.org.ua/pictures/czapjeg/sp.jpg> (доступ: 6.3.2016).
5. Green M. J. Dictionary of Celtic Myth and Legend. – L.: Thames & Hudson, 1992. – 240 p.

6. MacCulloch J. A. The Religion of the Ancient Celts. – Edinburgh: T. & T. Clark, 1911. – XV, 399 p.
7. Cernunnos sur le chaudron de Gundestrup//Cernunnos. – WiC, 2008//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Cernunnos#/media/File:Gundestrup_antlered_figure.jpg (доступ: 6.3.2016).
8. Taureau à trois cornes dit Taureau d'Avrigny//Joconde. Portail des collections des musées de France. – 2013//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.culture.gouv.fr/public/mistral/joconde_fr?ACTION=CHERCHER&FIELD_98=DECV&VALUE_98=%20Avrigny-Virey%20&DOM=All&REL_SPECIFIC=3 (доступ: 6.3.2016).
9. Tête de taureau tricolore – Fondation Giannada Martigny//Panoramio. – 2013//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.panoramio.com/photos/large/93271165.jpg> (доступ: 6.3.2016).
10. Putelat O. Le bestiaire polycère//Revue de Paléobiologie. V. Spéc. – № 10. – Genève, 2005. – P. 293–301.
11. Terrisse J. A. Le dieu à trois têtes des Rèmes: le tricéphale//A propos des «trifrons»//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chapiteaux.free.fr/TROIS-TRIFFRONS_fichiers/TXT_TROIS-TRIFFRONS.htm (доступ: 6.3.2016).
12. Dieu tricéphale de Condat//Musée d'Aquitaine. – Bordeaux, 2013//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.musee-aquitaine-bordeaux.fr/fr/article/oeuvre-du-mois-juin-2013> (доступ: 6.3.2016).
13. Tricéphale Carnavalet//Lugus. – WiC, 2006//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Lugh#/media/File:Tricéphale_Carnavalet.jpg (доступ: 6.3.2016).
14. Green M. J. Celtic Art: Reading the Messages. – L.: The Everyman Art Library, Weidenfeld & Nicolson, 1996. – 176 p.
15. Подосинов А. В. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. – М.: ЯПК, 2000. – 176 с.
16. Анненков Н. И. Ботанический словарь. – СПб.: Тип-фия ИАН, 1878. – 647 с.
17. Турский Григорий. История франков; пер. В. Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – 463 с.
18. Клавдиан К. Полное собрание латинских сочинений; пер. Р. Л. Шмаракова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 842 с.
19. Claudianus C. De Consulatu Stilichonis. I//Claudian on LacusCurtius. – 2007//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Claudian/home.html> (доступ: 6.3.2016).
20. Миринейский Агафий. О царствовании Юстиниана; пер. М. В. Левченко. – М.: Арктос-Вика-пресс, 1996. – 255 с.
21. Cameron A. How did the Merovingian kings wear their hair?//Revue Belge de Philologie et d'Histoire. – V. 43, № 4. – 1965. – P. 1203–1216.
22. Mosaic of Jesus at Church San Apollinare Nuovo in Ravenna [6th c., beginning]//WiC, 2006//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:Featured_picture_candidates/Christus_Ravenna_Mosaic#/media/File:Christus_Ravenna_Mosaic.jpg (доступ: 6.3.2016).
23. Christ as Emperor, wearing military dress. Mosaic in Archiepiscopal Chapel, Ravenna, after 500//WiC, 2009//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Depiction_of_Jesus#/media/File:RavArch-BpChapelXt.jpg (доступ: 6.3.2016).
24. Christ the Saviour (Pantokrator), a 6th century encaustic icon from Saint Catherine's Monastery, Mount Sinai//WiC, 2006//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%8C_%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B9_%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8B#/media/File:Spas_vsed-erzhitel_sinaj.jpg (доступ: 6.3.2016).
25. Кондаковъ Н. П. Лицевой иконописный подлинникъ. Т. I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. – СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборгъ, 1905. – 237 с.
26. Portrait du roi//Biblia [Bible de Vivien, dite Première Bible de Charles le Chauve. – Tours: Scriptorium de l'Abbaye Saint-Martin, 846]. – 423 f.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8455903b/f853.item.zoom> (доступ: 6.3.2016).
27. Charles le Chauve//Psalterium Caroli Calvi [Psautier de Charles le Chauve. – Scriptorium royal, 842–869]. – 173 f.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55001423q/f12.image> (доступ: 6.3.2016).
28. История Франции. Т. 1. – М.: Наука, 1972. – 360 с.
29. Sceau royal d'Hugues Capet//Hugues Capet. – WiC, 2013//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Hugues_Capet#/media/File:SceauHuguesCapet.PNG (доступ: 6.3.2016).
30. Sceau de Robert le Pieux//Robert II le Pieux. – W, 2007//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Robert_II_le_Pieux (доступ: 6.3.2016).
31. Louis VII – Denier de Bourges//Monnaies d'Antan//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.monnaies-dantan.com/vso6/louis-vii-denier-bourges-p226.htm> (accès: 6.3.2016).
32. Le tombeau [1180–1206] de Louis VII dans l'abbaye de Barbeau//WiC, 2013//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Louis_VII_le_Jeune#/media/File:RoiLouisVIIBarbeau.PNG (доступ: 6.3.2016).
33. David disputing with the fool//The Bromholm Psalter. – Anglia, 14th c., beginning. – Luna//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bodley30.bodley.ox.ac.uk:8180/luna/servlet/detail/ODLodl~1~1~31170~107687:The-Bromholm-Psalter-?vq=w4s:/what/MS.%20Ashmole%201523/when/14th%20century,%20beginning/>;

- lc: ODLodl~29~29, ODLodl~7~7, ODLodl~6~6, ODLodl~14~14, ODLodl~8~8, ODLodl~23~23, ODLodl~1~1, ODLodl~24~24&mi=7&trs=18 (доступ: 6.3.2016).
34. King and his fool//B. L. Harley 1892. – Ca. 1500//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/ILLUMIN.ASP?Size=mid&IllID=19732> (доступ: 6.3.2016).
35. Le fol a dit en son cœur//Psalterium Caroli VIII regis. – XVI e. s.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8529698f/f140.item.zoom> (доступ: 6.3.2016).
36. Isabeau de Bavière entre à Paris//Froissart J. Chroniques. – XV e. s.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8438607b/f17.item> (доступ: 6.3.2016).
37. Jean Froissart s'agenouillant devant Gaston III Febus, comte de Foix//Froissart J. Chroniques. – Pays-Bas, XV e. c., fin.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/ILLUMIN.ASP?Size=mid&IllID=43437> (доступ: 6.3.2016).
38. Der Schalcksnarr//Amman J., Sachs H. Das Ständebuch. – Frankfurt am Main, 1568. – WiC, 2005//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://de.wikipedia.org/wiki/Narr#/media/File:Schalcksnarr.jpg> (доступ: 6.3.2016).
39. Van Oostsanen Jacob C. (?) Laughing Fool (ca. 1500)//WiC, 2009//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Jester#/media/File:Laughing_Fool.jpg (доступ: 6.3.2016).

*Zueva Lyudmila Ivanovna,
Karagandy state university named after E. A. Buketov, Candidate of historical sciences,
assistant professor of «Archeology, ethnology and national history»*

E-mail: zueva_1953@bk.ru

*Nurligenova Zauresh Nurkenovna,
Karagandy state technical university, Master of the Pedagogical Sciences,
Senior lecturer in History of Kazakhstan
E-mail: sauresch_nur@mail.ru*

The ideas of the enlightenment and learning problems in modern Kazakh school

Abstract: The article raises questions about the effectiveness of reforms in the school system of the Republic of Kazakhstan, identifies problem areas and investigates the causes of mistrust of learning programs, school textbooks, forms of checking the quality of students' knowledge. The enlightenment ideas take particular place in the article, which have not lost their relevance and practical importance.

Keywords: reform, school education, crisis, enlighteners, «new generation of Kazakhs», trilingualism.

*Зуева Людмила Ивановна,
Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова,
к. и. н., доцент кафедры «Археология, этнология и Отечественная история»*

E-mail: zueva_1953@bk.ru

*Нурлигенова Зауреш Нуркеновна,
Карагандинский государственный технический университет,
м. п. н., старший преподаватель кафедры «История Казахстана»
E-mail: sauresch_nur@mail.ru*

Идеи просветительства и проблемы обучения в современной казахстанской школе

Аннотация: В статье поднимаются вопросы об эффективности проводимых реформ в системе школьного образования Республики Казахстан, определяются проблемные области и выясняются причины недоверия к учебным программам, школьным учебникам, формам проверки качества знания учащихся. Особое место в статье занимают идеи просветителей, которые не потеряли своей актуальности и практической значимости.

Ключевые слова: реформа, школьное обучение, кризис, просветители, «новая генерация казахстанцев», трехязычие.

В современном казахстанском обществе взгляды на процессы модернизации системы образования, особенно школьного, стали более взвешенными и объективными. Но преодолеть настроения разочарования и неверия в собственную систему образования среди населения довольно сложно. Вероятно поэтому, граждане Республики Казахстан предпочитают обучать своих детей за рубежом, или в Назарбаев Интеллектуальных школах, где работают иностранные педагоги, а студенты с готовностью стремятся в вузы Китая, Таиланда и Европы.

Образование в Республике Казахстан, которое долгое время была частью образовательной системы СССР, находится, по нашему мнению, в кризисном состоянии: дефицит квалифицированных кадров, плохое качество учебников, нерациональность учебных программ, проблемы малокомплектных школ, наконец, реформы, которым нет конца ... Понятие «реформа» в широком смысле слова означает некий четко спланированный и глубоко продуманный комплекс мер для структурного преобразования, перехода на новый, более качественный уровень. Причем изменению подвергается не только форма, но, что важнее, и содержание. Этот процесс приводит к коренному перелому привычных основ и традиций. Однако далеко не все ценности оказались в состоянии выдержать проверку временем.

Подчинение морали политике рыночных отношений не могло не привести к технократизации общественного сознания. Кризис, переживаемый современным казахстанским обществом, заставляет задуматься над тем, насколько верна новая система ценностей, которая воплотилась в общественном идеале. Теряют свое значение семейные ценности, связанные с воспитанием детей, отношением к старшим, родственникам. Постепенно вводится в сознание людей представление о нормальности иждивенчества, однополых браков, браков по расчету, рождения детей в подростковом возрасте и др.

«В настоящее время человечество сталкивается с новыми глобальными вызовами. Одна из самых больших мировых проблем — усиливающаяся социальная нестабильность. Ее основная причина — социальное неравенство, безработица, которые провоцируют многочисленные массовые беспорядки. Весь мир переживает острый мировоззренческий и ценностный кризис. Все мы видим, что происходит сейчас в мире. Это не новая волна кризиса, а продолжение кризиса 2007–2009 гг., из которого мировая экономика еще не вышла. Среди основных направлений стратегии — знания и профессиональные навыки — ключевые ориентиры современной системы образования, подготовки и переподготовки кадров» [1]. Однако, несмотря на кризисные явления в образовательной сфере, нельзя не оценить достигнутого за двадцать пять лет независимости Казахстана: международные интеграционные процессы отечественного высшего образования, присоединение к Болонской конвенции, 20-летие госпрограммы «Болашак». И, конечно, национальный проект Лидера Нации Н. А. Назарбаева «Интеллектуальная нация — 2020»,

выдвинувший стратегические цели превращения Казахстана в конкурентоспособное государство, формирование «новой генерации казахстанцев».

Но что означает «новая генерация казахстанцев»? О современных детях школьного возраста мы слышим очень противоречивую информацию. Одни педагоги жалуются, что дети не знают элементарных вещей, не воспитаны и т. п. Другие педагоги восхищаются, насколько современная молодежь развита и одарена. Почему бы в этой ситуации не вспомнить идеи просветительства, сформулированные великими сынами казахского народа — Ч. Валихановым, И. Алтынсариним, А. Кунанбаевым?

Если обобщить основные педагогические идеи Ч. Валиханова, то главные из них связаны:

- 1) со знанием русского и иностранных языков;
- 2) дошкольной подготовкой детей и развитием устной и письменной речи;
- 3) обязательным гуманитарным образованием;
- 4) деятельностным характером обучения;
- 5) гуманистическим влиянием учителя на ученика;
- 6) свободолобивыми идеями и демократизацией образования;
- 7) необходимостью широкого образования и эрудиции;
- 8) проведением путешествий и экскурсий научно-познавательного характера;
- 9) изучением народного эпоса в воспитательных целях;
- 10) введением в учебные планы таких дисциплин, как география, история, этнография, черчение, рисование, музыка, литература восточная и европейская [2].

В свою очередь, И. Алтынсарин создал в соответствии со специфическими особенностями Казахстана оригинальную систему обучения и преподавания в русско-казахской школе. Он написал для учащихся два учебных пособия: «Киргизская хрестоматия» и «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку». Киргизская хрестоматия состояла из четырех разделов: 1. Стихотворения, детские рассказы и сказки, образцы писем учащихся к родным; 2. Рассказы для взрослых; 3. Образцы из устного творчества; 4. Пословицы и поговорки. По «Киргизской хрестоматии» учились почти все, кто получил образование до революции. Они прекрасно знали русский язык и могли переводить литературные произведения классиков зарубежной и русской литературы. Сочиненные И. Алтынсариним стихи и рассказы положили начало развитию казахской детской литературы. По И. Алтынсарину, школа должна давать реальные знания, помогать в умственном развитии и нравственном совершенствовании ребенка. Талантливый педагог он выдвигал перед школой следующие основные цели и задачи:

1. Школа, вне всяких влияний религии, должна готовить новых граждан, борцов за новую жизнь.

2. Она должна стать для народа азбукой усвоения русской культуры, науки и общенационального русского языка.

3. Школа по своему устройству должна служить примером новой культурной жизни в самом широком смысле слова — новых привычек, порядка, дисциплины, начал гигиены, санитарии, ремесел и искусств — в среде казахского народа.

4. Наглядно и практически школа должна дать понятие о вещах, об окружающей жизни и природе. Не по книжному только, а путем демонстрации показа на приборах, коллекциях и других наглядных пособиях.

5. Школа должна иметь опытный огород, сад, цветник.

6. Школа должна стать подлинным очагом культуры среди окружающего населения, иметь хорошую библиотеку, чтобы грамотная часть казахского населения могла читать научно-популярные книги.

7. Школа по постановке учебного процесса должна быть образцовым учреждением, используя при этом все лучшее в теории и практике передовой русской школы того времени. Брать только лучшее. Всякий шаг, отталкивающий население от школы, отбивающий у него желание учиться, вреден; поэтому надо избрать строго определенный путь — не увлекаться дешевой, а обеспечить основательное устройство школы как светильника, маяка культуры в степном крае.

8. Применять в казахских школах самую лучшую, проверенную учебную литературу и пособия. Учить, как попало, нельзя: должна быть сохранена твердая система преподавания научных знаний.

9. Учитель-воспитатель решает успех дела, — все зависит от него, от его подготовки к педагогической работе, от его любви к своему делу.

10. Устройство школы — дело самого народа; от правительства даже не требуется средств, лишь бы оно разрешало открывать школы и не мешало их образовательной и воспитательной работе. Школа должна обучать не только мальчиков, но и девочек. Не правда ли звучит очень актуально?! [3]. Если внимательно перечитать все десять заповедей И. Алтынсарина, то можно увидеть образ современных Назарбаев Интеллектуальных школ Казахстана.

Среди его педагогических идей можно выделить следующие:

1. Сочетание традиционного семейного воспитания с обучением в школе;

2. Необходимость изучения иностранных языков;

3. Необходимость открытия русско-казахских школ;

4. Призыв молодежи к гражданским знаниям;

5. Организация ремесленных, сельскохозяйственных школ (разнопрофильные школы и трудовое обучение в школах);

6. Учебная деятельность дополняется внеклассной работой (народное чтение);

7. Обучение казахских девочек (шитье, вышивание, чтение и письмо на русском языке);

8. Развивающий характер обучения (умственное и нравственное развитие ребенка);

9. Создание литературы на родном языке;

10. Изучение народных обычаев и традиций;

11. Использование фольклора в воспитательных целях (сказки о труде, пословицы и поговорки);

12. Экологическое воспитание (любовь к родной природе, бережное отношение к ней, гармония).

Обобщая педагогические идеи Абая Кунанбаева, следует отметить:

– сочетание традиционного семейного воспитания и европейского (русского) обучения;

– изучение восточной поэзии и русской классической литературы;

– демократические и гуманистические идеи в поэтическом творчестве и обучении;

– перевод на родной язык произведений русской литературы;

– психолого-педагогические и философско-моралистические наставления для молодежи «Пять врагов и пять друзей молодежи»;

– отражение в творчестве вопросов экологического воспитания (любовь к природе), трудового, нравственного воспитания (честь, долг, отношение к женщине), эстетического (любовь к прекрасному, музыке, красоте слова);

– обучение должно быть увлекательным, наслаждением, радостью, а не принудительной обязанностью;

– обучение должно вестись с учетом того, что близко детскому восприятию, нужно учитывать возрастные особенности детей;

– в обучении требуется наглядность «человек познает мир, наблюдая глазами, слушая ушами, прикасаясь к предмету руками, вдыхая запах носом, определяя вкус языком»

– человек может овладеть наукой только тогда, когда стремится в ней сам, если на это его толкает сознание необходимости и нужности знаний.

Школа для многих из нас, это то место, куда хочется вернуться... А вот у нынешних учащихся школа не вызывает особой радости. Уже в начальной школе взрослые не могут помочь детям выполнить домашнюю работу, просидев вместе с ребенком не один час после шести-семи уроков, посещения спортивных секций и кружков, занятий с репетиторами и т. д. Наше стремление дать детям как можно больше информации, домашних заданий, это непонимание того, что только здоровье является гарантом полноценного развития ребенка. Стоит вспомнить слова Д. И. Менделеева, который предлагал преподавателю, стремящемуся вбить в голову студента максимально возможный объем учебного материала, не забывать, «что камин, доверху забитый дровами, не горит, а дымит» [4].

Обучение первоклассников по новым стандартам 12-летней школы [5] Казахстана предполагает обучение в начальной школе (с 1 по 5 класс, а не с 1 по 4 как в Концепции развития образования до 2015 г.) и введение интегрированных предметов (два или более предметов

объединяются в один). В начальных классах вместо обучения грамоте предлагают ввести такие интегрированные предметы как «Казахский язык и литература», «Русский язык и литература». Кроме того у первоклассников есть такие предметы — «Введение в науку» и «Информационно-коммуникативные технологии». Трудовое обучение, рисование и музыку объединят в один предмет — «Искусство». Английский язык будут изучать с первого класса. «Введение в науку» будут преподавать в 63 школах с 2015 г., а во всех остальных начнут с 2016 года. В Министерстве образования нагрузку рассчитали. Однако большинство специалистов считает, что школьную программу нужно сокращать, учитывая опыт западных стран.

С момента апробации новой программы для начальной школы на базе интеллектуальных школ в Талдыкоргане и Кокшетау не прошло и года. Учебников по новой программе еще нет, а их выпуск обойдется бюджету в 2,3 млрд. тенге. Проанализировав новый стандарт, педагоги отмечают, что предпринята очередная попытка «загрузить» учебники начальной школы материалом, который изучается в средних классах. Другими словами, налицо завышенные требования к ученику младшего школьного возраста. Конечно, современные дети отличаются от своих сверстников конца XX века. Однако все же необходимо взвешенно подходить к уровню их развития и психофизическим возможностям. Недоумение по поводу инициативы МОН РК выразила и вице-спикер мажилиса Дарига Назарбаева. Она отметила, что дети в школах уже перегружены, а «количество предметов превышает все мыслимые и немыслимые международные стандарты». В новом стандарте учебная нагрузка еще больше увеличивается.

Система образования в Казахстане постоянно реформируется, но эти новшества не доводятся до логического завершения, так как начинаются другие преобразования. В настоящий момент — это введение внешней оценки учебных достижений (ВОУД). То есть на смену контролирующим тестам с пятью вариантами ответов в школу и вузы пришли новые тесты с 5–8 вариантами ответов, из которых 1, 2, 3 варианта — правильные. Для обучающихся — это новое испытание наряду с ЕНТ, которое вместо

прозрачного с 2015 года стало «тонируемым», так как результаты могут посмотреть только участники тестирования по номеру ИНН. В августе 2015 г. экс-министр образования и науки РК Аслан Саринжипов отметил, что до 2020 года школьная программа в стране изменится [6]. Так, например, предполагается, что в рамках внедрения трехязычного образования в казахстанских школах будут преподавать предметы «Казахская литература», «История Казахстана» и «География Казахстана» на казахском языке. В старших классах на английском языке предлагается изучать такие предметы, как информатика, физика, химия и биология.

Нагрузка увеличивается, вводятся новые варианты тестирования, а ожидаемые результаты оставляют желать лучшего. К 2020 г. качество успеваемости достигнет 100 %, а качество знаний — только 45 %, то есть на «хорошо» и «отлично» будут учиться меньше половины всех учеников. Владение казахским языком составит 50 %, английским итого меньше — 30 %, владение ИКТ — 70 %, а уровень удовлетворенности общества повысится на 10 % [7]. Получается, что за пять лет ежегодный прирост владения государственным языком составит 10 %, иностранным 6 %, ИКТ — 14 %, а удовлетворенность качеством образования 2 %.

Таким образом, можно утверждать, что школьное образование выступает важным компонентом жизни казахстанского общества, желающего сформировать у своих граждан базовые навыки и новые знания, необходимые для вступления Республики Казахстан в мировое образовательное пространство. На сегодняшний день перед казахстанским обществом стоит задача формирования личности, которая будет способна на основе полученных глубоких знаний, профессиональных навыков свободно ориентироваться, самореализовываться, саморазвиваться и самостоятельно принимать правильные решения в условиях быстроизменяющегося мира. Для решения многих проблем современного школьного образования необходимо воспользоваться не только опытом других стран, но и педагогическими идеями, сформулированными казахстанскими просветителями.

Список литературы:

1. Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева к народу Казахстана «Стратегия “Казахстан-2050”: новый политический курс состоявшегося государства» // Казахстанская правда. – 2012, 15 декабря.
2. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. – М.: Наука, 1986.
3. Алтынсарин И. Избранные произведения. – Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1957.
4. Добротин Р. Б., Карпило Н. Г., Керова Л. С., Трифонов Д. Н. Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева / Отв. Ред. А. В. Сторонкин. – Л.: Наука, 1984.
5. Концепция 12-летнего среднего образования Республики Казахстан. – Астана: МОН РК, 2010.
6. Переход школ в РК на трехязычное образование обсудили эксперты // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/perehod-shkol-rk-trehyazyichnoe-obrazovanie-obsudili-281664
7. Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.gov.kz>

Romanchenko Vitaly Victorovich,
Berdyansk state pedagogical university,
postgraduate student, social-humanitarian faculty
E-mail: romanchenko77@ukr.net

Foreign factor in the economic and sociocultural processes of south Ukraine at the end of XIX – early XX century (mental aspect)

Abstract: The article highlights and analyzes the impact of the foreign factor in the economic and sociocultural processes in south Ukraine end of XIX – early XX century. Particular attention is paid to the mental plane existence of foreigners in realities of the south ukrainian space capitalist period.

Keywords: foreigners, capital, mentality, south Ukraine, entrepreneurs.

Романченко Виталий Викторович,
Бердянський державний педагогічний університет,
аспірант, соціально-гуманітарний факультет
E-mail: romanchenko77@ukr.net

Иностранный фактор в экономических и социокультурных процессах юга Украины конца XIX – начала XX в. (ментальная плоскость)

Аннотация: В статье освещается и анализируется влияние иностранного фактора на экономические и социокультурные процессы юга Украины конца XIX – начала XX в. Особое внимание уделено ментальной плоскости экзистенции иностранцев в реалиях южно-украинского пространства капиталистического периода.

Ключевые слова: иностранцы, капитал, ментальность, юг Украины, предприниматели.

Капиталистическая трансформация Российской империи, как результат реформ второй половины XIX в., существенно изменила экономические и социокультурные реалии жизнедеятельности общества и государства. Южно-украинский регион в указанном контексте представлял собой показательный пример стремительного развития, учитывая благоприятные условия, близость к европейским рынкам и цивилизационным влияниям. Однако, самостоятельное капиталистическое развитие продолжалось бы с замедленным темпом, если бы не качественное влияние иностранного фактора — инвесторов (по современной терминологии), которые, переселяясь на юг Украины, осуществляли как чисто экономические, так и социокультурные влияния.

Проблематику иностранного фактора в экономических и социокультурных процессах исторического развития Украины исследуют Я. Верменич, А. Доник, В. Куликов, Г. Турченко, В. Шевченко и др. Мы же, в свою очередь, уделим внимание южно-украинскому региональному аспекту изучаемой проблематики в определенной квинтэссенции, учитывая ментальный акцент экзистенции иностранцев.

Прежде всего, посмотрим на общее количество иностранцев среди населения юга Украины. По состоянию на 1897 г. она была следующей: Екатеринославская губерния — 13,617 тыс. иностранцев (0,65 % от общего количества населения), среди которых преобладали подданные Германии (74,92 % от общего количества иностранцев) и Австро-Венгрии (5,83 %) [6, 9]; Таврическая губерния —

32,004 тыс. иностранцев (2,2 % от общей численности населения), среди которых преобладали подданные Турции (67 % от общего количества иностранцев), Германии (16 %) и Австро-Венгрии (5,5 %) [8, 14–15]; Херсонская губерния — 29,659 тыс. иностранцев (1,08 % от общего количества населения), среди которых преобладали подданные Греции, Австро-Венгрии и Германии [7, 9]. Как видим, Таврическая и Херсонская губернии насчитывали (по отдельности) вдвое больше иностранцев, нежели Екатеринославская, что можно объяснить наличием торговых портов Черного и Азовского морей, а также концентрацией иностранцев именно в сфере предпринимательства. В свою очередь, Екатеринославщина отличалась тотальным преимуществом немецкого иностранного элемента. По этому поводу актуальна характеристика немцев, данная в 1910 г. русским генералом А. Куропаткиным: «отличаясь значительно большей культурностью, чем русские, немцы, кроме того, превосходят их сплоченностью, дисциплиной, взаимной поддержкой, привычкой к порядку. Их работа оказывается производительнее по меньшему числу праздников и более равномерному, чем у русских, употреблению спиртных напитков. При этих качествах, особенно в промышленной деятельности, не только средние и высшие, но и младшие должности попадают в руки немцев» [5]. Можем констатировать и то, что иностранное материальное и ментальное влияние на территории юга Украины проявлялось не по количественным, а именно качественным признакам. Данный тезис подтверждается всей историей Российской империи в контексте, например, немецкого

влияния на прогресс последней со времен Петра I и до немки Екатерины II на троне.

Бесспорно, что аграрный характер южно-украинского региона должен был получить стимул, своеобразный двигатель преобразований, которым служили иностранные капиталисты. Имея значительный багаж знаний и качеств, данные лица также были психологически готовы к значительным изменениям, не останавливаясь перед существенными проблемами: другой страной и социумом, который имел языковые, культурные, религиозные, ментальные и др. отличия от иностранцев. Следует отметить, что иностранный фактор в реалиях юга Украины условно стоит разделить на две категории: к первой целесообразно отнести аграрных поселенцев (колонистов), которые участвовали в освоении региона с XVIII в. — это, преимущественно, немцы-меннониты, болгары и греки, которые видели в переселении освобождение от притеснений на родине; вторую категорию составляют собственно «пореформенные» иностранцы, которые почувствовали стремление к обогащению в благоприятных климатических, географических и социально-экономических условиях юга Украины. Если первая категория представляла собой относительно замкнутые общины, то вторая была вынуждена активно контактировать с превосходящими «иными». Конечно, данные категории подвергались интеграции, но первичные мотивы являются безоговорочными. Общим категориям иностранцев в условиях юга Украины способствовал также многонациональный характер региона, обусловленный несколько нормативным способом заселения бывшего «Дикого поля» (юга Украины) после ликвидации Крымского ханства.

Переселившись в Россию, большинство иностранных предпринимателей, будучи носителями новых знаний, современной предпринимательской культуры, пытались сохранить свою внутреннюю, а то и внешнюю приверженность к национальным корням и культурным традициям. В то же время происходил процесс освоения нового пространства, в котором необходимо было преодолевать этнические линии распределения и культурные различия. Однако, иностранцы длительное время оставались чужаками в городской среде, что затрудняло их экономическую деятельность [2, 107–108]. Языковой барьер был общей проблемой. Большинство иностранных представителей руководящего состава предприятий и дирекции крупных заводов тяжелой промышленности не владели русским. К рабочим и служащим предприниматели из Бельгии, Франции, Великобритании или Германии обращались через секретарей и переводчиков, которыми были главным образом евреи, или при помощи языка жестов [4, 162]. Как метко отмечает исследовательница Я. Верменич, для юга Украины много значило то, что западные предприниматели выступали здесь в роли агентов трансфера западноевропейского индустриального менеджмента, своеобразного «духа капитализма», новой трудовой этики [1, 263]. Можно согласиться с мнением исследовательницы В. Шевченко по поводу того,

что учитывая тенденции оформления купечества юга Украины в первой половине XIX в., можно утверждать, что в основном это были иностранцы по происхождению и выходцы из купеческих семей, проживавших в Российской империи. В пореформенный период ряды владельцев банковских домов и контор Одессы пополнялись за счет тех же купцов и их потомков. В начале XX в. к ведению банковских операций начали приобщаться выпускники учебных заведений и выходцы из других социальных слоев [10, 136]. Таким образом, иностранцы для местного населения стали примером для подражания, что отразилось на ментальности активных представителей социума юга Украины.

Предприниматели иностранного происхождения получали и государственное признание, как, например, англичанин Джон Гривез, открывший в 1883 г. завод сельскохозяйственных машин в Бердянске, который стал одним из крупнейших в Европе и экспортировал свою продукцию в Великобританию, Германию, Бельгию [3, 392]. Последний подтвердил общую аксиому слабой натурализации в первом поколении: в 1917 г. Дж. Гривез вернулся на родину, продав бердянский бизнес в связи с революционными невзгодами.

Социокультурное влияние иностранцев проявлялось на нескольких уровнях:

- а) ментальном влиянии посредством межличностных связей;
- б) культурных проявлениях (театральные постановки, литература, модная одежда, музыка и др.);
- в) благотворительности, которая стимулировала интеграцию с местным населением;
- г) информационном влиянии. В контексте последнего пункта отметим, что портовые города Юга были своего рода «украинскими окнами» в Европу. С Юга по всей Украине распространялись не только европейские товары. Не меньшее значение имела информация про экономическую и политическую жизнь в развитых демократических странах Запада, образ жизни западных европейцев, их культуру. Все это было дополнительным толчком к модернизации региона, формирования у населения новейших взглядов на экономическую и общественно — политическую жизнь [9, 50].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что иностранный фактор в экономических процессах южно-украинского региона конца XIX – начала XX в. играл значительную роль, которая стимулировала развитие предприятий и меняла общественную реальность. Социокультурное влияние иностранного элемента заключалось в распространении капиталистических и европейских ценностей, что приближало юг Украины к западным стандартам жизни и мировосприятия. Обобщенные ментальные тренды иностранцев, как-то активность и стремление добиться материального благополучия, которые не были присущи аграрному социуму консервативно — православного пространства, начали активно утверждаться в мировосприятии населения юга Украины пореформенного периода.

Список литературы:

1. Верменич Я. Південна Україна на цивілізаційному пограниччі/Верменич Я. – К.: Інститут історії України НАН України, 2016. – 482 с.
2. Донік О. Етнічна диференціація і процеси соціально-культурної адаптації підприємців України в пореформену добу/Донік О.//Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2012. – Вип. XX. – С. 96–111.
3. Энциклопедия Бердянска. Историко-краеведческий, общественно-политический справочник: в 2 т. Т 1.: А-А. – Мелитополь: ООО «Издательский дом Мелитопольской городской типографии», 2013. – 992 с.
4. Куліков В. Іноземні підприємці як імпортери капіталу, інновацій та менеджменту в українських губерніях Російської імперії наприкінці XIX – на початку XX ст./Куліков В.//Український історичний журнал. – К.: «Дієз-продукт», 2014. – № 3. – С. 152–167.
5. Куропаткин А. Русская армия//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/science/kuropatkin_an2/02.html
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XIII. Екатеринославская губерния. – СПб.: Тип. Э.А. Пороховщиковой, 1904. – 254 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XLVII. Херсонская губерния. – СПб.: б. и., 1904. – 341 с.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XLI. Таврическая губерния. – СПб.: Скоропечатня Яблонского, 1904. – 341 с.
9. Турченко Г. Проект «Новоросія»: 1764–2014. Ювілей на крові/Г. Турченко, Ф. Турченко. – Запоріжжя: ЗНУ, 2014. – 116 с.
10. Шевченко В. Приватне банкірське підприємництво в Одесі (XIX – початок XX ст.): Монографія/Шевченко В. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2010. – 266 с.

*Soltanova Nazila Baghir,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Institute of Physics of NAS of Azerbaijan
E-mail: physics_nas@rambler.ru*

Why Avicenna buried in Hamadan

Abstract: The article provides information about the great Avicenna (Ibn Sina). We study his life and work. He was born in Bukhara (980) and died in Hamadan (1037). The article examines this way.

Keywords: Avicenna, Ibn Sina, “Canon of Medicine”, the philosopher.

*Солтанова Назиля Багировна,
Кандидат исторических наук,
Доцент Институт физики им Г.Б. Абдуллаева
Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: physics_nas@rambler.ru*

Почему Авиценна похоронен в Хамадане

Аннотация: В статье даётся информация о великом Авиценне (Ибн Сина). Исследуется его жизнь и трудовая деятельность. Он родился в Бухаре (980 г.) и скончался в Хамадане (1037 г.). В статье рассматривается этот путь.

Ключевые слова: Авиценна, Ибн Сина, «Канон врачебной науки», философ.

Имя великого Авиценны известно научному миру. На Востоке он Ибн Сина — Шейх Раис — это достойный сын таджикского народа. Его величие не только в его идеях и трудах. Он врачевал как врач, служил науке как мудрый учёный, учил своё окружение и детей как сильный педагог и добрый учитель и, естественно, был чудесной личностью.

X век. Столица Сасанидского государства — Бухара — красивый, богатый и культурный город. В 370 г. хиджры (980 г.) в селении Афшан, близ Бухары, в семье одного из бухарских чиновников родился Абу Али Хусейн (Абу Али ал Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина ал-Бухари), унаследовавший имя своего рода — Ибн Сина. Позже, в XII в., через

древнееврейскую форму написания имени Ибн Сина — Авен Сина — это имя было латинизировано в имя Авиценна, получившее широкое распространение в Европе.

В средние века на мусульманском Востоке большое значение придавалось общей образованности, без чего человека нельзя было признать культурным. Этим требованиям удовлетворял адаб. Отец Абу Али не жалел средств на образование своих сыновей. Он сам был образованным человеком, интересовался трудами Братьев чистоты. В адаб входили знания в области словесных наук: грамматика, стилистика, поэтика и другие дисциплины.

Абу Али сумел сочетать в себе адиба и алима (ученого). Уже в детстве он постиг все, что полагалось знать адибу, т. е. широко образованному человеку, оставаясь вместе с тем самостоятельным исследователем в области познания природы и философии. В своей автобиографии Авиценна рассказывает, как еще в отроческие годы он присутствовал в беседах, которые вели с отцом собиравшиеся у них гости. Во время беседы речь шла о мировой душе и мировом разуме. Абу Али внимательно прислушивался к этим разговорам.

После учения словесных наук, которые в программе адаба, Абу Али перешел к изучению элементарных сведений по философии, геометрии и арифметике. С исключительной усидчивостью, не свойственной его возрасту, он занимался вопросами логики, изучал Евклидову геометрию, внимательно читал «Альмагесту» Птолемея, где излагается система мироздания последнего. Ибн Сина в возрасте 13–15 лет без посторонней помощи преодолевал все трудности, связанные с чтением этих книг. Когда он перешагнул 12 лет, не смыкая глаз ни днем, ни ночью, он непрерывно читал, накапливал багаж знаний. На каждый довод, над которым он размышлял, писал логически выстроенное введение, заносил все это на отдельные листы. Если он недоумевал в чем-то, он шел в мечеть и молился Аллаху, пока Аллах не озарял его светом тайну. По его собственным словам, так перед ним открывались врата науки.

В 15 лет он интенсивно занялся изучением естествознания и богословия. В то же время он заинтересовался медициной. С большой легкостью он принимал этот предмет, сочинения в этой области. Авиценна пишет: «медицина не принадлежит к числу трудных наук» [3]. Видимо, поэтому в скором времени он преуспел в ней настолько, что не имел себе равных. К нему ходили учиться лечению.

Абу Али никогда не занимался чем-нибудь одним. Увлекаясь медициной, читал сочинения о философии, интересовался вопросами по фикху. Для формирования естественно — научных мировоззрений Авиценны особую роль, действительно, сыграло изучение медицины. У молодого врача теория сочеталась с практикой, он лечил больных, которые к нему охотно приходили. В 16 лет он стал известным и уважаемым врачом в Бухаре.

В раннем средневековье на Ближнем Востоке не было ученых — специалистов только в одной какой-нибудь области науки. По господствовавшим тогда взглядам

оторвать математику, физику, естествознание и медицину от философии нельзя было. И ученые, особенно ученые крупного масштаба, были энциклопедистами, т. е. научная разносторонность Авиценны не была его исключительным свойством. Занимаясь медициной, одновременно заниматься философией было нормальным явлением. Работоспособность Ибн Сины была исключительной.

Авиценна с увлечением занимался логикой, физикой и метафизикой. К философским наукам у него был не меньший интерес, чем к медицине и естествознанию.

До Авиценны жил гениальный ал-Фараби (Абу Наср ибн Мухаммад ал-Фараби) (870–950 гг.) тюркского происхождения, родился в г. Фарабе на Сыр-Дарье — ученый, философ, врач, писавший на арабском языке. Во время Авиценны уже была большая литература по философии на арабском языке. Арабский язык стал латынью Востока. Заслуги ал-Фараби в развитии логического знания столь велики, что он получил почетный титул «Второго учителя». «Первым» считался Аристотель.

«Метафизика» Аристотеля была почему-то сложной для Абу Али. Он сам пишет, что перечитывал ее до сорока раз, а смысла понять так и не мог. Но произошел неожиданный случай. В X в. книжный базар в Бухаре был местом встреч ученых и литераторов, здесь сходились интересные в интеллектуальном отношении люди, вели беседы, спорили. Здесь происходил обмен взглядами по вопросам науки и литературы, определялись течения в разных областях науки, здесь кипела богатая духовная жизнь бухарской интеллигенции. Гуляя по бухарскому книжному базару, Абу Али натолкнулся на торговца с рукописными книгами, предложившего купить за три дирхема книгу, которая оказалась комментарием ал-Фараби на «Метафизику» Аристотеля. Радость юноши, прочитавшего купленную книгу, была великой. Ал-Фараби помог Авиценне легко понять само содержание «Метафизики» Аристотеля, хотя саму «Метафизику» он знал уже наизусть. Влияние Фараби на формирование философских взглядов Ибн Сины было крайне плодотворным. Путь познания наук, как отмечает сам Ибн Сина, был слишком тяжел. Авиценна продолжал и углублял линию ал-Фараби.

В 17-летнем возрасте Ибн Сина получил доступ в одну из лучших библиотек на Ближнем Востоке — библиотеку саманидского эмира Нуха ибн Мансура. Заболевший эмир не мог вылечиться своими врачами. Пришлось пригласить молодого Ибн Сину. Эмир получил лечение и встал на ноги. В благодарность за успешное лечение Нух ибн Мансур удовлетворил просьбу Абу Али допустить его к чтению книг по медицине в дворцовой библиотеке (996 г.). В автобиографии Авиценна очень интересно описывает эту библиотеку. Библиотека состояла из многих комнат. В каждой комнате помещались сундуки с книгами, собранными по специальностям. В библиотеке имелись справочники, по которым можно было найти любую книгу. Абу Али сумел полностью использовать эту библиотеку.

Ученый — медик, как правило, был энциклопедистом, лечил своего покровителя; он должен был давать

удовлетворяющие ответы на самые неожиданные вопросы из различных областей знания и философии, он должен был знать звездное небо, особенно как астролог.

Умер отец Абу Али, ему пришлось переехать на север — в Ургенч — столицу Хорезма. Ибн Сина уехал из Бухары в Ургенч в возрасте 20 лет (нач. 1000 г.) как крупный авторитет.

Одно время Ибн Сина находился при дворе правителя Хорезма Али ибн Мамуна (997–1000), где встретился с крупными учеными того времени: медиком Абу-Сахл ал-Масихи, математиком Абу Наср ал-Аррак, великим астрономом, философом и математиком Абу Рейхан ал-Бируни, философом, медиком Абу-л-Хайр ал-Хаммаром. Это был плодотворный период в жизни Ибн Сины, когда он в тесном кругу с известными учеными той эпохи мог глубже вникнуть в суть различных научных философских вопросов и вести научные споры. В Хорезме Ибн Сине пришла зрелость, он чувствовал себя плодотворным ученым.

На юге росла новая могущественная монархия — государство Газневидов. Глава — Махмуд Газневи (998–1030), чтобы обезвредить неудобное ему влияние поэтов, философов и видных ученых, стремился собрать их в своем дворце, подчинив себе. Свой облик же хотел показать вроде покровителя науки и искусства.

Благоприятные и спокойные годы самостоятельного изучения науки для Ибн Сины были нарушены нашествием Махмуда Газневи.

Следневековый историк Низами Арузи Самарканди в своем произведении «Чехар Макала» («Четыре рассуждения») пишет: «Когда Абу Али Ибн Сина находился при дворе эмира Хорезма Абу Аббаса Ибн Мамуна, Махмуд из Газневи пожелал прославиться как меценат ученых. Потому он послал одного известного человека под именем Ходжа Хусейн Али ибн Микаил с письмом следующего содержания: “Слыхал я, что на службе Хорезмшаха находится несколько ученых мужей, которым нет равных... Вы должны прислать их в мой дворец, чтобы я мог использовать их знания”». Хорезмшах познакомил ученых с этим письмом. Бируни, Аррак и Хаммар положительно ответили на предположение Махмуда, а Ибн Сина и Абу Сахл Масихи отказались ехать. Хорезмшах в ответном письме написал, что Ибн Сины и Абу Сахл Масихи нет в городе. Этим ученым пришлось действительно выехать из города (1012 г.). Бируни посоветовал отправиться в Джурджан. По дороге старый Абу Сахл Масихи скончался. Начались скитания ученого по княжествам. Абу Али не хотел попасть в руки Махмуда Газневи. Все последующие годы вплоть до смерти Ибн Сина жил при дворах султанов из династии Буидов — в Джурджане, Рее, Хамадане, Исфахане (Северный Иран, Южный Азербайджан) [3].

По словам ал-Джужджани, Авиценна в Гургене познакомился с Абу Мухаммедом аш-Ширази — большим любителем наук. Видимо он был богатым человеком. Почувствовав симпатию к Ибн Сине и глубокое уважение к его научному гению, аш-Ширази построил для него дом по соседству к себе.

Рис. 1. Гален, Авиценна, Гиппократ

Абу Али много трудился как ученый и практик-врач, тесно переплетая науку и практическую деятельность. Махмуду Газневи стало известно, что Шейх Раис в Джурджане и ему пришлось покинуть город.

Ибн Сина появился в Рее в 1014 г. Он сумел быстро завоевать симпатии Маджд ад-Даула — эмира Рея (997–1028) тем, что вылечил его от тяжелого душевного недуга — тяжелой формы меланхолии. Ибн Сина был замечательным психиатром и обладал редким умением возвращать психически больным людям душевную уравновешенность, покой и уверенность в себе.

Рей был в руках буидских эмиров. Здесь Ибн Сина стал придворным врачом. Стало известно о нашествии Махмуда в Рей. Ибн Сина отправился в Хамадан, через Казвин, здесь он провел 9 лет при дворе Шамс-ад-Даула Абу Тахира (997–1021) в качестве лечащего врача, затем везира.

Свою деятельность при дворе Шамс-ад-Даула Авиценна начал с излечения эмира от тяжелой желудочной болезни. Здесь, как и в других местах, он выдвинулся как успешно лечащий врач. Талант и познания врача, широкая образованность, огромный ум вместе с большим авторитетом, которым Авиценна уже пользовался, произвели такое впечатление на хаманидского владетеля, что он сделал Авиценну своим везирем.

В Хамадане Ибн Сина каждый вечер собирал у себя учеников. В это время Ибн Сина пишет ряд трактатов: «Вспомогательные средства против различных заблуждений правителей», «О государственных налогах», «Об управлении армией, мамелюками и салдатами, их рацион и обмундирование». В этих работах он выступает против беззаконий и призывает справедливо относиться к нуждам народа. Взгляды Ибн Сины о справедливом управлении государством встретили противодействие со стороны военной знати.

Будучи ученым, он явно не хотел быть связан службой при дворе. После смерти Шамс ад-Даула власть перешла его малолетнему сыну. Владением управлял некий Таджал-Мульк. Он старался ликвидировать независимость Авиценны. Потому и ученый ушел из Хамадана. Он отправился в Исфахан к эмиру Ала ад-Даула.

В 1023 г. Ибн Сина переехал в Исфахан ко двору Ала ад-Даулы, где его встретили как чудесного ученого, философа, врача и государственного деятеля, о котором говорил уже весь мусульманский мир. Ибн Сина уже был известен

как Шейх Раис. В Исфахане его встретили с большим почтом друзья — ученые и высшие чиновники эмира Ала ад-Даула, любители наук. Авиценна поселился в хорошо обставленном доме некоего Абдаллаха ибн Баби. Здесь любили и уважали науку. В Хамадане и Исфахане Ибн Сина было спокойно, на него не давили, ни власть, ни окружение. Он мог вникнуть в интересующие его вопросы науки. Ученый всегда нуждается в таких обстоятельствах.

Ала ад-Даула пользовался славой покровителя ученых и устраивал собрания (меджлисы) известных ученых. В связи с приездом Авиценны Ала ад-Даула издал специальное распоряжение об устройстве каждую пятницу в ночное время меджлисов, где бы ученые в присутствии и при активном участии Авиценны обсуждали различные научные вопросы. В Исфахане Авиценна прожил, где-то более четырнадцать лет. Здесь он закончил свои основные, создавшие ему славу великого ученого труды, а также написал ряд новых работ. Философ стал ближайшим советником правителя, занимался многосторонней и плодотворной научной работой. Привлек к ней даже сына правителя. В Исфахане Ибн Сина завершил работу «Исцеления души», состоящую из следующих частей: логика, физика, метафизика, математика, астрономия, арифметика, музыка, зоология, и ботаника. Здесь он пишет «Книгу спасения», «Книгу знания». Лишь вторжение Махмуда в Исфахан прерывает плодотворную работу Ибн Сины. Он со своим покровителем отправляется в Хамадан.

Рис. 2. Хамадан, Могила Авиценны

Авиценна не имел семьи. Всю жизнь он прожил один, со своими книгами, погруженный в научную работу, общаясь с больными, которых он заботливо лечил, в окружении своих учеников. Бесперывный напряженный труд, постоянное недосыпание подорвали могучее здоровье великого ученого средневековья. Желудочная болезнь, от которой Авиценна успешно лечил своих эмиров, о которой написал трактат «Китаб ал-кунандж», сильно мучила ученого. В 1037 г. в возрасте 57 (58) лет в Хамадане Ибн Сина умер. Он здесь похоронен. Авиценна — самый прогрессивный ученый Среднего и Ближнего Востока, великий ученый Человечества в XI в.

Авиценна античное наследие Гиппократ и Галена, оплодотворенное в арабоязычных трудах врачей X в. Абу Бекра ар-Рази и Али ибн Аббаса, сумел поднять на новую уровень, обогатив своим врачебным опытом и своими наблюдениями и мыслями. Сила Авиценны как медика в том,

что он сумел связать теорию с практикой. Авиценна был гением диагностики.

Наибольшее влияние на развитие культуры и науки на Востоке и Западе имели труды Авиценны в области медицины и в первую очередь его «Ал-Канун фи Тибб» («Канон врачевания»), который в рукописных, а затем литографированных экземплярах был широко распространен на Среднем и Ближнем Востоке. В XII в. Канон был переведен на латинский язык. В 1493 г. издан в Венеции на латинском языке. В Европе Каноном пользовались врачи еще в XVII в.

В области естествознания и философии Авиценна выбрал все наиболее ценное и прогрессивное, что оставил античный мир, и создала светская наука на арабском языке, творчески переработал это наследие и продвинул знание на новую ступень.

По Авиценне философия распадается на метафизику, физику и логику. Метафизика изучает сущности вне материи, физика — материальные тела, а логика — понятия, которые получаются путем абстрагирования от материи. В этой системе метафизика занимает первое место и тем самым определяет идеалистический характер его философской системы. На философию Авиценна смотрел как на первую из наук, науку самостоятельную и независимую.

Влияние философских трудов Авиценны, особенно «Китаб аш-Шифа» («Книга исцеления»), «Китаб ан-Наджат» («Книга спасения»), написанных на арабском языке и «Даниш-намэ» — на таджикском языке, было велико не только на Востоке, но и на средневековом Западе, куда они проникли через арабскую Испанию и еврейских философов, особенно Аверроэса (Абу-ль-Валид Мухаммад ибн Ахмад ибн Рушд).

В «Книге исцеления» и «Каноне врачебной науки» Ибн Сина излагает уникальную в истории науки систему взглядов на три царства природы — систему, в которой энциклопедический охват знаний, почерпнутых из естественно-научного наследия народов Запада и Востока, и дополненных собственными наблюдениями и открытиями мыслителя, сочетается с проведением в их трактовке единого принципа, проявляющегося в стремлении объяснить природу из нее самой и притом как органически целого.

Многообразные явления и процессы, происходящие в подлунном мире, Ибн Сина объясняет взаимодействием, переходом друг в друга и различным сочетанием четырех его простых тел с присущими четырем основным качествами, а все это вместе — влиянием «творческого движения» небесных тел, круговращения которых находятся по отношению друг к другу в точно такой же причинной зависимости.

Ибн Сина считает, что царства природы различаются между собой в силу большей или меньшей соразмерности смеси элементов, образующих тела их представителей.

Жизнь Вселенной определяется деятельностью единой космической силы, по-разному проявляющей себя в неорганическом и органическом мире. Это было одной из ведущих идей Ибн Сины. Весь мир является единым телом. Эта идея — флаг идей Авиценны.

Список литературы:

1. Баратов М. Б. Великий мыслитель Абу Али Ибн Сина. – Ташкент, 1980. – 200 с.
2. Бертольд В. В. Ученые мусульманского Ренессанса. Сочинения. т. VI. – Москва, 1966. – 303 с.
3. Сагдеев А. В. Ибн Сина (Авиценна). – Москва: «Мысль», 1980. – 239 с.
4. Семенов А. А. Абу Али Ибн Сина (Авиценна). – Сталинград, 1953.
5. Солтанова Н. Б. Некоторые вопросы физики в философии Авиценны и Бахманийара. – Германия, LAP, 2015. – 87 с.

Section 4. Cultural studies

*Ratko Maryna Valerievna,
Melitopol State Pedagogical University
named after Bohdan Khmelnytsky,
candidate of pedagogic Sciences, Associate Professor
E-mail: marina.ratko@mail.ru*

The composition of buddhist architectural ensemble of Shvezigon

Abstract: The article presents the peculiarities of the planning of the one of best specimen of Burmese architecture of the period of Pagan — architectural ensemble Shvezigon, an architectonical structure of its central stupa is analysed. Their correlation with Buddhist and local animistic religious beliefs is revealed.

Keywords: architectural ensemble, Shvezigon, composition, stupa-dagobah.

*Ратко Марина Валериевна,
Мелитопольский государственный педагогический
университет имени Богдана Хмельницкого,
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: marina.ratko@mail.ru*

Композиция буддийского архитектурного ансамбля Швезигон

Аннотация: В статье рассмотрены особенности планировки одного из лучших образцов бирманского зодчества паганского периода — ансамбля Швезигон, проанализирована архитектурная структура его центральной ступы. Выявлена их взаимосвязь с буддийскими и местными анимистическими верованиями.

Ключевые слова: архитектурный ансамбль, Швезигон, композиция, ступа-дагоба.

Паган по праву можно считать царственной короной Мьянмы, хранящей память о величии столицы могущественной древней империи. Он менее известен, чем Ангкор в Камбодже, Боробудур в Индонезии или Большая стена в Китае, однако по количеству храмов и ступ этот старинный «мёртвый» город превосходит все буддийские государства мира. Подобно потерпевшим кораблекрушение титаникам они гордо и молчаливо стоят на огромном выжженном тропическим солнцем плато общей площадью 40 км².

Один из самых известных и почитаемых в Пагане — ансамбль пагоды Швезигон. Он заметно выделяется на фоне других построек этого старинного города. Его композиционный центр — зеди Швезигон — единственная целиком позолоченная ступа Пагана, в стенах которой, если верить легендам, хранятся три наиболее почитаемые буддийские реликвии: копия священного зуба Будды, фрагмент его ключицы и налобная повязка, а также статуя изумрудного Будды из Китая.

Строительство комплекса было начато первым великим зодчим Пагана — королём Аноратхой (1044–1077). По замыслу донатора (прозванного также бирманским Ашокой) Швезигон должен был стать центром буддизма тхеравады в Азии, привлекающим для поклонения паломников со всей земли. Если верить бирманским хроникам и

эпитафике, построить для хранения буддийских святынь специальную реликварную камеру Аноратху убедил его духовный наставник — монский монах Шин Арахан: «во благо людей, дэвов и Брахмы, и чтобы здесь могли поклоняться так долго, сколько сансара будет существовать на земле» [5]. Место же для её возведения, как сказано в легендах, королю указал белый королевский слон, преклонив свои колени на песчаном холме (бирм. зигон) в шести километрах к северо-востоку от города Паган (современный посёлок Nyaung U). Отсюда точное значение слова «Швезигон» — «золотая пагода на песчаной насыпи» [10].

В 1089 г. строительство ступы продолжил его наместник — великий король Чанзитта (1084–1112). Мнения историков разошлись относительно объёма выполненных под его предводительством строительных работ. Одни считают, что Чанзитта возвёл новую структуру над уже завершённой ступой и увенчал её новым хти. Высота купола вместе с зонтиком достигала на тот момент 34 м. Вторые утверждают, что при Аноратхе были сооружены лишь три террасы и Чанзитта продолжил строительство от этой части конструкции [8, 7].

Швезигон был достроен за семь месяцев и семь дней. После его освящения в 1090 г. хронографы с гордостью записали: «Швезигон известен в мире людей и мире духов

так же, как свет Брахмы» [8, 8]. В честь освящения ступы Чанзитта подарил ей колокол, на котором было выгравировано обращение великодушного царя ко всем страждущим, ступившим на землю Швезигона. У восточного входа на территорию ансамбля он также установил два каменных столба с длинной надписью на монском языке, фиксирующую отчасти пророчество Будды о величии Пагана и процветании буддизма во времена царствования Чанзитты.

Как и большинство крупных бирманских ступ, Швезигон представляет собою большой храмовый ансамбль, состоящий из многочисленных, разнохарактерных и разновременных сооружений, сформированных вокруг центральной ступы. Его планировка соответствует буддийским космогоническим представлениям о горе Меру (Сумеру) как центре мироздания, где обитают высшие божества. О месте нахождения Меру сказано, что она возвышается среди огромного океана, опоясана семью концентрическими окружностями горных хребтов, окружена четырьмя материками и восемью островами и отделена от внешнего мира четырёхугольной в плане стеной [4, 506–507].

Сооружения Швезигона компактно расположены на квадратном участке земли, ограждённом кирпичной стеной. В центре каждой её стороны находятся ворота, ориентированные «по четырём сторонам света». С востока, юга и запада проходы на территорию комплекса фланкированы гигантскими фигурами чинтэ — крылатыми львами, напоминающими сидящих сторожевых псов, застывших в величественной позе. Традиция установления львов-стражей у входов в ступу в своих истоках восходит к Индии и продолжается в Мьянме по сей день. Эти пары чинтэ созданы уже в постпаганский период. Они изготовлены из кирпича и оштукатурены. Своеобразие местных хранителей святынь в том, что их пластика условна, предельно обобщена и вместе с тем выразительна [2, 10]. А маленький колокольчик, подвешенный на шее, придаёт им беззлобный вид, не смотря разинутые зубастые пасти.

Сам путь к западным воротам (используемым нечасто) охраняется ещё дополнительной парой каменных чинтэ, которые принято считать самыми древними в Пагане, и собственно в Бирме [7, 20]. С северной стороны каменные фантастические чудовища установлены вдоль ступеней, что ведёт от берега реки Иравади к комплексу пагоды.

К южным воротам ансамбля ведёт дорога из Пагана. Некогда её обрамляла своего рода «аллея сфинксов»: по обеим сторонам мощённой кирпичами дороги стояли статуи чинтэ и демонов-охранителей, соединённых простенками [3, 45]. Сейчас на территорию храмового комплекса ведёт длинный благоустроенный подход, где местные искусники продают лаковую посуду, шкатулки, инкрустированные сусальным золотом, цветы для подношения Будде и прочие сувениры. Его вход венчает многоярусное в плане коническое сооружение с роскошной глубокой деревянной резьбой на фигурных фронтонах — пьятта. Мотивы этой резьбы чрезвычайно многообразны — от растительных форм до изображений фантастических животных

и натов, и выполнены они очень искусно. Пирамидальный абрис пьятта завершается вытянутой вверх луковичей и таким же, как и у ступы, миниатюрным зонтиком хти. Подобные навершия окрашивались в золотистый цвет и часто устанавливались над разнообразными постройками в культовых архитектурных ансамблях Бирмы, придавая им особую нарядность, орнаментальность, неповторимый национальный колорит.

Центром храмового ансамбля является центрическая золотая ступа — «мистическое архитектурное тело» Будды, символ его просвещённого ума [1, 227]. Она имеет черты, характерные для бирманского типа этого буддийского памятника — дагобы (или зеди): квадратное ступенчатое основание, над которым возвышается купол (анда) в виде перевёрнутого колокола и шпильеобразная вершина. Высота главной зеди Швезигона составляет 52,5 м. (160 фут), длина каждой из сторон базы — также 52,5 м.

Общая композиция Швезигона, как и большинства индийских, сингальских и монских ступ, отражает вертикальную трехчастность мироздания:

- основание в виде трёх больших пирамидально поднимающихся вверх террас (писсаян), установленных на невысокой базе, и восьмиугольника, обеспечивающего переход от квадрата к кругу — чувственный мир, основа для просвещения (львиный трон Будды);
- колоколообразный купол (каулан), обвитый круговыми орнаментальными лентами (кази или жэнэй) и перерастающий в конус (паунжэ) — мир форм, причины для просветления (верхняя часть тела Будды);
- венчающая построение богато орнаментированная верхушка, к которой добавлен царский зонтик (хти), а также знамя (хнэмьяна) и шар (сейнбу) — мир не-форм или небесные миры, результат просвещения (выпуклость на голове Будды).

В бирманских исследованиях культуры древнего Пагана представлена более детализированная структура композиции главной зеди Швезигона. Она включает следующие элементы, часто имеющие образное название: фундамент (panap che); террасы (pissaya); аркообразные входы (four mokh) и 12 ступеней; восьмиугольная база или большой лотос (kyar wun); круговая база или малый лотос (kyar wain); перевёрнутый лотос (kyar mhauk); колоколоподобный купол (khaukg laung), украшенный нижними губами (nakham htu), невысокими рёбрами (hkaung laung na) и лентой из «сосками» или цветочками (yin phwe kha pat); перевёрнутая чаша для милостыни (tha paik hmauk), декорированная гирляндой цветочных веточек (pan swei); тюрбан или рельефная оправа (hpaung yit) из суживающимися кверху большими и малыми кольцами; перевёрнутый лотос (kyar seik); шары лотосов (kyar uwe); лотос с раскрытыми лепестками (kyar ruan); «дождевое кольцо» с колокольчиками; бутон банана (nget pwaw bu); королевский зонтик (hti taw); знамя (nget myat nar); драгоценный шар (sein hpo) [5].

Каждый из этих элементов также имеет глубокий символический смысл, отражая широкий спектр буддийских

понятий. Фундамент ступы ассоциируется с Десятью белими добродетелями; три террасы писсэян символизируют Три буддийские Драгоценности (Будду, Дхарму и Сангху); восьмиугольная, круглая базы и пояс над ними означают соответственно Четыре Благородные истины, Четыре Безмерных Состояния, Четверичное усилие; колокол с чашей символизируют Семь факторов Просветления; тюрбан с кольцами отображает восьмеричный путь; лотосы с лепестками представляют в символической форме «дерево жизни» или Десять знаний; зонт хти — символ победоносности Дхармы, драгоценный шар — знак Солнца, излучающего бесчисленные лучи сострадания [4, 731–732].

Несмотря на внушительные размеры, ступа ни на одном из уровней не имеет дополнительных креплений. Все композиционные элементы зеди Швезигона сбалансированы, плавно переходят друг в друга, подымаясь к вершине, благодаря чему она считается образцом классической верхнебирманской ступы. Именно её конструкция в последующем прослужила моделью для сооружения лучших монументальных ступ Мьянмы: Мингалазеди (Паган, 1268), Шведагон (Янгон, кон. XIV в.), Кутодав (Мандалай, 1857).

Ступа практически полностью построена из блоков песчаника (размер каждой плиты 38 × 26 × 8 см.) [12]. Их кладка отличается высоким качеством, что позволило строению избежать существенных разрушений в течение более чем девяти веков. «Бутон банана» (16-ти футовая удлиненная колба под хти) и сам зонт вылиты из сплава пяти металлов — золота, серебра, цинка, меди, олова, получившего на языке пали название «*Puinsa Lawha*» [9, 61]. Золотой зонтик украшен серебряными колокольчиками, а флюгер и шар, нанизанные на его шпиль — инкрустированы драгоценными камнями. Большая часть ступы (за исключением террас) полностью покрыта золочеными медными пластинками, изготовленными на пожертвования местных и иностранных дарителей. Их общее число — 30 205 единиц [5].

Нижние уступы трёх ярусов кирпичных террас декорированы терракотовыми табличками, покрытыми зеленоватой глазурью. На них в барельефе изображены сцены из 550 буддийских джатак — притч, повествующих о земных перевоплощениях Будды. Наиболее популярные темы — восемь главных событий из жизни Будды Гаутамы: рождение; просвещение; первая проповедь, прочитанная в оленьем заповеднике; явление двух чудес — огня и воды, вытекающих из тела Будды; укрощение гигантского слона Налагири; сошествие на землю с небес Тушита; в лесу Парилейяка; паранирована или будда на смертном одре [9, 48–49].

Традиция декорирования сакральных сооружений votивными табличками была основана в Бирме королём Аноратхой, который собственноручно их изготавливал, подписывал и дарил храмам и ступам [9, 4–5]. Терракотовые таблички размещены в небольших квадратных углублениях (нишах) золоченого цоколя террас ступы Швезигона, напоминая метопы фризов древнегреческих храмов.

Схематизированные изображения будд в барельефе присутствуют и на золоченых завершениях парапетов террас. Их густые зубцы (бирм. сейнтаун), так же как и таблички со сценами из джатак, имеют квадратную нижнюю часть и аркообразную верхушку.

На вершинах четырёх углов верхней террасы стоят уменьшенные позолоченные копии главной ступы, а по углам на парапетах двух нижних ярусов установлены «реплики» верхушки ступы в виде полусферы со шпилем.

Со всех четырёх сторон террасы прорезаны лестницы. Каждая лестница имеет по 12 ступеней и золоченый аркообразный вход, напоминающий «пламенеющие» порталы паганских храмов с характерным завершением — фронтоном тэке [3, 88]. Над каждым из фронтонов возвышается декоративная ступа, очертания которой напоминают индийскую хармику с ярусированным хти наверху. Углы арок-входов и проходы на террасы второго и третьего ярусов фланкированы золочеными изображениями стражей чинтэ и пастей крокодилов.

Ступеньки ведут на террасы, где паломники могут совершать ритуальный обход ступы по направлению движения солнца, подымаясь и переходя от одного уровня на другой. Участвуя в прадакшине (обходе ступы по часовой стрелке, стоя лицом к ней), человек благодаря оптическому эффекту оказывается как бы внутри светоносного купола, переживая не сравнимое ни с чем чувство близости к небесным сферам [1, 229].

Лестница с восточной стороны зеди подводит ко входу в саму ступу (на данный момент доступному лишь избранным духовным лицам). Её интерьер напоминает лабиринт взаимосвязанных проходов, на стенах которых также можно увидеть votивные таблички, иллюстрирующие джатаки. Их прикрепляли паломники, совершая таким образом акт жертвования ступе и молясь о благословении [10]. Доступ же к самой реликварной камере закрыт (Существует предположение, что священные реликвии Швезигона были похищены). Пребывание в теле ступы, сопровождаемое дарением поучительных табличек, создавало сильное энергетическое поле, которое позволяло паломникам приблизиться к достижению нирваны.

У четырёх углов главную Зеди Швезигона охраняют устрашающие каменные существа с роскошной позолоченной гривой, как у льва, и раздвоенным туловищем (*manoukthiha*). Эти фантастические животные являются почитаемыми в Бирме с древних времён; им делают подношения цветами и едой.

Подножие центральной ступы, за небольшой оградой, окружено рядом цветущих «райских деревьев». Они установлены на маленьких золоченых ступах, по форме напоминающих ритуальные сосуды для воды — калаша, и каменных подставках. Ствол этих сказочных растений изготовлен из металла, а лепестки и листья позолочены. С внешней стороны их окружает ряд белых каменных чаш для милостыни.

Вокруг главной зеди и строений, прилегающих к ней, устроен широкий обход, вымощенный каменными плитами. Он предназначен специально для массовых ритуальных процессий. Участие в них является для буддистов способом выражения почтения к святому месту.

С внешней стороны обхода, по направлению к стенам комплекса, располагаются многочисленные деревянные и кирпичные постройки различного назначения. Среди них: деревянные храмы (тезауны), специальные постройки для отдыха и ночлега (зэяты), павильоны с круглой и деревянной скульптурой и рельефами, навесы с колоколами, следами Будды или огромными чашами для милостыни, беседки, где можно приобрести маленькие листочки сусального золота и пр. Они увенчаны великолепными резными многоярусными пята или массивным кунтауном, напоминающим индийскую хармику с позолоченной ступой наверху.

Фронтоны, карнизы, коньковые доски, подзоры этих разнообразных зданий часто сплошь покрыты филигранной резьбой по дереву — глухой и прорезной, орнаментальной или изображающей мифологических существ (натов, огр, демонов белю). К входным проёмам также прикреплялись вырезанные из дерева фигурные обрамления со сквозной ажурной резьбой с преобладающим растительным орнаментом, золоченной или белоснежной. Колонны храмов и павильонов местами украшены зеркальной или разноцветной мозаикой. Ввиду этого Швезигон не случайно называют музеем старинного ремесла.

В четырёх местах, по осям симметрии центральной ступы обход перегорожен квадратными кирпичными храмами — *kug-gu taik*. В каждом из них находится стоящая статуя одного из будд текущей калпы: Кракуччхандхи (с северной стороны), Канакамуни (с восточной), Кашьяпы (с южной), Гаутамы Шакьямуни (с западной). Принято считать, что это наиболее древние скульптурные изображения будд в Пагане, сохранившиеся в оригинале: их изготовление датируется началом XII в. (1102 г.) [10]. Высота каждой статуи достигает 16 футов (5,3 м). Как и «бутон лотоса» центральной ступы, образы будд отлиты из сплава *Puinsa Lawha*. Ма Танеги пишет, что мастера Пагана владели также особым секретом изготовления статуй из этого сплава, позволявшим отливать изображения таким образом, что золото располагалось на лице фигуры или иных наиболее значимых её местах, придавая образу особую выразительность [9, 62]. Ричард Колер уточняет, что лица и другие открытые участки тел будд покрыты тонкими пластинками золоченой бронзы, обработанными в технике чеканки, которая в древнем Пагане получила название *kye-khat-ri* [7, 21].

Не смотря на впечатляющие размеры статуи будд очень грациозны и полётны. Все они демонстрируют одни и те же символические жесты рук (мудры): их правая рука застыла в позе абхайя-мудра, что означает «дарующий защиту», левая — презентует фигуру витарка-мудра, символизирующую проницательность и понимание.

Четыре храма *kug-gu taik* также служат местами для курения благовоний. Поэтому их ещё называют «*gandhakuti*» [7, 21]. Ниже статуи Кашапы находится пара следов Будды, затейливо вырезанных в большой плите песчаника. Следы в храме расположены таким образом, что у каждого смотрящего на них возникает ощущение, будто Будда идёт по направлению к нему.

Среди разнообразных строений Швезигона особый интерес представляет расположенный в юго-восточной стороне комплекса павильон, где выставлен весь пантеон древних бирманских языческих божеств — антропоморфные статуи 37 духов-натов. Их мирное сосуществование с буддийскими святынями обусловлено вполне разумным решением короля Аноратхи смягчить переход от традиционных анимистических верований бирманцев к новому «правоверному» учению тхеравады. Его слова записаны в «Хронике стеклянного дворца», составленной в 1829 г.: «Люди не придут ради новой веры. Позвольте им прийти ради их старых божеств и постепенно новые боги обретут их расположение» [6]. Здесь же сказано, что король установил идолы 36 натов, проживавших у подножия священной горы Поупа, что рядом с Паганом, на двух верхних террасах Швезигона. К их кругу было также причислено новое 37-е божество — король натов Тьягуамин, ставший бирманской версией буддийского дэвы Шакры, верховного божества в деваклогге 33 буддийских богов [4, 857]. Таким образом, впервые в истории Паганского королевства, с одной стороны, был легитимирован культ натов, с другой — заложен фундамент глубокого взаимопроникновения двух религий, со временем трансформировавшийся в феномен «бирманского буддизма».

Предположительно, изображения натов располагались на террасах Швезигона до тех пор, пока большая их часть не была похищена неизвестным частным коллекционером [11]. Позже были сделаны копии статуй, которые и установили в специальном павильоне. Из числа оригиналов паганского периода сохранилось только три образа: покровителя натов Тьягуамина и наиболее почитаемых бирманцами духов брата и сестры *Min Maha Giri* (названного «Лордом Большой Горы») и *Shwe Myet Nnar* («Леди Золотое Лицо») [9, 128]. Их статуи искусно вырезаны в камне и позолочены. Деревянные фигуры-копии натов преимущественно раскрашены и одеты в яркие одежды, подобно куклам местного театра марионеток (*yokthe-pwe*). Тратовка их лиц и отдельных деталей отличается предельной условностью форм и застывшей экспрессией [9, 16].

Павильон «37 натов» — один из наиболее посещаемых на территории Швезигона, так как анимистическая традиция поклонения натам не теряет своей привлекательности среди бирманцев. Тысячи паломников в надежде обрести благосклонность местных божеств приносят им дары в виде цветов, свечей, зонтиков, ароматизированной воды, ладана, риса, бананов, кокосовых орехов и прочих предметов, завёрнутых согласно местному обычаю в листья евгении — символа успеха и победы [6].

В целом, образы натов часто встречаются на территории храмового комплекса. Рядом с главным павильоном натов находятся часовня натов отца и сына и павильон разрушенного ната. В юго-восточном углу комплекса расположена также маленькая часовня ната Мае Wunna — стража целебных корней и трав, произрастающих в близлежащей местности. Изображения натов часто фигурируют в деревянной резьбе пятит, фронтонов, порталов зданий.

Среди достопримечательностей, находящихся на территории Швезигона, также следует отметить: статую лежащего Будды в южном павильоне; статую сидящего Будды в окружении молящихся монахов; копию следов Будды, экспонирующуюся в Музее Швезигона; скульптурное изображение архата Маха Тхера в восточной стороне ансамбля; маленькие камеры-клетки на каменном постаменте с фигурками божеств-покровителей каждого дня недели; каменное изваяние белого коня короля Чанзитты в одном из восточных павильонов; два колокола, подаренные Швезигону в XVI в. королём Табиншведхи — правителем южного королевства Пегу; большие золоченые чаши для

милостыни; королевский зонт Швезигона, подаренный королём Алаунпайя; павильон с деревянными резными панелями, на которых на белом фоне затейливо изображены цветные фигурки танцоров и музыкантов; каменную плиту у восточной стороны пагоды с десятиметровой в диаметре выемкой, наполненной водой, в которой отражается главная ступа.

Таким образом, в статье проанализированы композиционные особенности буддийского архитектурного ансамбля Швезигон и архитектурно-структурная структура его центральной ступы (дагобы). Своеобразие этого замечательного памятника древней паганской культуры в том, что он стал первым храмовым комплексом, сооружённым собственно в бирманском стиле, иллюстрирующим феномен глубокого взаимопроникновения буддийского мироощущения с древними языческими культами. Являясь прекрасным образцом синтеза искусств, Швезигон впечатляет паломников со всего мира мастерством решения его планировки и высоким художественным достоинством отдельных архитектурных и скульптурных форм.

Список литературы:

1. Абельдиль М. Ф. Буддизм: религия без бога. – СПб.: Вектор, 2013. – 256 с.
2. Искусство Бирмы. Альбом/Авт.-сост. Н. Ожегова. – М.: Изобразительное искусство, 1979. – 192 с., ил.
3. Ожегов С. С. Архитектура Бирмы. – М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1970. – 197 с.
4. Неаполитанский С. М., Матвеев С. А. Энциклопедия буддизма. – СПб.: Институт метафизики, 2009. – 928 с., ил.
5. A short History of Shwezigon Pagoda. – Sagaing: Department of Research & Compilation, Sitagtu International Buddhist Academy, 1998//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://myanmarnet.net/nibbana/shwezgon.htm>
6. Bagan. Shwezigon Pagoda//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slideshare.net/michaelasanda/bagan-shwezigon-pagoda1>
7. Cooler Richard M. The Art and Culture of Burma//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.seasite.niu.edu/burmese/cooler/BurmaArt_TOC.htm
8. Glimples of glorious Bagan. – Yangon: Department of Historical Research, 2014. – 64 с.
9. Ma Tanegi. Bagan mystique. – Yangon: Tanintaye Sarpay, 2011. – 136 p.
10. Shwezigon Pagoda//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Shwezigon_Pagoda
11. Shwezigon Paya//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thetempletrail.com/shwezigon/>
12. Shwezigon Paya Temple//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orientalarchitecture.com/myanmar/bagan/shwezigon.php>

*Soldatenkova Olga Vyacheslavovna,
Candidate of cultural studies,
Associate professor at the Department of history and culture,
Ukhta state technical university
E-mail: zav_so@mail.ru*

The tradition of understanding light in hesychasm

Abstract: Light is one of the most significant categories of Orthodox Christianity, which tells eastern Christianity from the western one, is traditionally perceived as a mode of appearance of the Divinity in the world, as well as is understood as a condition and evidence of the fulfillment of deification. The article describes the basic provisions of interpretation of light by the hesychasm tradition that had a big influence on the formation of the Russian Orthodoxy and Russian culture.

Keywords: hesychasm, light, the light of the Mount Fabor, transfiguration, deification.

Transfiguration, the condition achieved in the synergistic cooperation of a man and the God, is the goal and essence of the life of an Orthodox Christian. The idea of deification as a fulfillment of a desired change, as the passing of the temporality and depravity of the fleshy nature of the man expelled from Eden, can be rightly considered as the fundamental idea of the eastern Christianity. The traditions of spiritual practice and personal mysterious experience of communion with God originate from IV century and were most fully developed by the followers of hesychasm, the ascetic school of «smart doing» striving to assimilate Christ and achieve deification. Literature reflecting the ideas of hesychasm is numerous, but «Spiritual Homilies» of Macarius of Egypt and tractates of Evagrius Ponticus are considered the texts that became the foundation for the formation and development of the hesychastic tradition. According to many scientists, the notions and provisions, including some terms of stoicism, Neoplatonism and Judaic idea of penitence were borrowed from these works.

Being a practice of spiritual doing that disciplines thoughts and feelings, hesychasm does not deny fleshliness and does not contrast soul with body that is perceived as the concentration of everything sinful and vicious, which was common for many religious orders of the western Christianity. On the contrary, the hesychasts saw the essence of transfiguration in the acquiring of the lost pre-sin body, when corruptible «skin robes» that the human nature of the image and likeness of God was imprisoned in will fall and the man will again acquire original body. Thus, it can be fairly stated that the ascetic practice of hesychasm was significantly aimed at a fight for the body but not against it. This is also proved by the words of saint bishop Athanasius of Alexandria, who wrote in his writing *On the Incarnation*: «The main goal of God was the resurrection of the body that He had to fulfil, because the symbol of victory over death was to show it to everyone, to convince everyone that He fulfilled the destruction of corruption and non-corruption is given to the bodies» [1, 201]. The hesychastic «smart doing» was able to transfigure the body, the visible examples of which were numerous evidences of the shining of communities of saints and non-corruption of their bodies. Undoubtedly, the connection of the light with the deity has an ancient biblical tradition, but it should be noted that in the Old Testament the Light of God is not possible to see with human eyes without severe consequences — it is frightening and dangerous. The image of Moses, when he went down the Mount Sinai, was shining so brightly that the prophet had to hide his face with a blanket communicating with the Jews not to harm them. By contrast, the light coming from the eastern Christianity holy men gave pleasure and consolation to those who saw it, i. e. it was able to change the human nature; herewith, the light apparently coincided with the second hypostasis of the Deity — Good in the meaning of a good action.

The basis and essence of the hesychastic practice of «smart doing», as it was said before, lies in the communion

with God, mysterious experience fulfilled in the light and by the light. There is a need of a detailed consideration of significance and meaning of light in the ascetic tradition of the Orthodox Christianity. As it was noted by S. S. Khoruzhiy, «the spiritual light is the central reality of the entire mysterious life of Orthodox Christianity» [4, 39].

The light of the Mount Fabor, light of Transfiguration, understood as the mode of appearance of the Deity in the material world, was perceived as the way of a dialogue with the Deity and as evidence of this dialogue-interaction of a man's free will and divine grace. This is the essence of the synergism of deification — only the cooperation of the human and divine energies can fulfill the transfiguration. It is interesting that the term «energy», one of the key terms in hesychasm, became «a stumbling stone» in the known argument about the Fabor Light, also due to the unclear interpretation of the notion by the theorists of the hesychasm. The Fabor Light that was seen by the apostles as a sensually perceived descent of grace can have the meaning of a divine energy, because it is related to the Deity and is a manifestation of His actions. Then, there was a fair question: how something related to invisible and incomprehensible can be perceived as visible by a human eye and comprehended by a human mind, even as a comparison and description. If such thing is accepted, one has to admit the presence of multiplicity in one and undivided Deity, which, naturally, contradicts the articles of faith. Similarly, accepting the Light of the mount Fabor as creation, different from the nature of the Deity, one should acknowledge the principle impossibility of communion with the Deity. We will not set forth the views of the most famous theorist of the concept of the Fabor Light Gregory Palamas, but we will note that the visible light was considered by St. Palamas as the external reflection of the invisible spiritual light, and naming of God as Light is possible on the basis that the Deity appears in the created world in such manner and since God can be comprehended — He is Light.

The Assembly called in 1351 to establish the unified opinion with regard to the divine energy and nature of the Fabor Light passed «Agioritic tomos», a document that defines sensually perceived light; light comprehensible with mind and non-created Divine Light. The first light is typical for material world and reveals subjects and objects of sensual world; the second light is «the light of mind» enlightening and mind enlightened with knowledge. The Divine Light that lit the man with the help of grace is above any mind and any sense, but recognizable by mind and sense. Thus, as we can see, in the contemplation of the Divine Light, the dualism of spiritual and fleshly is removed, which is typical for the hesychasm, because only sensual or only intellectual comprehension of the Deity is not possible. The categoriality of St. Gregory Palamas in respect of the understanding of Light should be noted separately: it is not an allegory or some «enlightenment»; the correlation of the Divine Light with sensually perceived sun light is of symbolic character: «The Light is Divine and nothing else, and what sun is in the material world, that is

God in the mind» [3, 88]. Apparently, the perception of Divine Light is only possible given the entire transfiguration of the man's personality, fleshly transfiguration and spiritual one. But the very spiritual light is the only form and way of acquiring the knowledge about the Deity by the man.

In the hesychastic tradition, the ability to see the non-created light is acquired only under respective spiritual preparedness, primarily, in the mysterious experience of ceaseless prayer. Any man, even a layman, adhering to the commandments and succeeding in «smart doing» can be given grace. Since the Deity is present in His energies that penetrate whole created world, the reason of existence of which they are, these energies are capable of revealing the knowledge about the Deity in the world created by Him. But the comprehension of the Deity is full only in the mysterious experience of contemplation of the Fabor Light.

It is important to pay attention to how exactly the essence of non-merged merging of human and divine nature in Christ was understood by the hesychasts. They understood this merging as the dissipation of Christ in every man through oblation, which makes the man «the temple of all the Deity» [3, 47], illuminating the man's soul with shining. The opponents of St. Palamas, who denied the ability of participation of non-created energies in the deification, thus denied participation of Christ in the spiritual life of the believers and the Church, which made the Gospel not a revelation but an ordinary myth.

For us, the most important thing in the hesychastic teaching is the fact that it fully excludes spiritual inactivity of the

man, and this defines the ability to achieve deification in this world, whereas the western Christianity does not permit the obtaining of holiness as the fulfillment of merging with the God in the earthly life of a righteous man. The followers of the hesychastic idea defined the personality of Christ as the confirmation of deification like a reality present in the life of every Christian: «If the God — Word was not embodied, the father wouldn't appear as the Father, the Son wouldn't appear as the Son, the Holy Spirit wouldn't appear coming from the Father; the God wouldn't open up in His essential and hypostatic being, He would only appear as contemplated energy in creations» [2, 163]. The Deity and the man are united in Christ, the human nature of Which is understood as the proof of a possibility of deification of people. The very fact of embodiment certifies about the ability to comprehend the Deity fulfilled in the Light and by the Light, but which necessarily requires spiritual progression of the man.

The history of the mankind was understood by the hesychasts from the Christological point considering the synergism of the man and the Deity as only possible condition of deification and defining the need of a full responsibility of the man for his saving. Since the Fabor Light is, according to the hesychastic views, sensually perceived image of the Deity, the knowledge about Which is given as a grace in the form of light, it becomes clear that the mysterious experience on the way to spiritual progression is obtained in the form of illuminated images, the evidence of which is constant mentioning of light in its direct relation to the spiritual progression.

References:

1. Saint Athanasius of Alexandria. Works: In 4 vols. – M.: Published by the Valaam Monastery, 1996. – Vol. 1.
2. Saint Gregory Palamas. Conversations: In 3 vols. – M.: Published by the Valaam Monastery, 1994. – Vol. 2.
3. Saint Gregory Palamas. The Triads. – M.: Kanon, 1995.
4. Khoruzhyi S. S. Diptych of silence. Ascetic teaching in the theological and philosophical interpretation. – M.: Center for psychology and psychotherapy, 1991.

Section 5. Philology and linguistics

*Antonova Olga Aleksandrovna,
National University «Kiev-Mohyla academy», Kiev,
tutor, the Faculty of Humanitarian Disciplines
E-mail: olga.antonova.o@gmail.com*

Structural and semantic peculiarities of prepositional wordequivalents of Polish language

Abstract: The article deals with the research of expression form and inner organization of prepositional word-equivalents of temporal semantics in Polish. The structural models as system links of the investigated elements are determined and described.

Keywords: prepositional wordequivalents, structural models, grammar scheme, semantics of simultaneity, semantics of sequence, time frames.

*Антонова Ольга Александровна,
Национальный Университет «Киево-Могилянская академия»,
старший преподаватель, факультет гуманитарных дисциплин
E-mail: olga.antonova.o@gmail.com*

Структурные и семантические особенности предложных эквивалентов слова польского языка

Аннотация: В статье рассматриваются план выражения и внутренней организации предложных эквивалентов слова темпоральной семантики польского языка. Представлены модели структуры исследуемых языковых единиц, определены и описаны системные связи между ними.

Ключевые слова: предложные эквиваленты слова, структурная модель, грамматическая схема, семантика одновременности, последовательности, временных границ.

Раздельнооформленные лексические образования в системах славянских языков стали заметным лингвистическим явлением ещё в XX в., однако развитие компьютерных технологий и создание национальных языковых корпусов выдвинули требования нового рассмотрения проблематики лексических единиц раздельного написания. Изучение языковедческой литературы последнего десятилетия выявило, что в славянском и западно-европейском языкознании продолжаются дискуссии по поводу языкового статуса и классификации способов словообразования таких лексических структур [1, 33].

Одной из первоочередных потребностей в изучении данной проблемы является гармонизация терминологических определений: анализ украинской и польской лингвистической терминологии, обозначающей языковые единицы переходного характера в системах исследуемых языков, обнаружил как определённые различия между терминообразованиями, так и несоответствия [2, 26–27; 3, 97].

В украинском языкознании лексиализированные единства уверенно утверждаются в статусе эквивалентов слова, поскольку выявлен их системообразующий характер,

определены основные принципы выделения и классификации, использованы различные виды анализа, на основе полученных результатов выработаны принципы грамматического и лексикографического описания данных образований [4].

В польском языкознании многим раздельнооформленным лексическим единицам предоставлен статус единиц лексикона: в макроструктуре и микроструктуре словарей они представлены как заглавные слова. В то же время некоторым раздельнооформленным единствам приписывается статус фразеологизмов, устойчивых словосочетаний [5].

Однако, проблема изучения таких трансформационных явлений как уподобление слову в славянских языках остаётся актуальной.

В системе польского и украинского языков особое внимание исследователей привлекает один из наиболее многочисленных классов лексических единиц раздельного написания, сформированный предложными эквивалентами слова (далее — предложные ЭС). Данный факт подтверждает наличие большого количества трудов теоретического, аналитического и практического направлений [6, 58].

Проблемный характер предложных ЭС чётко проявляется во время освещения вопросов, касающихся количественного состава в системе языка, степени лексикализации и критериев выделения в речи и в текстах разной стилистической направленности. В украинистике выразительно кристаллизуются две теории раздельнооформленных предлогов — теория эквивалентности предлогу и теория эквивалентности слову [7]. Причём обе теории, имея свою специфику и определённые противоречия, не существуют изолированно. Предложная эквивалентность рассматривается как способность обслуживать категориальные значения, свойственные предлогам [8, 19]. Главным направлением данных исследований является окончательное проявление качеств предлога — приобретение определёнными образованиями категориально-дейксисного значения как статического. Именно эта идея стала опорой для выработки концепции Словаря украинских предлогов [9].

Основу теории эквивалентов слова составляют структурно-системные исследования предлогов, которым свойственно исключительно раздельное написание. В свете этой теории рассмотрению подлежат раздельнооформленные предлоги с учётом свойств словообразовательного подуровня языковой системы, в которой существуют определённые модели. Образованные по этим моделям лексические единицы выявляют склонность к процессу препозиционализации. Предложным ЭС украинского и польского языков посвящены ряд работ А. Лучик [10, 27], в которых исследователь неоднократно отмечала, что важность такого подхода к изучению аналитических предлогов обусловлена прежде всего спецификой словарного описания, поскольку каждая лексикографическая работа — это чётко структурированная система.

Польская исследовательская литература, посвящённая раздельнооформленным предлогам, фокусируется на вопросах экспликации семантики таких функциональных единиц с целью усовершенствования принципов их выделения и словарного описания. Однако, несмотря на внушительный опыт лексикографической разработки аналитических предлогов, вопросы особенностей структуры, алгоритмов образования, индивидуальных значений и по сей день остаются второстепенными в аналитических трудах, посвящённых предлогам данного типа.

Целью настоящей статьи является выяснение способов формирования индивидуального значения предложных ЭС польского языка на основе выявления закономерностей их строения и грамматических параметров. Одним из важнейших заданий работы мы считаем выяснение того, насколько грамматические показатели исследуемых предложных ЭС способны коррелировать с элементами их лексического значения. Следует отметить, что предложные ЭС польского языка темпорального значения уже тщательно рассматривались в трудах польских лингвистов. Так, Р. Пшибыльская выделила 23 раздельнооформленных предлога темпоральной семантики и, применив 9-уровневый критерий, определила степени лексикализации и предложивания

комплексов [12, 243]. Основной целью многоаспектных исследований Б. Милевской и М. Леш-Дук было установление признаков препозиционализации, морфосинтаксических характеристик и параметры, в соответствии с которыми исследуемые единицы могли бы быть отнесены к предложному классу и внесены в специализированные словари наравне с однословными предлогами. В каждой из указанных работ вторичные предлоги рассматривались в составе семантических групп [13; 14]. Наблюдения над строением предложных ЭС польского языка выявило общие черты с предложными ЭС украинского языка и определённые закономерности структуры, которые учтены при построении моделей. В соответствии с параметрами структур предложные ЭС делятся на парадигматические структуры, т. е. значение первичного предлога расширяют грамматические параметры компонента — бывшего имени существительного, которые определяют вид синтагматической связи в предложении. У непарадигматических предложных ЭС значение единицы манифестирует несклоняемый компонент, выраженный наречием или частицей. Конкретизирует и закрывает всю лексическую структуру предложный компонент, который управляет падежом существительного.

Выяснение степени единства формы выражения и плана содержания предложных ЭС в насоящем исследовании обеспечивает контекстный анализ. Описание собственно предлога сосредотачивается на вербальной и номинальной группах в предложении. Но, учитывая, что одним из важнейших заданий исследования мы ставим выявление свойств автосемантического характера предложных ЭС и способность вступать в парадигматические связи с другими предложными ЭС исследуемого языка, считаем необходимым представить развёрнутый контекст, позволяющий выявить также явления грамматической омонимии с наречными ЭС и свободными словосочетаниями.

Группа предложных единиц темпорального значения наиболее представительна в предложных системах исследуемых языков. В системе разных дейктических высказываний проявляется специфика языка и культуры, в которой язык функционирует [15, 49]. В исследуемом материале представлены единицы, которые в польском языке имеют предложный статус, т. е. представлены в словарях. В польском языке в предложной функции также воспроизводятся структуры, подобные тем сочетаниям, которые имеют словарную маркировку предлога. Выявлено, что словообразовательные группы предложных ЭС семантики времени в полной мере связаны с семантикой знаменательных компонентов, поэтому целесообразно их рассматривать в соответствии с семантическими разновидностями. В предлагаемом исследовании будут представлены предложные ЭС, которые объединяются в подгруппы неопределённой одновременности, временной последовательности и группы временных рамок.

Группу неопределённой одновременности составляют 6 предложных ЭС, имеющих структуру предлог + имя существительное *w czasie, w ciągu, w przeciagu, w trakcie, w toku,*

в *przebiegu*, значение которых на синтагматической оси развёртывается от общего предложного компонента *w*, а вид синтагматической связи в предложении определяет форма предложного падежа в единственном числе: все сочетания управляют формой падежа (родительного) имени существительного в предложении. В оппозицию тождественности на уровне плана выражения предложные структуры вступают с учётом общего показателя категории мужского рода и категории числа (единственного). На основании общих грамматических параметров выведена словообразовательная схема Праер — N_{6ms}. Однако очевидно, что на уровне плана содержания, не все единицы представляют семантическую тождественность. Предложный ЭС *w czasie* «указывает на то, что во времени совпадают два события»: *Gdyby w tej chwili, w czasie zimy piorun runął na majdan w Rozłogach, mniejsze by sprawił wrażenie na kniahini i jej synach niż owe słowa namiestnika* (H. Sienkiewicz). Семантически наполненные компоненты единиц *w ciągu*, *w przeciagu*, *w toku* и *w trakcie* более выразительно обозначают время как движение, действие или процесс. Примеры для сравнения: *Aby rzecz utrzymać w dyskrekcji, cała praca musiała być ukończona w ciągu nocy* (S. Mrozek). *W trakcie druku „Pamiętnika” w odcinku otrzymałem sporo listów, ostrzegających mnie przed osobą autorki, jako kobiety niegodnej zaufania* (T. Dołęga-Mostowicz); *Jeśli tu owdzie w toku opowiadania za wiele kazałem ci własnym odgadywać domysłem, to poznasz snadnie, że to wina przedmiotu i treści, a nie biednego autora* (W. Łoziński). Именной компонент предложного ЭС *w przebiegu* кроме временных признаков “продолжительность” и “протяжённость”, содержит сему “быстротечность”: *Spostrzeganie urazu jako przeszkody w przebiegu kariery sportowej koreluje dodatnio ze stylem skoncentrowanym na emocjach* (J. Blecharz).

Собственно одновременность событий в польском языке репрезентуют предлоги, имеющие структуру наречие + предлог *wraz z*, *razem z* и *równo z*: *Noc jej życia kończy się wraz z nocą dzisiejszą* (A. Rudnicki); *Kiedy się obudziłem, już dzień się robił, a równo z poranną zorzą i w mojej biednej głowie świtać zaczęło, i teraz mi jasno było* (T. Dołęga-Mostowicz). *Wieczorem cień rozciągał się, znikał razem z bólem* (M. Gretkowska). В словаре вторичных предлогов Б. Милевской анализированные сочетания представлены как многозначные предлоги. Временные отношения эти единицы обозначают с оттенком условия. Во время структурного анализа выяснилось, что, в отличие от предложно-именных сочетаний, структуру этих предлогов на синтагматической оси закрывает предложный компонент *z*, который определяет вид связи в предложении: все предложные структуры, образованные по схеме Adv – Праер, управляют творительным падежом. На уровне плана содержания анализированные сочетания вступают в оппозицию семантической тождественности, поскольку в словарях они маркированы как как целостность в значении “одновременно, вместе”.

Предложные ЭС темпоральной семантики могут вступать и в противопоставительные отношения, образуя

антонимические пары или объединяться в синонимические группы, которые противопоставляются по своим значениям.

Принимая во внимание противоположные значения семантически наполненных компонентов, антонимическую пару образуют предложные ЭС *z początkiem* и *z końcem*, поскольку указывают на событие, которое начинается или же заканчивается одновременно с другим событием или отрезком времени: *Degustatorzy pojawili się z początkiem lat osiemdziesiątych* (A. Molenda); *Wreście z końcem czerwca Anna otrzymała wymówienie* (T. Dołęga-Mostowicz). Семантику одновременности обуславливает общий начальный компонент анализированных сочетаний — предлог *z*. Одинаковые схемы образования Праер – N_{5ms} высвечивают общие грамматические показатели именных компонентов представленных предложных ЭС.

Семантику последовательности событий в польском языке репрезентуют 2 предложные единицы, которые не могут объединяться ни на уровне плана выражения, ни на уровне плана содержания. Эти сочетания обозначают разные условия соотнесённости двух событий. Например, трёхкомпонентный комплекс *w ślad za* имеет достаточно нетипичный план строения для предложных ЭС исследуемой семантической группы — наречный ЭС + предлог. Хотя, что касается синтагматической связи в предложении, то, как и другие единицы со структурой наречие + предлог, целостное сочетание управляет творительным падежом правостороннего элемента в предложении: *W ślad za tą klęską spadły nań inne tłumem, zastępem* (S. Żeromski). Несмотря на схожесть строения анализированного сочетания с предложным ЭС *w zamian za*, объединение в одну модель не представляется возможным, поскольку единицы управляют разными падежными формами именного компонента в предложении, следовательно, представляются графическими омонимами: *Staruszka wynajęła jej pokój w zamian za pomocą w domu* (Розм.).

В польском языке в предложном классе ЭС с семантикой последовательности в составе анализированной группы выступает многозначная единица *w miarę*: наряду со значением “последовательность” содержит такие оттенки значения, как “условия”, “мера”, “степень”: *Plasterek po plasterku, w miarę rozwoju choroby* (M. Gretkowska). Начальным компонентом структуры является предлог *w*, компонент развёртывания значения — существительное в форме винительного падежа, женского рода единственного числа. Построено словосочетание по схеме (Праер – N_{4fs}). В системе исследуемого языка предложный ЭС *w miarę* функционирует как наречный ЭС: *Wysłuchiwała go w miarę spokojnie* (E. Kujawska). Следует отметить, что явление грамматической омонимии предложных и наречных эквивалентов слова распространено среди единиц именно с такой схемой строения.

Группа синонимических ЭС воплощает значения “накануне”, “перед началом” *w przededniu* и *w wigilię*: *Uważano nawet, że im kogo mniej znosił, tym dlań uśmiech miał miłszy,*

a w **przededniu** zaprowadzenia na Königsten, gdzie często dziesiątkami lat faworyci spoczywali. (Jl. Kraszewski); *Zasze trzymamy wartę w **przeddzień** Święta* (M. Tomaszewska). *Najęli sianie do pierwszego popasu, który według włożonego miśternie planu miał wupaść nad Wisłą w majątku jezje — w **wigilię** Wigilii ruszyli w drogę* (S. Żeromski). Представленные предложные ЭС имеют омонимические образования в системе языка, семантически наполненные компоненты которых в форме винительного падежа единственного числа, в исследуемом языке функционируют как наречные ЭС и как свободные сочетания: *O tytule filmu dowiedział się w **przeddzień*** (L. Pawlik); *Marta skarżyła się, że znów go gdzieś poniosło, i to w **wigilię*** (M. Kaszyński).

Однозначные предложные ЭС *na wstępie* и *na progu* по свойствам плана выражения объединяются в многокомпонентную модель вместе с предлогом *na początku*, который вместе с темпоральной функцией выступают в пространственном значении: *A teraz stoję, jak ta sierota **na progu** Nowego Roku i czekam na otwarcie drzwi do restauracji* (B. Jędrasik); *Z oststnią frazą wyszedł ów zabawny lapsus, o którym wspominałem **na wstępie** rozmowy* (M. Wilk). Оба предложных ЭС в системе исследуемого языка функционируют как наречные ЭС: *Otrzymała mniej niż **na wstępie** jej przyrzekano* (W. Michowicz); *Stali **na progu** z uśmiechami* (B. Kosmowska). На уровне плана выражения схожесть с анализированными сочетаниями выявляет предложный ЭС *u progu*. Примеры для сравнения: *Bez wątpienia nie była to szczęśliwa wróżba dla uczonego męża, narazić się **u progu** kariery inkwizytorskiemu delatorowi* (W. Jabłoński). Несмотря на общие грамматические показатели именных компонентов, предложный компонент *u* обуславливают дополнительные оттенки значения «приблизённость во времени» и «предшествование». Это сочетание тоже употребляется как наречный ЭС: *Czajny zaś mój sąsiad stał **u progu** nastrożony i znekany* (M. Pilot).

В синонимические отношения вступают предложные эквиваленты *na schyłku* и *na końcu*: *Zdawszy na Eustacheego obowiązki gospodarskie stary książę nosił się jak patriarcha, co spożywszy **na schyłku** lat owoce swego pracowitego i cnotliwego życia* (T. Łopalewski). Хотя, если сравнить значения семантически наполненных компонентов, то *schyłek*, в отличие от

бывшего существительного *koniec*, выступает как метафора и содержит оттенки значений «движение вниз», «упадок».

Очевидно, синонимами выступают и предложные ЭС *pod koniec* и *u schyłku*. Примеры для сравнения: ***U schyłku** cesarsywa Rzymskiego, za panowania cesarza Aurelia powstał nowy kult synkretyczny, łączący w sobie elementy militaryzmu, kultu EI Gabala i bóstwa solarne Sol* (с журнала); *Czyżewski dokopał się do kartki **pod koniec** zmiany* (A. Baniewicz).

Различные предложные компоненты сочетаний *u* и *pod* имеют семантику приближенности, а именные компоненты — семантические интегративные признаки, как единицы с предложным компонентом *na*. Анализируемые предложные ЭС образованы за различными схемами, но объединяются способом управления формой родительного падежа правостороннего компонента в предложении. В системе исследуемого языка сочетание *pod koniec* имеет грамматический омоним, функционирующий как раздельнооформленное наречие: *Kłopot możesz mieć dopiero przy sonatach, **pod koniec*** (A. Lewańska);

Исследуемый материал позволяет сделать выводы о том, что моделирование и структурно-семантический аспект исследования предложных ЭС является не только полезным, но и необходимым этапом изучения раздельнооформленных предлогов в системе польского языка. Данный метод позволяет выделить предмет изучения как единицу морфологического уровня, который имеет ряд закономерностей строения. Предложные ЭС темпорального значения формируют группу наиболее продуктивных моделей лексических единств в исследуемом языке. Единицы, формирующие такие модели, способны объединяться парадигматическими связями. А сочетания, имеющие нетипичные схемы строения для предложных ЭС семантики времени, характеризуются многозначностью и реализуют темпоральное значение в соответствующих контекстах.

Следует дополнить, что такой тип образования предложных ЭС темпоральной семантики в системе украинского языка тоже представляется продуктивным. Предстоящие сопоставительные исследования формы выражения предложных ЭС польского и украинского языков должны облегчить поиск лексических эквивалентов при осуществлении автоматического перевода.

Список литературы:

1. Левицький А. К., Шелудько А. В. Контрастивно-перекладацькі основи аналізу складних слів синтаксичного типу (на матеріалі англійської та української мови)/36. наук. пр., «Проблеми зіставної семантики»/ред. О. О. Тараненко. – Київ: Вид. центр КНЛУ, 2009.
2. Jawór A. Homo scribens i homo legens w polskim słownictwie i frazeologii. – Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2008. – S. 25–29.
3. Trawiński B. Licensing Complex Prepositions via Lexical Constrains/Proceedings of the ACL 2003 Workshop on Multiword Expressions Analysis, Acquisition and Treatment. – Sapporo, 2003.
4. Лучик А. А. Словник еквівалентів слова української мови. – Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2006.
5. Nowak T. Przyimki lokatywno-inkluzyjne we współczesnym języku polskim w głębi, w obrębie, w środku, we wnętrzu. – Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2008.
6. Werwiński S. Czy przyimek ogólnorelacyjny w stosunku do jest równoznaczny z jednostkami w odniesieniu do i w porównaniu z?/ «Lingustika Copernicana» red. M. Grochowski – Toruń, 2010. – S. 58.

7. Мейзерська І. В. Прийменники сучасної української мови у лексикографічному висвітленні. – Одеса: Астропринт, 2012.
8. Загнітко А. П. Ступені і рівні прийменниковості/Sborník článků «Ucrainica Souasná Ukrainistyka», 1. část, red. prof. Josef Anderš. – Olomouc, 2008.
9. Загнітко А. П., Данилюк І. Г., Ситар А. В., Щукіна І. А. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова. – Донецьк: Вид. Дон. ун., 2007.
10. Лучик А. А. Проблема перехідних явищ у мовних системах/36. наук. праць “Лінгвістичні дослідження” Ред. Л. А. Лисиченко. – Харків: ХДУ ім. Г. Сковороди, 2007.
11. Лучик А. А., Антонова О. А., Дубровська І. Українсько-Польський Словник Еквівалентів Слова. – К.: НАУКМа, 2011.
12. Przybylska R. Wydzielenie przyimków wtórnych we frazach temporalnych/Język polski. – Warszawa, 1998.
13. Milewska B. Słownik polskich przyimków wtórnych. – Gdańsk, 2003.
14. Lesz-Duk M. Przyimki wtórne w języku polskim. – Częstochowa, 2011.
15. Lachur C. Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim. – Opole: Wyd. Uniwersytet Opolski, 1999.

Molea Viorica,
Moldova States University, Doctor of philological sciences,
associate professor, the Faculty of Philology
E-mail: molea_viorica@yahoo.com

A new cyberspace form of communication achieved through written and oral means

Abstract: The emergence of a new type of human communication, and more specific the digital orality, develops a gap in the reinterpretation of the oral — written opposition that we can witness nowadays. It is a hybrid form between oral and written human communication, the so-called “written orality”, achieved by means of the cyberspace, the internet. Thus, two types of virtual texts can be distinguished: the ones which mostly use a standard literary language (emails, blogs) and the texts, which are mostly made of orality elements (chat, SMS, chatgroup, twitter). This new form of human communication, developed in the cyberspace, represents another level in the human language evolution.

Keywords: communication, virtual texts, digital orality, a hybrid form, the internet.

Many researchers highlight unprecedented aspects of the computer-mediated communication, which are eventually mirrored in the usual, traditional communication. The emergence of a new type of human communication, and more specific the *digital orality*, develops a gap in the oral/written opposition. It is a hybrid form between oral and written communication, the so-called written orality, achieved by means of the cyberspace, the Internet. Some years ago the researcher Ioan Milica stated that “under the influence of internet communication, the stylistic configuration of the language could record new versions of informal styles (...)” [3, 166]. We assume this fact is already happening and, in addition to the traditional types of oral, informal or substandard communication, especially of spontaneous, unprepared speech, another orality aspect, the “written orality” has emerged that expresses new tendencies in the technological evolution of the language. It implies all the manifestation forms from the virtual network that do not comply with the standard norms. It is about the language of SMS, chat or social network conversations, comments written on sites of various official publications, and partially, of the e-mails. “A.V. Kuznetsov mentions that before the emergence of the Internet the spontaneous speech developed orally. However, the live, natural speech is fixed in the written form on the internet” [11]. The Russian researcher,

who investigated this phenomenon very attentively, by analyzing the users’ communication in the online applications, like *ICQ*, *Skype*, or on social networks like *Facebook* or *Vkontakte*, states that “though the users’ messages are in a written form, in reality, they have orality peculiarities” [11]. Moreover, the linguist made a statistics in order to prove his statements. He asserts that “about 300 messages, of *ICQ*, *Skype* and *Facebook* network users, were examined within this project. Typical characteristics for oral familiar style have been identified in these messages in 286 cases” [11], listing a series of its peculiarities.

Some researchers believe that these are separate, already well defined languages, with specific features. Thus «this diversification is described by David Crystal (2006), who uses concepts such as “Netspeak” and “e-discourses” to propose a separation of varieties such as “the language of e-mail”, “the language of chatgroups”, “the language of MUDs»» [3, 165]. We can find a relevant description of this linguistic phenomenon in I. Urusciuc’s work, who wisely states that “Setting itself apart through its speed, efficiency, dynamic character, important ability to store data, and utilitarianism, the virtual nature of the new language (with its specific SMS, chat, Messenger, e-mail forms), influenced by the English language, asserts itself as a universally accepted means of communication inside and

outside the electronic environment (...). Thus, we witness the increasingly apparent rise of a special, original (though based on clichés), simple and synthetic language, (with its own rules and methods of use)" [8, 114]. E. Ungureanu also notes that this type of online communication (found in chat rooms, discussion pages, blog comments, websites, chatgroups, web portals, twitter etc.) "is achieved both through writing and reading" [7, 6]. It is produced based on the classic face-to-face model, only without the visual and auditory contact, which are important elements in a spoken conversation, and the spoken text is delivered in writing. Amza R. M. describes the phenomenon in the following way: "Online or chat communication is a form of interaction very similar to phatic communication, the difference being that there is no visual and auditory contact" [1, 437]. Thus, the core issue in chat communication is the lack of a mechanism that would convey emotions, feelings and attitudes, i. e. the lack of nonverbal and para-verbal aspects in communication. Therefore, the users of this type of communication create different graphic representations, icons, the so-called emoticons to express the emotional impact of written online conversation. A face-to-face "meeting" produced through writing results in a partial renewal of the written code. For this it is necessary "to find a written or para-verbal substitute for intonation marks and the facial expressions and gestures made during a conversation, in particular those related to expressing emotions" [1, 438]. Thus, as I have said initially the internet users, who are mostly young people, have created a set of symbols, which capture different states, attitudes, the so-called emoticons (in Romanian, *emoticoane* or *emoticonuri*, according to different researchers; a term not found in dictionaries). The word "emoticon" comes from the English word "emotion", which denotes a feeling, and "icon", which denotes a symbol. They are short, simple and universally acknowledged. However, emoticons have not been developed based on any regulating standards [2, 4]. Elena Ungureanu, referring to icons that replace the nonverbal and para-verbal language, agrees on the plural form of the Romanian word "emoticon" in -e (*emoticoane* i. e. emoticons in English) and claims that since in online conversations "mimics, gestures, tone, voice modulations disappear, these being extremely important for reproducing the natural language", they were replaced with "icons called emoticons, representing suggestive images of a small size close to the one of the capitalized letters" aimed to "facilitate the description of emotions we experience when we communicate; and make online communication faster" [7, 10]. Another name for these signs used both to express mood and the phatic function of the virtual dialogue is "imagem", being suggested by I. Pomian, who notes that the Romanian language and "romgleza" (blending of Romanian and English) were the favorite code in internet conversations, to which animation is added (*imageme* i. e. images). "According to the researcher, *imagem* (n., neutral in Romanian, pl. «*imageme*») is a symbol or a combination of symbols used to post some emotional content or opinions in an extremely concise manner" [5]. However, despite the fact

that these iconic elements are widely spread in chats, they have not been sufficiently highlighted yet by the specialists. There is no statistics of their classification as well as no single methodology for their use because they are too many (any user can "invent" an emoticon), it is very difficult to remember even by the most ardent supporters and users. Many researchers hold the opinion that we need a selection of most relevant emoticons for them to be tools of convenient nonverbal and para-verbal communication on the internet. Thus, emoticons are not a rigid, accessible to everyone, well done system. We believe that it will take a long time until they are included in a normative linguistic framework. The process of creation and "production" of emoticons is ongoing, and their use in online conversations is at the users' discretion. Users often display several kinds of emoticons for similar emotional states.

One can distinguish two types of virtual written texts: those employing mostly a standard literary language (emails, blogs) and texts that constitute the elements of orality (chats, SMS, chatgroups, twitter). Mladin C. distinguishes these types as follows: "There are some significant differences in how to write an email, to chat in chatgroups or on blogs. Here we mention only three of them: (1) the SMS and chat are closer to oral communication; blogs and chatgroups are closer to written communication (...)" [4, 239].

Referring to variants of virtual communication and the expression of orality in them, we distinguish two types of digital "orality": a) written; b) represented by the video channel.

a) *Digital orality* in the *written* communication, represented by the virtual network, involves multiple aspects: email, phone SMS, chat, comments to articles published on various websites, all social networks.

If we talk about writing in communication on the Internet, we encounter a term that complements that of the digital orality, and namely "cyber-writing", "a generic term that has become increasingly widespread in the foreign scientific literature («writing in the online environment»)" denoting "quite different forms and practices of the written communication that can be put together in order to attain a methodological simplification and because they have more common features than differences (SMS, IRC (acronym for Internet Relay Chat)" [4, 239]. This new aspect of maintaining contact between individuals in the virtual network "which reinvents the epistolary style, is also largely due to reconfiguration of its initial functions (communication and socializing), as well as the addition of new ones" [4, 239]. It is carried out in both *online* and *offline* versions, the latter being represented primarily by e-mail and blog, and the other virtual access routes (with some variations: for instance, expecting a faster response) such as skype, facebook etc. "The offline communication is represented by e-mail and discussion groups. E-mail is the most common method of communication because it is the easiest to use," R. M. Amza notes [1, 437]. The offline version has similarities with the traditional letter when the sender is waiting for an answer, possibly for a long time. However, the waiting time here does not depend on the objective factors

(such as the mail in the old method of epistolary communication), but purely on the subjective ones (the receiver's availability/unavailability).

Online communication implies a number of new elements, features that reflect ongoing processes of creating this unique form, which contributes to the evolution of the language, whatever means are used. Thus, the features of these varieties of the virtual language take an increasingly clear shape, the first basic feature that stands out being the orality, as mentioned by everyone who investigates the phenomenon. It is obvious that the language used in online conversations is drastically revised because it is reproduced in the written form, being oral in its essence. The rules of spelling, punctuation, grammar and style are ignored because of several factors that characterize this new method of communication. Although it has many other advantages, like speed, saving time and money, psychological comfort, greater social inclusion, especially for shy people, this method of "talking", of communicating took people by surprise because it is absolutely new, and they found themselves in the position of improvising on the fly certain rules of behaviour and expression in the virtual network. We find an extremely intense mobility of the forms of expression in the conversation on the Internet. Ion Urusiuc lists some of the problems related to the new form of human communication through text messages, stating that: "With all the advantages they offer, text messages drift further and further from the rigours of literary language, ignoring elementary grammatical norms" [8, 115]. Or: "Another feature of the virtual language of text messages is writing with the capital letters or small letters, depending on the intention of the discourse. In order to individualize a word we often write: *Tre s plec URGNT!* (= *Trebuie să plec URGENT*). Generally the capital letters «translate» the nervousness, the emergency, impatience or powerful emotions" [8, 115]. It should also be mentioned, that for a faster virtual communication a permissive linguistic structure was created, in which different forms found their place, a lot of them being recognized through usage, and are inaccessible to those uninitiated, for example, the abbreviation of the words, acronyms well-known by the most hardcore internet users, the slang created through truncation, the well-known "romglish". A specific element which is also worrisome for philologists is the disestablishment of the orthographic, grammatical and lexical norms. There are samples of this kind of chat discussions that are published on different blogs. Below there is an example taken from V. Vintila's blog «*"Cred k apare ... da numi explic qm no apărut deja p pc.... Am văzut un clip p youtube qm juk unu p laptop gta 4 ... qm se poate... !"*; 2. *"În momentul de fatza exact să îți spun nu știu, k mi lam făcut la comandă și erau Reduceri și alea alea Dar am un site perfect ... dacă pot s îl postezi aicia.. e legat de componente și prostii deastea dacă e ilegal reclama ... revino cu un reply să îți dau prin pm"*» [9].

Lexical changes and innovations used by those who write SMS are significant. The "phenomenon of excessive prefixing, a model taken from the other languages and specific to

the modern communication ((*superfericit* (ă), (super-happy) *megaocupat* (ă (mega-busy) etc.), the growing influence of the English words (*cool*, *OK* etc.)" [8, 115]. All kinds of abbreviations which cannot be decoded by everybody are extremely popular in the internet communication. Bloggers themselves admit this, saying that there are a lot of abbreviations and emoticons and the acronyms that are used frequently on all social or online communication networks (*Yahoo*, *Messenger*, *Facebook*, *Twitter* etc.) "there are those from English, although there are abbreviations of autochthonous words" [6]. C. Popa offers a list of abbreviations used by the internet users on the social networks. Below there are some of them "ASL: Age/Sex/Location — Vârsta, sex, locație; FB: Facebook; GM: Msg: Message; PLS or PLZ: Please; NPC — Nu ai pentru ce (don't mention it.); NP: No Problem; HRU — How are you?; CF: Ce faci? (How are you?); NB: Noapte bună; (Good night); BN: Bine (Good, OK); E1 (I); F2F: Face to face; 143: I love you 4: for; ^5: High five..." [6]. It could be noticed, from the dictionary made up by the blogger, that there is no system of creating these communication forms, that the abbreviated structures, the ciphered words are ad-hoc, random inventions that appeared at the users' discretion and as a preference of this new communication form.

b) *Digital orality — video conversation* is made through a virtual network such as Skype, Facebook etc, in a non-classic oral form, since not all the constitutive elements of a face-to-face conversation are observed.

Even if there is a direct contact between two or more interlocutors, other conditions of making a spontaneous and unimpeded speech do not function. It is about the extra-verbal elements or let us say the situational contexts: the framework, the circumstances are selected deliberately, usually being a closed space. On the one hand, if it is open, not panoramic but only sequential, then the conversation manifests differently than in the natural conditions without a framework for psychological openness.

Considering that, there are several defining features for this type of digital orality:

- the conversation is launched in the conditions of a limited non-verbal expression due to the small sizes of the emission and reception channel (the PC or mobile phone screen);
- some movements, for instance, made by the whole body, are either limited or absent, again because of the small size of the maneuver space;
- some extra-verbal important elements (the smell or the touch) are not implied in the video dialogue in order to supply the discussion with an appropriate character (in case of the informal conversation).

On the other hand, the digital orality presupposes a totally new approach of the familiar conversation. It is produced in the virtual network among whoever joins it. It means the familiar tone, friendly and somehow intimate, informal addressing is not related only to those who have a veritable status in this way, in real life. Unknown individuals may often appear in

this role (of close friends whom one can tell everything with the specific intonation and vocabulary), very different people concerning interests, social status, sex or age. These people usually behave in the network, as old friends, as equals who share many mutual things, but in the real life, they would not even greet each other because they would not recognize each other. In this case, we can speak about a virtual familiarity only specific for virtual communication. That is why there is a problem related to human identity, which manifests through frustrations and disappointments in the real space, through a state of dissatisfaction especially among young people, which leads to a detachment from reality, to a retiring to the closed and illusive space of the Internet. Alongside the advantages of liberation and decomplexation for the individuals who have such problems, offered by this type of communication, it becomes a threat of anarchy of the language, of the expression order for diverse niches of speakers, having the threat of amalgamation of the styles, which would flow to the real communication. We can also see a damage of the standard language, a fact already registered in some online publications, especially on the blogs of the accredited websites, miming in this way a coalition with the young and mediocre majority and creating a trend of communication nonchalance, where the dignity and the sobriety of expression become obsolete and outdated. An example of this kind taken from a blog on the official website: *Da, asta este o simplă observație: în Moldova KGB-ul e cool. E beton, e tare, e mișto, e băț. Și kaghebiștii is tari. Și FSB-iștii, deși sună un pic mai prost. Și securiștii, în general. Oricum, kaghebiștii sunt cei mai tari.* (KGB-ul e cool Alexandru Vakulovski, deschide.md, 20.10.14), where we highlight, even from the title, an avalanche of familiar, slangy, up to date terms, which we very often certify in discussions of the young people, including communication on the Internet. Thus, the philologist researchers observe trends of colloquialism, impregnating communication with elements of orality. These, as interpreted by some researchers, are: "1) the tendency to increase communication; 2) the tendency of a substantial use of colloquial-familiar language in communication (...); 3) the tendency toward an

expressive communication (the creative aspect and the playful function of the language are more often observed in communication on the Internet); 4) the tendency of vulgarization and trivialization of the tongue" [10].

We must point out that similar texts to those from the social networks, i. e. taken from digital orality, are already present in newspapers, in publishing opinion articles, especially in the essay-pamphlets. A good example of this is the following: *Și atunci, Zgonea — singurul cetățean român care a spus: ... "Eu nu scriu k pers publica... scriu k zgonea... altfel conținutul era diferit... dar se pare k e greutate sa intelegeti... no problem" — a lovit din nou, nuclear, răspunzând atacului lui Motreanu: "Păi, știți ceva... Noi (PSD-ul) îi spuneam lui Antonescu, Dorel...". Înțelegeți?! Ferească-ne Dumnezeu!!* (Marian Sultănoiu Dorel, colegul lui Zgonea, colegul lui Mihai Viteazul, gandul.info, 02.06.14). The values of this type of language are on surface decoding itself through the elements of subtle satire and irony by displaying a neglecting attitude towards the concerned personage. Therefore, we discover that the realities of the virtual language pass hurriedly into the publicist style, empowered to spread legalize innovations and trends in the evolution of the language.

"What will be the future of this language that is just born?, V. Vintilă asks. Is it just a fad or a transient phase experienced by the young people and which will fade in time or it will turn at a time in a new official language, the language of the Internet?" [9]. We will not try to make forecasts about how this new language will evolve "oral/written"; the fact is that it exists and is distinguished from the other forms of communication that exist so far. It is obviously created on the basis of the existing traditional language; nothing was invented in this regard, other linguistic systems of signs have not been created; they were only slightly retouched, slightly transfigured with pragmatic communication purposes. However, the newness, freshness of the verbal expression in the Internet denotes endless possibilities of language, an infinite number of choices for communication. Two conditions are needed for this: new technical means and creativity.

References:

1. Amza R. M. Forme și trăsături ale comunicării mediate de computer. În: *Limba Română: Structură și funcționare*. – București: Editura Universității din București, 2005.
2. Grosseck M.-D., Negru A. Chat-ul și blog-ul – limbaje ale noii generații și influența lor asupra comunicării/[Electronic resource]. – Available from: <http://culturasicomunicare.com/pdf/2008/negru.pdf> (visited: 18.08.13).
3. Milică I. Expresivitatea argoului. – Iași: Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2009.
4. Mladin C. I. Spre o recodare a modului de comunicare scripturală. Sau despre tirania democratică a cyberlimb@jului/[Electronic resource]. – Available from: http://www.philippide.ro/distorsionari_2008/237-248%20MLADIN_RED.pdf (visited: 18.05.13).
5. Pomian I. Stilul funcțional electronic, 2009/[Electronic resource]. – Available from: http://www.dacoromania.institut-puscariu.ro/articole/2009_2_3.pdf (visited: 09.08.13).
6. Popa C. Limbajul de Facebook: Ce înseamnă 143. Consultă DICȚIONARUL, 10 mai 2013, RTV.net/[Electronic resource]. – Available from: http://www.rtv.net/lista-celor-mai-utilizate-prescurtari-folosite-pe-facebook-reactia-specialistilor-la-acest-fenomen_72918.html (visited: 08.09.13).
7. Ungureanu E. Emoticonul în limbajul mesageriei instantanee. În: *Creativitate lingvală: de la semn la text*. – Bălți: Editura PIM, 2014. – P. 269–278.

8. Uruşciuc I. Natura semiotico-gramaticală a limbajului virtual scris al SMS-urilor. În: „Limba Română” – Chişinău, 2008. – nr. 3–4 (153–154), martie–aprilie. – P. 113–119.
9. Vintilă V. Limbajul messenger, Blog, 27.09.2011//[Electronic resource]. – Available from: http://reteauliterara.ning.com/profiles/blogs/limbajul-messenger?xg_source=activity (visited: 18.08.13).
10. Колокольцева Т. Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка. – : Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – Волгоград, Декабрь, 2011.– № 4(14)//[Electronic resource]. – Available from: www.grani.vspu.ru, <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325226177.pdf> (visited: 01.04.13).
11. Кузнецов А. В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации [Текст]//Молодой ученый. – 2011. – № 3, Т. 2. – С. 24–26//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.moluch.ru/archive/26/2877> (visited: 18.05.13).

Okhrimenko Vitaliy Aleksandrovich,

Kiev National Linguistic University,

Postgraduate student, Department of Eastern Philology

E-mail: vitalik126@mail.ru

Particularities of onomatopoeic lexicon studies in modern Korean

Abstract: this article offers a study of onomatopoeic lexis in modern Korean. The author attempts to make a comprehensive analysis of existing studies of sound symbolism in the Korean language. Models of onomatopoeic words were analyzed, and types of words from each class provided.

Keywords: onomatopoeia, sound-imitating words, image-imitating words, Korean language.

The Korean language is extremely interesting from the viewpoint of studying its onomatopoeic lexis. In theoretical respect, this lexical layer draws attention due to existence of a number of features that place it into a separate lexical class; at the same time, it is far from being limited by words signifying imitation of sounds in extra-linguistic reality, also including lingual depiction of visual and other sensory perceptions, mechanical effects, dynamic conditions, psychological and other characteristics of the human being.

Modern Korean language study considers onomatopoeic lexis within the framework of the notion of sound-imitating words [6, 179]. The lexis of this type is exceptionally widely represented in the Korean language, and for the time being, it has not been subjected to a detailed study by the Korean language researchers.

It is fair to say that situation in modern Korean linguistics proves the lack of clearly defined criteria for separation of onomatopoeic lexicon. One of the vivid examples of that is the experts' inconsistency when selecting particular Korean onomatopoeias and including them to the register of onomatopoeia vocabularies.

Matters related to the nature and principles of onomatopoeic lexis functioning in the Korean language have been partially studied in works by Korean linguists [9; 7] and by foreign Korean language researchers [1; 4; 5; 6]. Occasionally, these matters were studied in the former Soviet Union as well [2; 3]. Problems related to the functioning of Korean onomatopoeias have been studied, along with other matters, in light of their role in communication of Koreans and participation in the formation of especially stable combinations at the lexical level.

Separate works were devoted to the study of Korean onomatopoes. These works deal with their pragmatic aspect and functioning [5], structural [1], phonetic and semantic particularities [6], and search of equivalents when translated in foreign languages [8].

Inside the integral category of onomatopoeic lexicon, the Korean language has two semantic groups: *image-imitating words* (의태어) that imitate the object's movement and appearance, and *sound-imitating words* (의성어) that imitate sounds emitted by humans, animals, birds, etc. Both categories are represented in the Korean language exceptionally widely, but for the time being, have not been subjected to a detailed study even in the Korean language studies. Information available from certain linguists on this subject is somewhat patchy and cannot fully compensate the absence of a specialized study.

The difference between sound imitating and image-creating words in the Korean language is as follows: image-imitating words imitate the object's movement or appearance, such as, for example: 밤하늘에 별들이 반짝반짝 빛나고 있었다 (literally: *stars were shining in the night sky*, where the image-imitating word 반짝반짝 imitates the twinkle or shining of stars), or: 그 사람은 술에 취해 비틀비틀 걸었다 (literally: *that man was drunk and walked wobbly*, where 비틀비틀 imitates and acoustically conveys the movements of an unsteady walk of a drunk man). The other group of onomatopoeic lexis is composed of sound-imitating words that imitate sounds emitted by humans, animals, birds, objects of inanimate nature, etc. For example, 동생이 감기에 걸렸지 밤새도록 쿨룩쿨룩 기침을 했다 (literally: *brother got sick and had a heavy, gruff cough all night long*, where the sound imitating word 쿨룩쿨룩 conveys heavy, gruff cough).

Therefore, sound-imitating words are the words that imitate sound: sounds of animals, objects, natural phenomena, etc. In other words, this is a sound imitating lexis with the so-called acoustic denotation, for example: 멍멍 (mong mong) — *bow-wow*, 땡땡 (tteng tteng) — *ding-dong*, 탕탕 (thang thang) — *bang-bang*.

Image-imitating words are the words that convey image, sound and type of action, i. e. sound-symbolic words with non-acoustic denotation. The following are the examples of these words: 아장 아장 (ajang ajang) — *to limp*, 엉금 엉금 (ungum ungum) — *to crawl slowly*.

With rare exceptions, image-imitating words may turn into sound imitating, because sound imitation is conditional. Image-creating words have distinctive acoustic structure and are prone to vowel harmony, alternation of sounds and duplication of word stems.

Both groups of onomatopoeic lexis have common and at the same time distinctive features. Both image-imitating and sound-imitating words express, but not name acoustic and motional images. The difference between them is that sound-imitating words convey sounds of living beings or natural phenomena, while image-imitating words give perception of movements and actions of these beings or phenomena.

A substantial part of sound imitating and image-creating words represent complex formations. However, the composition of complex sound-imitating and image-imitating words has its own specifics that reflect their particular morphological development. The unique structure of these words provides a significant reason for their classification into a separate lexical category. Information regarding the structure of onomatopoes in the Korean language appears to be quite contradictory, and therefore, in order to build our own concept, we have to take a look at the most general structural particularities of the Korean language's sound-imitating lexis.

Korean onomatopoeic system has a rich choice of instruments to vary the shades of a meaning in terms of the structure of onomatopoeias. In the Korean language, onomatopoeic words are created around the so-called base — the initial base to

which new formations — build-ups — are attached. The build-ups may come in the form of either separate vowels/consonants or syllables. They are divided separately for sound imitating, verbal and adjective bases, and may vary as well.

Derivative suffixes are typical for the majority of Korean onomatopoes that have more than one syllable. These onomatopoeias may include rhymed reduplications, paired combinations and special morphemic compounds that may convey an accelerated action. All other, smaller structural particularities of onomatopoes are considered within the framework of general variation category. For example, it concerns the continuation of consonants that convey a more lasting action or phenomenon, e. g. 강충 강충 (kkang chung-kkang chung), 꿀꺽 꿀꺽 (kkulkkok-kkulkkok), 철썩철썩 쏘아아아 (cholssok-cholssok swaaa).

Variation of vowels in Korean onomatopoes means not relation with other words but only nuances of meaning, which means that they have lexical, not syntactical nature.

In conclusion, I'd like to note that almost all Korean scholars researching onomatopoes attach to this linguistic phenomenon and the corresponding term (or terms) symbolizing this phenomenon the same meaning as their European and Ukrainian colleagues, i. e. logical, phonetically motivated relation between the word's sound composition and acoustic feature of the corresponding denotation, conditional imitation of various sounds of nature using phonetic means of this particular language. However, thanks to the prevalence of the sound imitation phenomenon in contemporary Korean language and the richness and diversity of lexical units which are traditionally classified as onomatopoeic words, it is being considered and interpreted in Korean linguistics much wider and deeper than in European and Ukrainian counterparts.

The Korean language has various-type means of reproducing acoustic realities. They are part of Korean people's culture, stemming from phonetic, lexical and grammatical particularities of contemporary Korean language and being determined by associations between sounds and their reproduction in speech.

References:

1. Жанчипова Д. Б. Корень корейского звуко-символического слова/Дэнсэма Булатовна Жанчипова//Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 8. – С. 93–96.
2. Концевич Л. Р. Корееведение. Избранные работы/Л. Р. Концевич. – М.: Изд. дом «Муравей-Гайд», 2001. – 608 с.
3. Пак Г. А. Изобразительные слова в корейском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук/Г. А. Пак. – Л., 1958. – 15 с.
4. Сундуева Е. В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [г/м] в монгольских языках: Монография//Екатерина Владимировна Сундуева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2011. – 344 с.
5. Lee Jin-Seong. Phonology and Sound Symbolism of Korean Ideophones/Jin-Seong Lee// Ph. D. dissertation. – Bloomington: Indiana University, 1992. – 189 p.
6. Martin S. E. Phonetic symbolism in Korean/ Samuel E Martin//Poppe N. (ed.) American Studies in Altaic Linguistics – 13. – Bloomington, 2005. – P. 177–189.
7. 김하명. 우리나라커칭문학. – 평양, 2011. – 페이지. – P. 47–53.
8. 주경희: 교과학적 변환의 필요성과 방법: 의성어의태어를 중심으로, 배달말통권 제41호 (2010. 12) – 페이지. – P. 233–255.
9. 처선문학사. – 평양, 2010. – 페이지. – P. 28–34.

Section 6. Pedagogy

*Gurov Valery Nikolaevich,
Professor, doctor of pedagogical Sciences,
honored worker of higher professional education of Russia,
laureate of Government prize of the Russian Federation in the field of education,
head of Department of the theory and practice of education management,
Institute of education development of the Republic of Bashkortostan
E-mail: valeriygurov@bk.ru*

*Mazitov Ramil Giniyatovich,
assistant professor of theory and practice of education,
candidate of political sciences, the rector of the Institute
of Education of the Republic of Bashkortostan*

*Gurova Elena Valeryevna,
docent, docent department of the theory
and methodology of primary education,
Bashkir state pedagogical University. M. Akmulla,
candidate of pedagogical Sciences*

*Karimov Fanis Fanusovich,
senior lecturer of the Department of theory and practice of education management,
Institute of education development of the Republic of Bashkortostan*

Innovation educational complex in a rural municipality in the context of improving the quality

Abstract: in this article the authors on the example of the rural municipality show the possibilities of innovation in improving the quality of its educational complex. A special role in this process of pedagogical innovation cluster lab, we identify the most effective areas of cluster activities for the educational complex in the rural municipality.

Keywords: municipal area, the quality of education, educational complex, pedagogical innovation cluster lab, an innovative school, a unified educational space of the municipality.

*Гуров Валерий Николаевич,
профессор, доктор педагогических наук,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
заведующий кафедрой теории и практики управления образованием
института развития образования Республики Башкортостан
E-mail: valeriygurov@bk.ru*

*Мазитов Рамиль Гиниятович,
доцент кафедры теории и практики управления образованием,
кандидат политических наук, ректор института
развития образования Республики Башкортостан*

*Гурова Елена Валерьевна,
доцент, доцент кафедры теории и методики начального образования
Башкирского государственного педагогического университета
имени М. Акмуллы, кандидат педагогических наук*

*Каримов Фанис Фанусович,
старший преподаватель кафедры теории
и практики управления образованием
института развития образования Республики Башкортостан*

Инновационная деятельность в образовательном комплексе сельского муниципалитета в контексте повышения качества

Аннотация: в статье авторы на примере сельского муниципалитета показывают возможности инновационной деятельности в повышении качества образовательного комплекса. Подчеркивается особая роль в этом процессе педагогической инновационной кластерной лаборатории, определяются наиболее эффективные направления деятельности педагогической лаборатории в повышении качества образовательного комплекса сельского муниципалитета.

Ключевые слова: муниципальный район, качество образования, образовательный комплекс, педагогическая инновационная кластерная лаборатория, инновационная школа, единое воспитательно-образовательное пространство муниципалитета.

Бурзянский район (башк. Бөрйән районы) — административно-территориальная единица и муниципальный район в составе Республики Башкортостан [2].

Административный центр — село Старосубхангулово находится в 340 км. от Уфы. В районе 35 сельских населённых пункта, среди которых наиболее значительны по количеству жителей Старосубхангулово и Байназарово [2].

В районе функционируют: 6 средних общеобразовательных школ с 17 филиалами, в том числе 16 основных школ и 1 начальная школа; 1 основная общеобразовательная школа; 5 начальных общеобразовательных школ (малокомплектных); 6 начальных школ – детских садов; 16 дошкольных образовательных учреждений и 8 дошкольных групп на базе школ; 2 учреждения дополнительного образования детей.

1. Характеристика состояния школьного образования

В общеобразовательных школах обучались 2 819 учащихся. Охват обучающихся 10–11-х классов профильным обучением составляет 56,4 %, успеваемость — 99 %, качество — 51 %.

Для обеспечения равного доступа к качественному образованию организован подвоз 313 обучающихся из 28 населенных пунктов 22 школьными автобусами.

Доля обучающихся 10–11 классов, охваченных профильным обучением составляет 71,9 % (8 место среди районов и городских округов).

Доля обучающихся, охваченных изучением и обучением на родных языках составляет 98,99 % (1 место по республике).

2. Характеристика состояния дошкольного образования

В детских садах воспитываются 1358 детей, что составляет 62,8 % от общего количества. С целью повышения охвата детей дошкольным образованием учебном году открыт детский сад в с. Старосубхангулово на 150 мест, дошкольная группа Новоусмановского филиала МОБУ СОШ с. Старосубхангулово на 14 мест. В дошкольных

образовательных учреждениях района работают 68 воспитателей, 11 музыкальных руководителей, 2 психолога, 2 логопеда, 2 физинструктора и 20 заведующих ДОО. 32 % из них имеют среднее специальное, 58 % — высшее педагогическое образование, 10 % обучаются в ВУЗах.

3. Дополнительное образование детей

Функционируют 2 учреждения дополнительного образования детей: «Дом пионеров и школьников», «Детско-юношеская спортивная школа».

На базе детско-юношеской спортивной школы работают секции по 7 видам спорта (национальная борьба, гиревой спорт, волейбол, хоккей, лыжная гонка, полиатлон и легкая атлетика) с охватом 300 учащихся под руководством 4 штатных тренеров-преподавателей и 1 совместителя.

«Дом пионеров и школьников» работает по направлениям: художественно-эстетическая, туристско-краеведческая, культурологическая, гражданско-патриотическая и физкультурно-спортивная.

4. Общая характеристика педагогических кадров

В районе 83 % педагогических работников имеют высшее образование, 20 % высшую категорию.

Вместе с тем, район в рейтинге образовательных комплексов Башкортостана занимает в 2015 году 70-е место.

В этой связи перед руководством муниципального района встала задача — каким образом можно достаточно быстро повысить качество работы образовательного комплекса? Одним из эффективных инструментов решения обозначенной проблемы стало создание педагогической инновационной кластерной лаборатории. При этом мы исходили при ее создании из следующих пониманий.

Первое: в Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», статье 2 п. 29 сказано, что «качество образования — комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или

юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [1].

Второе. Педагогическая кластерная инновационная лаборатория в нашем понимании — это одна из форм повышения качества функционирования какого-либо образовательного субъекта на основе вычленения главенствующих компонентов, внесение изменений в функционирование этих компонентов и — в целом — качественное, более высокого уровня его деятельность в образовательной сфере [3].

В контексте вышесказанного в муниципалитете на основании распоряжения главы была открыта в октябре 2015 года педагогическая инновационная кластерная с 2-мя направлениями деятельности:

- создание и развитие на базе образовательных организаций инновационных школ;
- создание единого воспитательно-образовательного пространства в муниципалитете.

Рассмотрим вкратце направления деятельности:

1. Создание инновационной школы в современных условиях является одной из стратегических задач страны. В Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в статье 20 п. 1 говорится, что «... Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования осуществляется в целях обеспечения модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере образования» [1].

Инновационные направления деятельности школы, в нашем понимании — это целенаправленная модернизация структуры и содержания образования, использование новых форм и методов обучения, новых педагогических технологий [6].

В основу проводимой нами работы по проектированию и реализации модели инновационной школы в муниципалитете была положена гипотеза, согласно которой организационно-содержательная модель современной инновационной школы будет эффективной, если:

- в организационно-содержательную деятельность школы включена общественность и реализуются принципы государственно-общественного управления с включением государственно-частного партнерства;
- реализация образовательных программ в школе осуществляется на широком использовании электронного обучения с ИКТ-технологиями, в результате чего создается цифровая образовательная среда и реализуются принципы смешанного обучения;
- создается широкое поле социальных практик на основе взаимодействия и сотрудничества

субъектов воспитательного процесса и социальных институтов;

- школьная методическая служба как субъект образовательного процесса активно включается в разработку и внедрение новых образовательных программ и технологий обучения.

2. Актуальность создания единого образовательно-воспитательного пространства прописана в Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1]. В статье № 3 пункт 1 данного закона, говорится «Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на следующих принципах: ... 3) гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования; 4) единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства».

Целью настоящего проекта является обучение и воспитание личности, способной к самообразованию и самоопределению, обладающий высокой нравственностью и гуманистическим мировоззрением, с активной гражданской позицией, с развитой способностью к творчеству и с развитым толерантным мировоззрением.

Достижение цели связано с реализацией следующих задач:

- изучение интересов, ценностных ориентаций обучающихся как основы планирования создания единого образовательно-воспитательного пространства района;
- развитие клубной научной деятельности в молодежной среде;
- обеспечение условий для усвоения материальной культуры и духовных ценностей, накопленных человечеством, российским обществом и народами Республики Башкортостан.

Педагогические условия реализации проекта следующие:

1. Исследование потенциала образовательных организаций в создании единого образовательно-воспитательного пространства района;
2. Диагностика и моделирование содержания образовательно-воспитательного процесса;
3. Развитие и укрепление материальных и кадровых ресурсов.

На диагностическом этапе научно-исследовательской работы планируется проведение:

- изучение передового педагогического опыта воспитательной деятельности, накопленный по каждому из указанных направлений;

- определение эффективности традиционных и нетрадиционных форм воспитательной деятельности образовательных организаций в области формирования социально значимых качеств конкурентоспособной личности;

- определение взаимообусловленности направления воспитательной работы, соответствующего отдельному социально значимому качеству конкурентоспособной личности, и доминирования определенной системы воспитания (внутренней образовательной среды, внешней образовательной среды, семьи), занимающей в этом направлении главенствующее место;

- изучение исходных условий, благодаря которым все перечисленные типы систем воспитания достигают поставленной цели (сформированности социально значимых качеств конкурентоспособной личности, взаимодополнения и взаимоусиления друг друга).

На втором этапе научно-исследовательской работы (период формирующего эксперимента) планируется:

- внедрение модели примерного содержания, форм и методов по отдельным направлениям воспитательной работы, способствующих формированию социально значимых качеств конкурентоспособной личности;
- разработка примерного объема и содержания философско-мировоззренческой подготовки обучающихся;
- разработка примерного объема и перспективного содержания воспитания положительного отношения к труду как ценности жизни, воспитание социально значимой целеустремленности, ответственности в деловых отношениях;
- разработка примерного объема и перспективного содержания собственно процесса развития внутренней свободы, способности к объективной самооценке и самореализации поведения, чувства собственного достоинства, способности и готовности к рефлексии;
- разработка примерного объема и перспективного содержания воспитания уважения к закону, нормам коллективной жизни;
- разработка примерного объема и перспективного содержания приобщения учащихся (воспитанников) образовательных организаций к системе культурных ценностей района.

На сегодняшний день сотрудниками лаборатории проведены следующие работы.

1. Проведена диагностика.

Проведенное анкетирование готовности педагогических коллективов к применению современных образовательных технологий (а значит — к инновационной деятельности) дало следующие результаты. Анкетировано 167 педагогов 7 образовательных организаций. Обобщенные выводы.

1.1. Уровень профессиональной готовности учителей к применению современных образовательных

технологий (что является несомненным атрибутом инновационной деятельности) составила 26,4 % от общего числа анкетированных.

1.2. Наиболее неподготовленными к применению образовательных технологий учителя называют следующие области:

- а) в методах обучения — проблемное обучение, опережающее обучение, модульное обучение, педагогическое сотрудничество (готовность $\approx 16-25\%$);
- б) в методах педагогических экспериментов (готовность $\approx 17-22\%$);
- в) в анализе (психолого-педагогический анализ урока $\approx 35-40\%$).

2. Разработаны инновационные проекты: «Методология и теория инновационной деятельности лаборатории на базе района» (В. Н. Гуров, Н. А. Иванцова); «Инновационный проект: Создание единого образовательно-воспитательного пространства района» (В. Н. Гуров, К. Ж. Давлетова).

3. Подготовлен и издан сборник «Педагогический менеджмент в развитии образовательного комплекса (Бурзянский район, Башкортостан)» включающий приказ об открытии лаборатории; постановление главы; календарный план работы лаборатории «Педагогический менеджмент в развитии образовательных комплексов муниципального района Бурзянский район»; персональный состав лаборатории; список образовательных организаций, которые являются базовыми инновационными площадками лаборатории; социальные паспорта площадок; раздел: научные и практические материалы и раздел: публикации научных педагогических работников, аспирантов и соискателей.

4. Исходя из полученных данных по проведенной диагностике начата работа по совершенствованию профессиональных компетенций руководителей образовательных организаций и учителей ИКТ, физики и математики (задействована кафедра ИРО — Кафедра физики, математики и информатики). Проведены курсы с охватом — 48 учителей физики, математики и информатики.

5. Начата работа по обобщению опыта лучших руководителей и учителей района с дальнейшей публикацией его в сборнике «Инновационный опыт руководителей образовательных организаций и учителей Бурзянского района Башкортостана».

Одновременно в районе проводится работа по:

- укреплению материально-технической базы образовательных организаций.
- улучшению доступности дошкольного образования;
- созданию в образовательных организациях комфортных условий для обучения и воспитания детей, детей, с ограниченными возможностями здоровья;
- открытию дошкольных групп на базе школ;
- совершенствованию содержания дополнительного образования детей.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=165984> (Дата обращения: 22.03.2016).
2. Бурзянский район // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бурзянский_район (Дата обращения: 02.03.2016).
3. Гуров В. Н., Мазитов Р. Г., Рудаков А. М. Инновационная кластерная лаборатория как эффективная форма повышения качества образовательных комплексов на региональном и муниципальном уровнях // Инновации в образовании. – 2016. – № 1.
4. Гуров В. Н., Иванцова Н. А., Мазитов Р. Г. Современная инновационная школа в мегагороде: проектирование и реализация модели: Монография. – Уфа: Издательство ИРО РБ, 2016. – 170 с.
5. Гуров В. Н., Иванцова Н. А. Современная инновационная школа в мегагороде: проектирование и реализация модели // Образование: традиции и инновации. – 2016. – № 1. – С. 12–21.
6. Гуров В. Н., Иванцова Н. А. Методология и теория инновационной деятельности лаборатории на базе района // Педагогический менеджмент в развитии образовательного комплекса (Бурзянский район, Башкортостан). Методологические и методические разработки, научные и практические материалы. – Вып. 1 / Общ. Ред. В. Н. Гурова. – Уфа, 2016. – С. 28.
7. Гуров В. Н., Иванцова Н. А. Школьная методическая служба в контексте создания и реализации модели современной инновационной школы // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Scientific journal. – 2015 (November – December). – № 11–12. – Р. 31–36.
8. Гуров В. Н., Мазитов Р. Г., Рудаков А. М. Инновационная кластерная лаборатория как эффективная форма повышения качества образовательных комплексов на региональном и муниципальном уровнях // Harvard Journal of Fundamental and Applied Studies. – 2015 (January–June). – No. 1(7), Volume VIII. – “Harvard University Press”, 2015. – P. 418–427.

*Kovalova Anastasiia Sergeevna,
National Academy Pedagogical Sciences of Ukraine,
PhD student of Institute Pedagogical and Adult Education
E-mail: kovaleva.anastasia.45@gmail.com*

Features of the social workers professional training to work with migrants in the first cycle programmes in Swedish universities

Abstract: The article reveals the features of the social workers professional training in Sweden. It analyses study programs and program syllabuses in order to identify the components that contribute to the training of specialists in social work working with migrants.

Keywords: professional training, social worker, migrants, training course, study program, program syllabus, multicultural aspect.

*Ковалёва Анастасия Сергеевна,
Национальная академия педагогических наук Украины,
аспирант Института педагогического образования и образования взрослых
E-mail: kovaleva.anastasia.45@gmail.com*

Особенности профессиональной подготовки социальных работников к работе с мигрантами в рамках первого цикла обучения в университетах Швеции

Аннотация: в статье рассматриваются особенности профессиональной подготовки социальных работников в Швеции. Проводится анализ учебных планов с целью выявления компонентов, способствующих подготовки специалистов социальной сферы к работе с мигрантами.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, социальный работник, мигранты, учебный план, учебный курс, мультикультурный аспект.

Глобализационные и интеграционные процессы, которые охватили весь мир являются катализаторами такого процесса как миграция, который влечет за собой изменение социальной, экономической и культурной структур страны, в которой имеет место данный процесс. Экономическая нестабильность, социальное напряжение в обществе — все это только внешние проявления проблем, которые могут возникнуть в результате процесса миграции. По данным Всемирного банка, в Швеции проживает 14,1 % мигрантов, а 17,9 % населения имеют иностранное происхождение [1]. По статистическим данным почти каждая семья имеет члена иностранного происхождения. Ситуация осложняется и тем, что процент иммигрантского населения постоянно увеличивается за счет беженцев из других стран, так как Швеция привлекает переселенцев благодаря развитой системе социальной защиты и демократического отношения к каждому человеку, с соблюдением стандартов международного права.

Поэтому, актуальное значение приобретает подготовка специалистов социальной сферы, которые могли бы уравнивать степень социального напряжения между коренными жителями и мигрантами, а также способствовать их скорейшей адаптации в шведское общество.

Шведский опыт по теории социальной работы и организации высшего социального образования представлен значительным количеством работ зарубежных исследователей, а именно: С.-А. Берглюнд (S.-A. Berglund), К. Демстедер (C. Demstader) и др.; теоретические аспекты социальной работы с мигрантами, ее направлений и содержания в Швеции освещают исследования зарубежных ученых Б. Винерлюнга (B. Vinnerljung), Г. Кристинсдотир (G. Kristinsdottir), Т. Линдстейн (T. Lindstein) и др. Это создает благоприятные условия для изучения и обобщения опыта подготовки специалистов социальной работы с мигрантами в Швеции.

На сегодняшний день в Швеции действует 12 университетов, а также ряд курсов по повышению квалификации и неправительственных учреждений, где ведется подготовка социальных работников, среди которых наиболее авторитетными центрами подготовки является Стокгольмский университет (Stockholms universitet), Гетебургский университет (Göteborgs universitet), Лундский университет (Lunds universitet) и Лундская школа социальной работы, которая входит в состав университета, а также Карлштадский университет (Karlstad University).

Профессиональная подготовка социальных работников к работе с мигрантами осуществляется в рамках каждой программы первого цикла социальной работы, поскольку мультикультурный аспект и многонациональное общество являются основой для обучения в рамках каждой специальности, в частности, социальной работы.

Подготовка социальных работников осуществляется на основе учебных программ национального и международного значения, построенных в форме курсов, которые могут объединяться и создавать учебные программы.

Все учебные программы первого цикла предусматривают получение академической квалификации в области социальной работы и присуждение профессиональной степени «Бакалавр наук в области социальной работы».

Продолжительность обучения и количество кредитов одинаковая для всех учебных программ социальных работников в высших учебных заведениях Швеции. Все учебные программы, ведущие к присуждению профессиональной квалификации рассчитаны на 210 кредитов ECTS, однако, обучение можно завершить после получения 180 кредитов ECTS, если студент намерен продолжать обучение на следующих уровнях образования.

Программа рассчитана на 7 семестров обучения, из которых 6 семестров (180 кредитов ECTS) состоят из курсов первого цикла, а 7-й семестр — из курсов второго цикла обучения, которые могут быть пере зачислены студенту, при условии, что он будет продолжать обучение.

Все программы имеют одинаковую структуру обучения, предполагающую изучение обязательных курсов в пределах 1–4 семестров (по 30 кредитов на каждый семестр), практическую (полевую подготовку) в пятом семестре (30 кредитов). Шестой семестр предусматривает курс по подготовке студентов к написанию независимого дипломного проекта (15 кредитов ECTS), и непосредственно, написание дипломного проекта (15 кредитов ECTS). В соответствии с разделом 6, главы 1 Закона Швеции «О высшем образовании», темы могут избираться самостоятельно, в зависимости от сферы научного и практического интереса студента [7].

Седьмой семестр отводится на изучение обязательных и факультативных курсов, количество которых не может быть менее 15 кредитов ECTS. Факультативные курсы могут быть выбраны студентом в зависимости от отрасли специализации, из перечня курсов, преподаваемых в вузе, где осуществляется обучение или в других вузах Швеции.

Распределение кредитов в рамках содержания программы можно сгруппировать следующим образом — 165 кредитов ECTS — курсы в области социальной работы (обязательные, факультативные); 30 кредитов ECTS — учебная (полевая) практика; 15 кредитов ECTS — дипломный независимый проект.

Согласно проведенному нами анализу учебных программ Стокгольмского, Лундского и Карлштадского университетов, а также университетов Умео и Эвле, программы для бакалавров имеют общую цель подготовки специалистов, которая реализуется в их способности к полноценной и самостоятельной деятельности в области социальной защиты лиц, групп и общества в целом [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Все программы первого цикла рассчитаны на овладение студентами знаниями и пониманием того, что собой представляют класс, этническая принадлежность, пол, возраст, функциональные способности, сексуальность, гендерная идентичность, религия или иные убеждения, влияющие на равные права, равные условия и дискриминацию.

Главными компонентами всех учебных программ для социальных работников является представление социальной работы как профессии, науки и учебной деятельности в различных аспектах: законодательном, личностном, социальном и профессиональном.

Среди обязательных профессионально-ориентированных курсов, направленных на работу с мигрантами важное значение приобретают: *социальная работа в этническом и мультикультурном контексте, международная социальная работа* [5], *общественное развитие и расширение прав и возможностей социальных групп* [6], *социальная работа с маргинальными группами населения, дети и семьи в кризисных условиях*. Необходимо отметить также курс «Личностное и профессиональное развитие», который делится на несколько частей и читается в пределах каждого семестра как сквозной элемент программы подготовки специалиста к осуществлению профессиональной деятельности. Основная цель курса научить студента действовать на основе этических принципов, задекларированных этическим Кодексом для социальных работников Международной Федерацией Социальных работников. В рамках курса студенту дается возможность развивать профессиональную идентичность, через рефлексию и формирование профессионального самосознания через саморазвитие и самосовершенствование [4; 6].

Кроме обязательных курсов, учебными программами предусмотрено изучение факультативных курсов, основная цель которых опредмечивание полученных знаний в определенной области социальной работы. В рамках подготовки социальных работников к работе с мигрантами особого внимания заслуживают курсы: *стресс и психическое здоровье беженцев и мигрантов* [4], *работа и трудоустройство* [6], *дети и семья (в рамках которого изучают проблемы миграции)*, *социальное отчуждение* [3]. Все направления специализации фокусируются на уязвимости и учитывают мультикультурный аспект социальной деятельности. Курсы специализации направлены на социальные, культурные, социальные, психологические, правовые и организационные аспекты и способствуют более сознательному выбору профессиональной специализации.

Кроме обязательных и факультативных курсов, важным компонентом всех программ, как национальных, так и международных, является написание независимого дипломного проекта, по крайней мере, 15 кредитов, в пределах выбранной тематики. Независимый дипломный проект является основным требованием к присуждению студенту ученой степени бакалавр наук в области социальной работы [8].

Связующим звеном между теорией и практикой, программой предусмотрена практическая подготовка будущих социальных работников, которая охватывает деятельность в пределах 30 кредитов (в отдельных программах 7,5 кредитов). Целью практической подготовки является развитие профессиональных качеств будущих специалистов социальной работы на основе личностного отношения к будущей деятельности. Курс практической подготовки дает возможность студентам развивать профессиональную идентичность, знания и культуру в области социальной работы. В общем виде, программы подготовки социальных работников интегрируют теоретические исследования изучения форм и методов осуществления социальной работы для реализации знаний студентов на практике.

Таким образом, анализ учебных программ и курсов первого цикла подготовки социальных работников в высших учебных заведениях Швеции, показал, что университеты осуществляют комплексную подготовку специалиста, основываясь на высоких международных и национальных стандартах образования. Акцент в подготовке специалистов социальной сферы сделан на работу в общей практике, с различными категориями населения, в частности мигрантами, в мультикультурном контексте. Положительный опыт подготовки квалифицированных специалистов предполагает его заимствование для повышения качества обучения социальных работников, в странах, где проблема миграции так же актуальна, с целью оказания помощи мигрантам, развития культурно-сензитивных услуг, организации сообществ и прямого предоставления услуг инвалидам, семьям, относящихся к категории мигранты.

Список литературы:

1. Migration and Remittances. Factbook 2015. 2nd Edition. – The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. – 2015. – 268 p.
2. Program syllabus for Bachelor of Science in Social Work of Lund University//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soch.lu.se/en/en/sites/soch.lu.se/en/files/syllabus-bsc.pdf>
3. Program syllabus for the degree of Bachelor of science in social work of Gothenburg University//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socwork.gu.se/digitalAssets/1560/1560663_programme-syllabus-bachelor-of-science-in-social-work.pdf
4. Program Study Plan For Bachelor of Science in Social Work of Karlstads University//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www3.kau.se/utbildningsplaner/en/SGGEN_20112.pdf
5. Study Program in Social Work of Gavle University//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hig.se/Ext/En/University-of-Gavle/Education/Programmes/Programsidor/Grundniva/Study-Programme-in-Social-Work-210-cr/Courses-within-the-program.html>
6. Study Programme for Social Work of Umea University//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.umu.se/utbildning/program-kurser/utbildningsplanesok/utbildningsplan-detalj?code=SYSOC>

7. Swedish Higher Education Act, 1992. SFS No. 1992:1434. Reprint: SFS 2013:1117 Stockholm: Ministry of Education//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uhr.se/en/start/laws-and-regulations/Laws-and-regulations/The-Swedish-Higher-Education-Act>
8. Swedish Higher Education Ordinance, 1993. SFS No. 1993: 100. Reprint: SFS 2014:1096. Stockholm: Ministry of Education//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uhr.se/en/start/laws-and-regulations/Laws-and-regulations/The-Higher-Education-Ordinance>

*Radchenya Irina Viktorovna,
H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
postgraduate student of the Department of Theory and
Methodology of Professional Education
E-mail: ira.radchenya@gmail.com*

Life creative potential of future teachers as the basis for preservation of the national cultural heritage of Ukraine

Abstract: the article analyzes life creative potential of future teachers as the basis for preservation of the national-cultural heritage of the country. The formation of life creative potential is of invaluable importance in the process of the new generation of teachers training, therefore, some specific requirements for future teachers are offered.

Keywords: life creative potential, future teacher, cultural heritage.

*Радченя Ирина Викторовна,
Харьковский национальный педагогический
университет имени Г. С. Сковороды,
аспирант кафедры теории и методики
профессионального образования
E-mail: ira.radchenya@gmail.com*

Жизненнотворческий потенциал будущего учителя как основа к сохранению отечественного культурного наследия Украины

Аннотация: В статье проанализирован жизненнотворческий потенциал будущего учителя как основа к сохранению отечественного культурного наследия страны. Незаурядной значимости формирование жизненнотворческого потенциала приобретает в процессе подготовки нового поколения учителей, поэтому выдвигаются определенные требования к будущим педагогам.

Ключевые слова: жизненнотворческий потенциал, будущий учитель, культурное наследие.

В условиях экономического и экологического кризиса в Украине сохранение отечественного культурного наследия отнесено к кругу приоритетных проблем.

Именно поэтому к личности учителя предъявляются повышенные требования, которые относятся к профессиональным и личностным качествам. Он должен быть не только высококвалифицированным специалистом-профессионалом, но и человеком высокой жизненнотворческой культуры в своей профессии. Статус и роль учителя как профессионала и личности определяются его подготовленностью. Обеспечение радикального повышения профессионализма в сочетании с общей жизненнотворческой культурой предполагает процесс разностороннего развития будущего учителя, формирования гуманистической педагогической позиции на основе единства профессиональной, общественно-экономической и творческой подготовки.

Решение указанных задач требует трансформации ценностного содержания подготовки будущего учителя, в частности: умение вести проектную, исследовательскую деятельность; быть не столько носителем отечественных ценностей, сколько их исследователем, осуществлять их анализ на основе системы знаний и умений о жизни и творчестве, создавать благоприятную среду обучения и воспитания учащихся.

Понятие «жизненнотворческий потенциал» вмещающее и интеграционное образование. Термин «потенциал» достаточно широко используется в различных отраслях современного знания. В связи с этим он не имеет единственного и однозначного определения, поскольку в зависимости от конкретной точки зрения или отрасли науки трактуется авторами по-разному. Так, общеизвестно, что термин «потенциал» происходит от

латинского «potential», что означает «сила», «мощь», «мощность», «способность», «скрытые возможности», «способность быть». Словарь иностранных слов подает понятие «потенциал» как совокупность всех имеющихся средств, возможностей, производительных сил, которые могут быть использованы в какой-либо области или сфере [1, 440]. В Большом толковом словаре украинского языка потенциал, кроме вышеприведенного значения, определяется как запас чего-либо, резерв; скрытые способности, силы какой-либо деятельности, которые могут проявляться при определенных условиях [2, 902]. Впервые этот термин, как специальное обозначение научного объекта, был использован в естественно-научных разработках по физике.

Цель статьи — осуществить анализ феномена жизненнотворческого потенциала будущего учителя как основы к сохранению отечественного культурного наследия.

Понятие «потенциал» в работах философов, культурологов и ученых трактуется как «внутренний смысловой слух» (Г. Батищев), как «стремление, жизненный дух, напряжение, активное движение» (А. Бондарь), как «способность творить мир для себя» (Н. Лосский, С. Франк, С. Рубинштейн, А. Лосев), как «жизненная стратегия и жизненная перспектива» (А. Абульханова-Славская), как «совокупность возможностей структуры и деятельностного потенциала трансформации социальных процессов» (С. Бабенко) [4].

Итак, жизненный потенциал — главная движущая сила общественного прогресса, который формируется на основании тесного влияния и взаимодействия как внутренних, так и внешних факторов. К понятию потенциала обращались известные отечественные психологи, в частности В. Мясищев, Б. Ананьев, Б. Ломов и др. По мнению В. Мясищева, потенциал личности — это система ее отношений к внешнему миру и к самому себе. Б. Ананьев в понятие «потенциал» включал развитие человека как личности и как субъекта деятельности, отмечая, что во взаимосвязи их особенностей, обусловленных природными свойствами индивида, и образуется индивидуальность. Поэтому потенции охватывают способности, одаренность, специальные способности, жизнеспособность, работоспособность [6].

Проблемы развития потенциала ребенка, взрослого человека были в центре внимания странствующего философа Украины Г. Сковороды. Согласно его высказываниям: «Единство мыслей, поступков, слова и дела, ума и воли способствуют развитию всесторонне развитой, духовной личности, которая в дальнейшем будет работать настойчиво, творчески» [5].

В связи с этим выдвигается задача формирования и развития в современной молодежи новой формации набора профессиональных и личностных качеств, которые могут быть определены общим понятием «творческий потенциал», поскольку сегодня он приобретает актуальность.

Под термином «творческий потенциал» мы понимаем интеллектуальную структуру, которая состоит из совокупности психических процессов, качеств и способностей личности, реализуемых в процессе педагогического творчества.

Жизненный и творческий потенциалы неразрывно связаны друг с другом, их формирование происходит параллельно, они в конечном итоге дополняют друг друга. Трудно представить по-настоящему творческого человека, не развитого в жизненной и духовной сферах. Более того, от самого человека, его внутренних ресурсов во многом зависит уровень развития общества. Учитывая все вышеуказанное, будет целесообразным использовать понятие «жизненнотворческий потенциал» лица как единое образование, на которое направлено большое количество внешних и внутренних воздействий.

По нашему мнению, жизненнотворческий потенциал — это главная движущая сила общественного прогресса, она формируется на основании тесного влияния и взаимодействия как внутренних, так и внешних факторов. Это определенная интеллектуальная структура, состоящая из совокупности психических процессов, качеств и способностей личности, реализуемых в процессе жизненного творчества и включает в себя сохранение и передачу отечественного культурного наследия потомкам. Незаурядной значимости формирование жизненнотворческого потенциала приобретает в процессе подготовки нового поколения учителей.

Современный педагог — фундаментально образованный человек, способный гибко перестраивать направление и содержание своей профессиональной деятельности, самостоятельно работает над собственным развитием, повышением образовательного и культурного уровней, умеет самостоятельно приобретать необходимые для профессиональной деятельности знания, умения и навыки, критически мыслит, обладает устойчивой системой мотивов и потребностей социализации, способен активно и творчески действовать и передавать свои знания и умения будущим поколениям.

Он должен уметь сам и научить учеников:

- творчески усваивать знания и применять их в конкретных учебных и жизненных ситуациях;
- хранить отечественное культурное достояние вместе с учениками;
- критически осмысливать полученную информацию;
- овладевать умениями и навыками саморазвития, самоанализа, самоконтроля и самооценки.

Педагог-профессионал не только ориентирован на трансляцию знаний, умений и навыков, но и на развитие человеческих способностей, такой, что умеет на практике работать с образовательными процессами, строить развивающие образовательные ситуации, а не просто ставить и решать дидактические задачи, такой, что действительно является реальным субъектом педагогической деятельности.

Будущий учитель прежде всего должен быть профессионалом в педагогической деятельности, целенаправленно осуществлять общее образование и развитие воспитанников. Характерной особенностью его профессионального сознания должна быть сосредоточенность мышления на педагогических проблемах, видение педагогического процесса как целостного явления, центральное место в котором принадлежит личности ребенка, развития его жизненнотворческого потенциала. В современных условиях существует острая потребность общества в том, чтобы его члены научились адаптироваться к быстрым социально-экономическим изменениям, поэтому формирование у человека творческого отношения к окружающему миру и его познания, а вместе с тем и познания себя в мире, определение своей позиции является чрезвычайно важным. Поэтому каждый будущий учитель должен развивать в себе потребность в целенаправленном и систематическом совершенствовании себя как личности, развивать профессиональные умения, помогать своим воспитанникам открывать собственный жизненнотворческий потенциал, который станет в будущем источником счастья и самосовершенствования, основой для сохранения культурного наследия нации [3].

Комплексный подход к популяризации наследия включает широкий спектр возможных форм применения: это публикации в различных научных, научно-популярных и справочно-информационных изданиях; выступления в СМИ; проведение массовых мероприятий и акций; создание информационных стендов по истории объектов; организация тематических выставок. Активизация Украины в мировых и общеевропейских процессах, формирование представления о нашем государстве как о стране с богатым культурным наследием, требует широкой информационно-популяризаторской деятельности и повышение международного авторитета государства.

Однако основной задачей можно считать воспитание культурного менталитета украинского общества,

повышение уровня осведомленности о необходимости охраны культурного наследия, борьба с вандализмом. Именно все эти задачи нужно доносить до ребенка, начиная с начальной школы. Весь груз ответственности ложится на плечи учителя. Государственная политика должна превратить образование в области охраны культурного наследия. Образовательные же курсы должны использовать исторические, художественные и этические ценности, воплощенные в наследие, для воспитания достойных граждан современного общества.

В то же время надо иметь в виду, что современные глобализационные процессы определяют новые аспекты профессиональной подготовки будущих учителей, которым предстоит работать в сложных условиях взаимопроникновения не только научных знаний, передовых технологий, но и культур. Поэтому в глобальном обществе найти свое место и реализовать свой жизненнотворческий потенциал сможет только тот, кто даст адекватный собственному жизненному потенциалу жизненный старт. Его следует понимать как «начальный потенциал молодежи в общественном воспроизводстве, то есть и культурная традиция и те материальные условия жизнедеятельности, передаются ей предыдущими поколениями и которые она призвана воссоздать» [7, 178]. Каждое новое поколение начинает жизненный путь, наследуя материальные условия и воспринимая жизненный опыт предыдущих поколений. Молодежь — это будущее общества и от того, какой сегодня она придет в самостоятельную жизнь, во многом будет зависеть развитие нации, система ее ценностей и приоритетов, уровень ответственности, активности, творческого отношения к жизни.

Именно поэтому, по нашему мнению, жизненнотворческий потенциал будущего учителя является основой для сохранения отечественного культурного наследия Украины. Теоретическая значимость и недостаточная практическая разработанность темы открывают перспективы для дальнейшего ее исследования.

Список литературы:

1. Бирик С.П. Словник іншомовних слів: тлумачення, словотворення та слововживання/С.П. Бирик, Г.М. Сюта, за ред. С. Я. Єрмоленко. – Харків: Фоліо, 2006. – 623 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови/уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ Перун, 2002. – 1440 с.
3. Гекало Л. Розвиток творчого потенціалу педагога/Л. Гекало//Початкова освіта. – 2014. – № 10. – С. 5–8.
4. Кичук Н.В. Формування творчої особистості вчителя/Н.В. Кичук. – К.: Либідь, 1991. – 96 с.
5. Моляко В.О. Актуальні проблеми психології: Проблеми психології творчості: Збірник наукових праць/за ред. В.О. Моляко. – Т. 12. – Вип. 4. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2008. – 336 с.
6. Мясищев В.Н. Психология отношений/В.Н. Мясищев, под ред. А.А. Бодалева. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОД ЭК», 1995. – 356 с.
7. Чупров В.И. Жизненный старт/В.И. Чупров//Энциклопедия гуманитарных наук. – 2005. – № 2. – С. 177–179.

Saprunova Yelena,

Postgraduate student, Department of Professional Education
Theory and Techniques, Kharkov National Pedagogical University
named after H. S. Skovoroda, Kharkov, Ukraine
E-mail: Sapr70@yandex.ua

Compound natural thinking as a basis of developing intellectually gifted primary schoolchildren

Abstract: The article is devoted to the problem of the compound natural thinking as a basis for the development of intellectually gifted primary schoolchildren. The author considers rational didactic methods which are based on the use of associative and image thinking, sensory perception, verbal — logical thinking as main components of the compound natural thinking which can be used in the educational process in primary schools allowing gifted primary pupils not only to work with lexical material more effectively but also to develop their imagination, memory, mind and, as the result, their intelligence and letting teachers turn classes into an interesting and exciting process.

In addition, the analysis of the problem on developing intellectually gifted primary schoolchildren's abilities led the author to the conclusion that the peculiarities of the teaching methods which are based on the compound natural thinking are useful for the development of primary schoolchildren intelligence and they must be included into the school curriculum.

Keywords: associative and image thinking, verbal — logical thinking, sensory perception, compound natural thinking, educational process, pupils, intellectual giftedness, primary school.

1. Introduction

"The National Doctrine of Developing Education System in Ukraine in XXI century" says that the national education system reproduces and ramps up the intellectual potential of the society [1].

The main aim for forming Ukrainian intellectual gentlefolk is to develop gifted children who have intellectual abilities and high motivation for learning.

Real changes in the educational system of such a category of pupils make teachers pay their attention not only to giving the necessary volume of knowledge but at first place to assuring productive knowledge adoption. That is why today teachers have to use new scientific ideas in practice, to take care about their pupils' creative development, to bring effective forms and didactic methods into their work with intellectually gifted primary schoolchildren.

Today the system of training of intellectually gifted primary schoolchildren on different subjects is over and above analytical one and consequently pupils' creative abilities, the development of their imagination and image thinking are affected.

Methods of drilling and the system of rote memorization of numerous verbal units and copying out texts are not interesting for gifted pupils and at the same time such kind of methods can not develop intellectual abilities, moreover they can give rise to pupils' negative attitude and fear.

That is why today it is a live problem in the process of training intellectually gifted primary schoolchildren to find rational didactic methods for the development of gifted pupils' intellectual abilities, the aim of which is not only to reach specific results in their education but also to turn learning into an interesting process, which performs not only teaching function but also developing, creative and cognitive ones.

2. Recent papers review

A lot of authors such as N. Maslova, R. Gardner, J. Gilford, U. Bogoyvlenskay, V. Panenkova pay much attention to studying psychological and pedagogic aspects of the development of intellectually gifted primary schoolchildren.

The researches made by U. Troshihina, V. Shadrikov and Ch. Cheromushkina are devoted to the problem of the development of memory and associative-image thinking.

Tony Buzen studies the problem of developing children's associative and image thinking.

Using didactic methods of memory development are considered by such modern scientists as I. Matugin, I. Antoshko, N. Derabina, I. Ribnikov and T. Slonenko.

Despite availability of the researches which described the problem in different ways, special didactic methods based on the compound natural thinking including the associative and image and verbal — logical thinking along with pupils' sensory perception which would develop schoolchildren's memory and, as the result, their mental abilities and intelligence have not been the object of a special research.

3. The objective of our article is to describe opportunities for using specific didactic methods based on pupils' compound natural thinking as effective ones for developing intellectually gifted primary schoolchildren with the aim of raising the quality of their knowledge.

4. Paper main body

According to the researches of R. Sternberg, U. Bogoyvlenskay, L. Terston, J. Gilford, S. Takaks we found out that the main characteristics of children intellectual giftedness were logical and image thinking, verbal abilities and sensory perception. We believe that it is important to use such kind of educational methods which are based on using of all these

characteristics altogether as the compound natural thinking which will help to develop pupils' memory and as the result their mental abilities and intelligence.

The ancients Pifagor and Aristotel studied memory functions [2, 4; 3, 44]. Using introspection and changing different ideas in disputes the Ancient Greeks noted that memory depends on the ability to find and fix different relations (*associations*) between objects [4, 31]. For instance, when we think about *an apple* and a notion connected with it, first we remember its colour, taste, quality, texture and even how it smells; second we also remember its surroundings (*for example, people eating this apple*), where *an apple* had been taken from as an image. In this case we can say that our brain gives us associative relations belonging to this fruit.

As our brain gets information thanks to our senses (*sight, hearing, scent*) the Greeks noted that an object, which should be remembered, in addition to association had to be perceived by all human senses like a bright and profound object in different ways. Moreover, if a person wants to store an object like an image and has associations in his memory, he should give this object a specific imaginative place among other fragments of information which are kept in his memory, in other words, localization or fixing the object in our mind must be done for memorizing it [4, 31].

In Renaissance Gordano Bruno thought that the art of storing something in one's mind was based on using mental symbolic images relating to each other [5, 31].

Today we can find specific didactic methods based on logical thinking for the development of pupils' memory and as the result their intelligence [2, 4]. The latter are called supporting symbols and using them gives us an opportunity to unload mechanical memory (*visual, motor, emotional*) due to image-logical thinking that let pupils "*code the information into our brain*" in a combination of visual images and to memorize the information at first time developing pupils' mind [6, 110].

The action of these methods can be formulated in the following:

1) *synthesis* means a combination of all main components of person sense-affective sphere (*sight, hearing, scent, taste*), its main sensations help people to perceive the world [4, 32];

2) *moving* means to make associations with any movement image for giving a possibility to ascertain a connection with it in our sense and after that to memorize it, representing our images in moving as three-dimensional ones;

3) *associations*: we have to formulate an association or to imagine a relation between the new object which must be memorized and the object which has already been fixed by our brain [4, 32]. The search of associations is more widespread achievable method of memorizing information in class because the association is a fundamental characteristic of the sanity action and the connection between its elements where the appearance of one element in the definite conditions produces the appearance of another one bound with the first one. This is an original subjective image of the objective relation

between subjects and phenomena. It is clear that using different associations in educational process at primary schools helps gifted pupils to remember school material better without any difficulties [7, 166]. Moreover, different associative relations which appear in pupils' mind can be discussed and also can create a common method for remembering linguistic units (*words, expressions*) — *a collective association*;

4) *humour*: a peak effect of remembering which can be reached if children use absurd, funny, surrealistic images created by their imagination;

5) *imagination*: if it is used increasingly memorization is better;

6) *counting*: numbering and counting add specification and effectiveness to the principle of ordering and succession of remembering;

7) *symbolism*: the substitution of a boring image by a brighter and more interesting one that enlarges an opportunity to memorize verbal material effectively;

8) *colour*: if images are bright and colourful they can be memorized easily;

9) *succession*: this principle let pupils find a requisite object among others which must be memorized due to the optional memory;

10) *image positiveness*: positive and aural images are used in many cases for holding them in one's remembrance because as a rule people mind blocks negative ones for the process for engraving information in pupils' memory;

11) *exaggeration*: while we are creating images it is useful for pupils to exaggerate their sizes, shape, colour and sound accompaniment which can be associated with them [4, 33].

So described above methods help gifted pupils to use *associations, forming an image and localization* but they are not necessary. In this case the main task is not to bethink the scheme of memorizing but to remember the character of using it. Pupils' imagination, associations, verbal-logical thinking and sensory perception help them to join different words for keeping them in their memory more easily.

For example, it is easy to learn a pair of words "*dog-chair*" if pupils make up a simple sentence "*The dog jumped over the chair*" or if they want to learn such words as "*a fence, a desert, a horse, a drop*" they will imagine "*a horse drinking a water drop in the desert*", feel the *freshness of the water, see the hot desert* [8, 7].

There are words which can produce different sound associations: a word "*book*" is in Ukrainian: *буква, буксир, букашка, бука, букініст, бамбук, букет, букаля, буксир, буклет, бук, буквально*. It shows that the sound association is not the full sound analogue of an English word which must be memorized but only a word that is alike in a sound and helps to remember a necessary word even when words are alike in their sound but letters are different in their pronunciation. In this case pupils have to memorize the words but not the right pronunciation. First of all, an assonance should be read aloud because written in the native language word can be alike an English word less than the sound of the same word [8, 12]. So the association is named a sound one because its sound

but not its written form is used and that is why it is important to say it aloud to listen to a similarity and difference between a word from the native language and a foreign one [8, 13].

As for different methods which are based on the compound natural thinking and their role in the development of the intellectually gifted primary schoolchildren's memory and intelligence during the educational process we can determine that in a case of finding different kinds of associations or discussing them a teacher organizes revision of material but the role of revision with using the methods described above is changed. The revision in this case is directed not only to the second fixation image connections which have been stamped in pupils' mind before but also for finding new ones altogether with the revising the previously created relations that help to adopt information [7, 165].

The relations in which we find the sense of our methods based on pupils' compound natural thinking can be outside the material which must be learnt by pupils or inside it and belong to the material.

So *grouping, systematization, classification, structurization* are methods which are directed to the separation of relations in the material for memorizing. *Categorization, recording and definition of supporting objects* present both inside relations and outside ones. Before finding the right model for the material which we want to hold in our remembrance and fix its analogy, it is worth to analyze the sense of the material, otherwise it is difficult to find analogues for it. As researchers say, associations are directed to build up outside connections more than inside ones, and they are used as helpful ones on the first steps of orientation which is the introduction of the material. They make a background for the analytic-synthetically activity, the process and result of which is fixed by helping methods, directed to find out relations exactly in the material which must be learnt [7, 164].

That is why remembering of foreign lexical structures depends on pupils' skills to find and fix different associative relations between objects with their sensory perception, imagination and verbal — logical thinking that rise stable associations

and can be memorized effectively. Those associations without strong links can be forgotten quickly. As researchers say, this process takes place without pupils' conscious or wishes.

Using the methods which are based on the compound natural thinking in the educational process of intellectually gifted primary schoolchildren can be done according to the following algorithm: games, tasks to find analogies, tasks on classification or structurization [7, 169]. Getting information can be transformed into bright visual or sound images, strong feelings and can be linked with the information which we have got before. Pupils have to think along with their sensory perception. Thus, the main principle of the didactic methods based on the compound natural thinking is in simultaneous using verbal-logic and associative-image thinking with sensory perception.

Developing pupils' imagination, memory and intelligence using the described didactic methods we, as other researchers, try to reach such an ideal which will be named "*ecological thinking*" in our future [9, 8].

5. Conclusions of the research

The author came to the conclusion that didactic methods based on the compound natural thinking are the necessary collection for working with material the aim of which is to improve the speed, strength, accuracy of remembering a great deal of lexical units at once with the correct reproduction of them in future but at the same time these methods develop gifted pupils' memory, imagination and image or verbal-logical thinking rising children's IQ in a natural way.

The research of problems on using special didactic methods based on the compound natural thinking with the aim to develop intellectually gifted primary school children for making their education more effective is advanced and future-oriented as this problem in modern scientific pedagogical discourse is still a live issue both from the point of theoretic and practical usage, because nowadays the problem of the role of natural didactic methods of the development pupils' memory as methods of the development of a child's intellectual ability in the educational process is still a matter of argument.

References:

1. The National Doctrine of Developing Education System in Ukraine in XXI century.
2. Antoshko I. B. Eidetics at the English lessons/I. B. Antoshko, N. I. Derabina//English. – K., 2012. – № 4. – P. 4–5.
3. Troshihina U. G. Evolution of mnemofunctions/U. G. Troshihina. – L.: Leningrad University press, 1973. – 59 p.
4. Buzen Tony. Develop your memory/Tony Buzen. – Minsk: Popurri, 2003. – 239 p.
5. Sikirich Y. Gordano Broono is a titanium of Renaissance/Y. Sikirich//New Akropol. – 2000. – № 1. – P. 4–45.
6. Vaculenko O. L. Mnemonics directivity of students self-done work/O. L. Vaculenko//Scientific herald of Ukrainian Academy of science of higher school. – K., 2004. – № 28. – P. 109–112.
7. Shadrikov V. D. Mnemoabilities: developing and diagnostic/V. D. Shadrikov, L. V. Cheromushkina. – M.: Pedagogy, 1990. – 175 p.
8. Matugin I. U. How to remember English words/I. U. Matugin, T. B. Slonenko. – M.: Repol Classic, 2001. – 384 p.
9. Matugin I. U. How to develop the good memory: school of Eidetics/I. U. Matugin, Y. L. Jemaeva, Y. I. Chakaberia, I. K. Rubnikova. – M.: Repol Classic, 2000. – 413 p.

Stoykov Anton,
Trakia University of Stara Zagora,
Assoc. professor, PhD in pedagogics,
the Faculty of Medicine
E-mail: stoykov70@abv.bg

Development of communication tolerance through debates in the training of future social workers

Abstract: This article deals development of communication tolerance through debates in the training in students majoring in “Social Activities”. In terms of diagnostic apparatus, “The Methods for Diagnosing Communication Tolerance” by V. V. Boyko, providing a tool for diagnosing of tolerance aptitude of personality as manifested in the process of communication, was included.

Keywords: communication tolerance, debates, tolerance aptitude.

The modern concept of social work as a “practice-based profession and an academic discipline that promotes social change and development, social cohesion, and the empowerment and liberation of people” [2] on the basis of which some main principles are formulated, including the principle of respect for diversity, requires from future social workers mastering of skills for tolerant communication.

Effective resolving of professional tasks facing the social worker is impossible without his/her inclusion in a system of fully adequate interactions, where the display of tolerance by the social worker and more particularly, tolerance in communication, would have to be accepted as one of the main conditions for its implementation.

According to V. V. Boyko [3] communication tolerance is determined by certain substructures of personality:

- *Intellectual* — renders the paradigm (model, type, style) of mental activity of the individual, that is, his/her principles of understanding of reality, typical stereotypes for comprehending of issues, ideas, decision making;
- *Value-oriented* — contains main worldview ideals of the individual, his/her objectives and goals in life, assessments of events taking place;
- *Ethical* — expresses moral norms valid for the individual: orientation about good and evil, justice and injustice, sense of responsibility, etc.;
- *Aesthetic* — related to preferences, tastes, feelings, and specifics of human perception of beauty and ugliness, nobility and meanness, comic and tragic;
- *Emotional* — demonstrates the predominant spectrum in which a person resides: joy or sadness, pessimism or optimism, goodwill or aggressiveness;
- *Sensory (sensual)* — includes the characteristics of sensory perception of the world at the level of visual, auditory, olfactory, gustatory, tactile and motor sensations;
- *Energy-dynamic* — reflects the energy properties of the individual — the quality and strength of its energy field;
- *Algorithmic* — combines many different qualities which are however united by one thing — the uniformity of their reproducibility. These include habits, skills, various rituals, including household, family, religious;

- *Characterological* — combines sustainable, type forming personality traits that are congenital or acquired as a result of upbringing, examples, imitation;

- *Functional* — including different systems for securing and maintaining the comfort of personality — chiefly needs and the preferences and desires arising out of them.

In the process of seeking present-day methods, being part of the structure of the educational dialogue and supporting the formation and development of communication tolerance of future social workers, due consideration should be given to debate as an interactive teaching method. I. Ivanov has defined it as a specific kind of discussion — two groups, following certain rules, exchange their arguments about an issue or controversial concept. A third group (panel of judges) assesses the debate and compares the opposing viewpoints of the groups [1, 6–7].

In terms of technology of the debate seen as an interactive method of teaching, and in particular the formation of communication tolerance in future social workers, it includes the following main stages:

1. Preparatory stage. During this stage, the subject matter is formulated, which may be in the form of alternative or judgment. In this particular case, it is recommended that it corresponds to the current issues in the social sphere, as well as issued arising in the process of studying academic disciplines on the current curriculum.

A next important aspect of this stage is the formation of two groups defending opposite positions on the formulated theme. It is possible that this formation be done in a mechanical way — by drawing lots or by considering the position stated by each participant in the debate. Because of the training process it was preferred to take into consideration the position of each trainee, which contributed to the achievement of more convincing justification and defence, and also provoked expressions of self-control in the process of communication, understanding and acceptance of the position of the other, and from there his/her personality which ultimately supports development of communication tolerance.

Within this stage a panel of judges is also selected. The panel then studies the standards that will be applied in the

assessment of the debaters. Among the most important standards are compliance of arguments with defended positions, their credibility, persuasiveness and originality, manner of linguistic presentation of arguments.

2. Working stage. Early in the course of this stage each of the two groups meet to discuss and subsequently formulate new arguments and evidence in support of the thesis elected by its members. The so formulated arguments are distributed among the members and each one defends the argument of his/her choice.

Then the debate itself takes place. According to Ivan Ivanov the following more important requirements need to be observed during its progress:

- The debate is conducted by a leader;
- Participants speak in succession one after another. Each participant (except the first) is required first to comment on the response of the previous opponent speaker and then put his/her own argument.
- Discussions are until there are no more arguments left.

3. Final stage. During this stage the panel of judges announces and gives reasons for its assessment, which is also put to discussion. The panel of judges complies with the previously identified standards in its reasoning on the assessment.

To study the impact of the debate as an interactive teaching method on the development of communication tolerance in students majoring in "Social Activities", an experimental study with 26 of students in the same specialty, divided into a control and experimental group was conducted. The control group consisted of 12 and the experimental group of 14 students. Ascertainment, development and control phases were included in the experiment structure. Training of students in the control group during the development stage of the experiment was

carried out using conventional methods, while for students in the experimental group debate was included as an interactive method of learning within the ongoing practice sessions and seminars. The experiment took place in the winter semester of academic year 2015/2016. In terms of diagnostic apparatus, "The Methods for Diagnosing Communication Tolerance" by V.V. Boyko, providing a tool for diagnosing of tolerance aptitude of personality as manifested in the process of communication, was included. These methods allow for giving an answer to the question to what degree the diagnosed persons are able to accept or not to accept the individuality of others within the communication process. A grading scale from zero to three scores was employed to enable students to indicate to what extent the assumptions grouped in nine situations relate to them personally. These nine components of aptitude for communication tolerance are as follows: acceptance or rejection of the individuality of the other; acceptance of ourselves as a reference in assessing others; explicitness or conservatism in the assessment of others; inability to disguise unpleasant emotions when communicating with non-communicable or aggressive partners; striving to reform the partner; tendency towards authoritarian style of communication; inability to forgive unintentional mistakes made by other and affecting you; intolerance to physical and psychological discomfort caused by the partner; inability for "inclusion" toward the partner.

The maximum possible score for each indicator is 15. Lower score is indicative of higher level of tolerance for the respective component.

The indicators for each of these components of communication tolerance for the control and experiment groups reported during ascertainment and control phases of the study are shown in the table 1.

Table 1. – Indicators of communication tolerance by scores for control group and experimental group

Components	Control group		Experimental group	
	Ascertainment phase	Control phase	Ascertainment phase	Control phase
Acceptance or rejection of the individuality of the other	5.16	5.0	6.92	6.28
Acceptance of ourselves as a reference in assessing others	6.25	6.41	5.92	6
Explicitness or conservatism in the assessment of others	7.08	7.33	6.5	5.92
Inability to disguise unpleasant emotions when communicating with non-communicable or aggressive partners	5.5	5.33	6.0	6.0
Striving to reform the partner	7.0	6.66	7.07	7.0
Tendency towards authoritarian style of communication	6.16	6.25	7.0	6.0
Inability to forgive unintentional mistakes made by other and affecting you	7.41	7.5	7.21	7.0
Intolerance to physical and psychological discomfort caused by the partner	6.08	5.91	7.0	6.71
inability for «inclusion» toward the partner	6.58	6.91	6.78	6.64
Total:	57.22	57.3	60.4	57.55

The results obtained from the experimental group will be discussed in more detail.

In the first component (acceptance or rejection of the individuality of the other), the results obtained during the ascertainment phase and control phase of the experiment conducted proved positive dynamics of development, which is evidence of the increasing extent of tolerance to the individual characteristics of the other.

In the second component (acceptance of ourselves as a reference in assessing others) almost an identical result was obtained, reported between the ascertainment phase and control phase of the experiment.

The specifics of the debate as an interactive teaching method can strongly influence the explicitness or conservatism of the assessment of others. Implemented in the form of collective activity, this method involves comparing one's own judgment with that of others, and consequently its correction on this basis. By exploring and knowing the personality and value characteristics of the interlocutor, often taken as a representative of a certain community by a variety of signs (gender, age, race, religious beliefs, etc.), conservatism is subject to positive correction in the process of assessment of the actions or his/her personal qualities. Proof of this are the results obtained from this component during the ascertainment phase and control phase of the experiment from the students of the experimental group.

The results from the experiment obtained from the next indicator "inability to disguise unpleasant emotions when communicating with non-communicable or aggressive partners" were maintained as similar values before and after conducting the development phase of the experiment.

In the next component (striving to reform the partner) results showed an insignificant positive tendency. Within the context of the debate as a kind of communicative action, to achieve more significant results for this indicator a development experiment of longer duration would be needed.

Distinct positive dynamics is observed when comparing the results with the next component — tendency towards authoritarian style of communication. The characteristics of this style of communication almost completely exclude acts of communication tolerance in the realization of the

communication interaction. In practical implementation of the debate method, a participant prone to a similar style of communication would remain isolated from the rest within the framework of the play process, if not trying to use other styles of communication involving a higher level of dialogueness. This would inevitably lead to a change in the style of communication, also outside the play in the direction of its dialogueness, liberalism, tolerance. This is also proved conclusively by the results obtained from this component, which gives grounds to assert that debates help development of communication styles suitable for future professional interactions of students majoring in social activities.

Positive dynamics of the results was also observed in the next component (inability to forgive unintentional mistakes made by other and affecting you). The development of this ability in the debates is transferred beyond debates in various forms of everyday communication, including at the professional level.

In the next component (intolerance to physical and psychological discomfort caused by the partner) the obtained results showed a slight tendency toward a positive change for the period between the ascertainment phase and control phase of the experiment. It is assumed that this important feature of communication tolerance is developed mostly under the influence of professional practice.

The summary analysis of the results shows that total aggregate score in the experimental group had a positive tendency towards raising the level of communication tolerance of the students involved, while students in the control group showed almost identical results obtained during the ascertainment phase and control phase of the experiment. Therefore, the following more important conclusions can be formulated:

1. The results obtained from the conducted experimental training showed an increased level of communication tolerance in students as a prerequisite for the effectiveness of their future professional activity;
2. Inclusion of the debate in the educational process of students majoring in "Social Activities" provides significant opportunities for diagnostics, development and correction of their professionally significant personal qualities for communication.

References:

1. Ivanov I. Interactive training methods. Jubilee research conference with international participation 50 year DIPKU. – Varna on: «Education and Qualification of Teaching Staff – Development and Projections in the 21 century», 2005.
2. IFSW General Meeting and the IASSW General Assembly in July 2014.
3. Yovcheva K. Dynamics of Communication Tolerance in University Students//Rhetoric and Communication Journal, issue. – 2011. – No 1.

Section 7. Political science

*Duishenalieva Altynai Djailobekovna,
PhD in Political Science, assistant professor,
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn,
Kyrgyz Republic, Bishkek
E-mail: duishenalieva-a81@mail.ru*

Organization and ways of development of municipal services abroad and in the Kyrgyz Republic

Abstract: Efficiency of modern municipal service in many respects depends on the training level who head local governments and are occupied in municipal service, and also that who has involved in development of normative legal acts about municipal service.

Keywords: municipal service, training, retraining of the public and municipal servants, professional development of the public and municipal servants to service.

*Дуйшеналиева Алтынай Джайлобековна,
кандидат политических наук, доцент,
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: duishenalieva-a81@mail.ru*

Организация и пути развития муниципальной службы за рубежом и в Кыргызской Республике

Аннотация: Эффективность современной муниципальной службы во многом зависит от уровня подготовки кадров, которые возглавляют органов местного самоуправления и заняты в муниципальной службе, а также тех, кто причастен к разработке нормативно-правовых актов о муниципальной службе.

Ключевые слова: муниципальная служба, обучение, переподготовка государственных и муниципальных служащих, повышение квалификации государственных и муниципальных служащих.

Муниципальная служба является сложным социально-правовым институтом, который представляет собой систему правовых норм, регламентирующих права и обязанности, ограничения, запреты, стимулирование, ответственность служащих, порядок возникновения и прекращения служебных отношений, в том числе морально-этические стороны муниципальной службы. При этом, муниципальная служба — это не только способ организации исполнения полномочий самоуправления, но и осуществление делегированных государственных полномочий [2, 2].

Показателен в этом отношении опыт зарубежных стран, где кадровому вопросу, подготовке, повышению квалификации и переквалификации управленческого аппарата для местного самоуправления уделяется большое внимание и поэтому, в частности, в западноевропейских странах ежегодно проходят подготовку и переподготовку порядка 10 % от общего состава кадров местных органов власти.

В некоторых странах подготовка муниципальных кадров возведена в ранг обязательств центральных органов власти, в частности, в Греции, Испании, Люксембурге.

Совершенно другая картина в Бельгии, где местные органы самостоятельны в вопросах подготовки, обучения муниципальных служащих, поэтому задачи по организации подготовки местных кадров на общенациональном уровне не существует [5, 277].

В США, преимущественно, подготовкой управленческого персонала занимаются муниципалитеты, где распространена система проведения квалификационных и конкурсных экзаменов. Экзамены проводятся и при отборе кандидатов на повышение в должности. Руководители муниципальных департаментов осуществляют ежегодную аттестацию подчиненных, материалы которой используются комитетами муниципальных советов при решении вопросов продвижения чиновников по служебной лестнице [4, 256].

В отдельных странах подготовку служащих организуют национальные союзы местных органов власти либо они принимают активное участие в системе подготовки муниципальных кадров (Швеция, Норвегия, Финляндия, Великобритания и т. д.).

Интересен опыт Японии в организации муниципальной службы, а именно в подборе кадров в муниципальные органы. В стране существует двухзвенная иерархическая система территориально-административных образований: верхнее звено образуют префектуры, нижнее — муниципалитеты, к которым относятся города, поселки, сельские общины. Также существуют два дополнительных уровня территориальной организации, где нет выборных органов власти, но присутствуют подразделения некоторых государственных служб. Это регионы (их восемь) и округа, на которые разделено большинство префектур.

В префектуре есть свое агентство по муниципальной службе, где собирается вся информация по муниципальной службе префектуры. Тем не менее, в округах муниципалитеты образуют совместный комитет по муниципальной службе, который объявляет конкурс по замещению вакансий в органах местного самоуправления и принимает экзамен. Муниципалитеты подают заявки в комитет о необходимости какого-либо специалиста. Объявляется конкурс, если конкурс проходят несколько кандидатов на вакансию, то уже в самом муниципалитете проходит второй тур, где окончательно и делается выбор.

Любопытно, что, учитывая японскую традицию пожизненного найма, работник мэрии за свою карьеру может поработать на разных должностях, не связанных с его непосредственной специализацией. Обычно практикуется каждые 2–3 года ротация кадров по отделам и сферам деятельности, т. е. работник социальной сферы может оказаться в отделе по сбору налогов, а налоговый инспектор в общем отделе и т. д. [4, 258].

В Кыргызстане подготовка профессиональных управленцев для системы местного самоуправления является наиважнейшей задачей и приоритетом государственных органов. И эта задача реализуется в рамках ключевых направлений государства, обозначенных в стратегии развития страны.

Осуществление ее, однозначно, трудный процесс, причем усложняемый не только тем, что в настоящее время, идет становление национальной системы муниципальной службы, но и тем, что фактически только начали закладываться принципы профессионализма в самой системе государственной службы. Более того, сложность поставленной задачи и в том, что муниципальные кадры еще не совсем понимают свою роль в развитии и оказании качественных услуг местному сообществу, притом, что местные публичные институты власти проходят период болезненной трансформации, прежде всего, перехода с административно-командного на демократический принцип управления.

При этом к политическим муниципальным относятся должности — депутатов местных кенешей всех

территориальных уровней, глав местного самоуправления аилов, поселков и городов, мэров городов и иных выборных должностных лиц, избираемых путем прямых или косвенных выборов. А к административным муниципальным должностям — муниципальные должности, назначаемые руководителем органа местного самоуправления, путем заключения трудового договора (контракта), по результатам проведенного конкурса. Тем самым закреплён главный принцип муниципальной службы разделение политической и профессиональной деятельности [2; 4].

В соблюдении данного положения и заключается идея о стабильности профессиональной карьерной службы, которая бы не зависела от различных политических пристрастий. Ведь на практике достаточно многочисленны случаи, когда глава местного самоуправления, занявший в результате выборов политическую должность, первым делом менял весь аппарат в независимости от его профессиональных качеств, взамен подбирая лояльных и приближенных к своему кругу людей.

Данное обстоятельство не повышало профессионализм, ответственность и защищенность муниципальных работников, напротив, каждое обновление аппарата сотрудников заставляла все начинать с нуля, что, в конечном итоге, находило свое отражение на качестве предоставляемых услуг местному сообществу. Из-за этого с одной стороны наблюдался большой отток кадров, вынужденных находить сферы, где, соответственно, учитывался бы весь их профессиональный и жизненный опыт. А с другой страдала и государственная кадровая система, от которой местные органы власти являются одним из ключевых инструментов подбора профессиональных работников, способных приносить пользу уже всему обществу. Ибо отличие муниципальной службы от государственной, в принципе, заключается лишь в уровне реализации, то есть их стратегическая цель через улучшение благосостояния местных сообществ к удовлетворению общегосударственных общественных интересов. Именно в этом русле и законодательное закрепление соотношения должностей государственной и муниципальной служб, что позволяет без видимых проблем развивать кадровое взаимодействие и обеспечивать свободный переход с государственной службы в муниципальную и наоборот, причем без ущерба для самого служащего.

Одним из механизмов создания высокопрофессиональной муниципальной службы является аттестация, которая позволяет с помощью оценки произвести отбор лучших работников и их должностное перемещение, способствует улучшению подбора и расстановки кадров, а, в конечном счете, повышает качество муниципального менеджмента.

Именно для реализации задачи по качественному совершенствованию муниципальных служащих, а также с целью обеспечения эффективности и стабильности муниципальной службы, повышения профессионализма, инициативности и ответственности работников системы

местного самоуправления Президентом республики подписан 28 июня 2006 года соответствующий Указ «Об основных вопросах обеспечения и организации муниципальной службы в Кыргызской Республике».

Данным указом утвержден реестр политических и административных муниципальных должностей Кыргызской Республики, а также положения: «О порядке проведения аттестации муниципальных служащих Кыргызской Республики»; «О порядке проведения конкурса на замещение вакантной административной должности муниципальной службы Кыргызской Республики»; «О порядке присвоения классных чинов муниципальным служащим Кыргызской Республики, занимающим административную должность».

Муниципальная служба является сложным социально-правовым институтом, который представляет собой систему правовых норм, регламентирующих права и обязанности, ограничения, запреты, стимулирование, ответственность служащих, порядок возникновения и прекращения служебных отношений, в том числе морально-этические стороны муниципальной службы [5, 11].

Показателен в этом отношении опыт зарубежных стран, где кадровому вопросу, подготовке, повышению квалификации и переквалификации управленческого аппарата для местного самоуправления уделяется большое внимание.

Несмотря на более двадцатилетний опыт развития местного самоуправления, тем не менее, до сих пор понятие и организация муниципальной службы остаются достаточно новыми явлениями в отечественной истории государственного управления. Ибо развитие института местного самоуправления, с которым непосредственно связана муниципальная служба, фактически не изменило основного инструмента в этой сфере — местного управленца.

Ведь до недавнего прошлого деления на государственных и муниципальных служащих не производилось, так как все работники системы управления по всей вертикали власти, включая местные советы и исполнительные комитеты, являлись государственными служащими. И только с введением соответствующих конституционных норм и процессом перехода к организации местной власти на началах самоуправления деятельность в органах местного самоуправления стала пониматься и именоваться иначе [1, 82].

В Кыргызстане подготовка профессиональных управленцев для системы местного самоуправления является наиважнейшей задачей и приоритетом государственных органов. И эта задача реализуется в рамках ключевых направлений государства, обозначенных в стратегии развития страны [7; 12].

Сложившаяся за последние годы, и действующая в настоящее время система обучения слабо учитывает потребности и ожидания государственной и муниципальной службы, недостаточно направлена на профессиональное развитие государственных и муниципальных служащих.

В нынешней системе обучения государственных и муниципальных служащих существуют следующие проблемы:

1) нерационально расходуются материальные, финансовые, кадровые и другие ресурсы;

2) не проводится оценка результативности обучения, а также отсутствуют показатели, оценивающие влияние обучения на профессиональный рост служащих и отражающие рост кадрового потенциала государственных органов и органов местного самоуправления;

3) недостаточны масштабы обучения. При численности государственных служащих, достигающей порядка 16 тысяч человек и муниципальных служащих — 10 тысяч человек, ежегодно различные формы обучения проходят около 3-х тысяч человек. В соответствии с современными требованиями каждый государственный и муниципальный служащий должен проходить курсы повышения квалификации не менее одного раза в три года. Следовательно, ежегодно обучение должны проходить около 5 тысяч государственных служащих и 3 тысячи муниципальных служащих;

4) нерешенность проблем языковой политики создает трудности в повышении качества владения государственным языком до уровня, соответствующего эффективному исполнению должностных обязанностей, в том числе в работе с документами и делопроизводстве;

5) отсутствует разработанная система мотивации государственных и муниципальных служащих к повышению своего профессионального уровня;

6) проводимые обучающие курсы не в полной мере основываются на реальных потребностях в обучении, задачах государственных органов и органов местного самоуправления, а также квалификационных требованиях к должностям.

Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики (далее — АГУПКР) начала работу по становлению АГУПКР как ведущего учебного заведения по профессиональному развитию государственных и муниципальных служащих, а также научного, методического центра по вопросам обучения государственных и муниципальных служащих [7; 13].

В интересах обеспечения профессионализации государственных и муниципальных служащих необходимо тесное взаимодействие Государственной кадровой службой, государственных органов и органов местного самоуправления, АГУПКР и иных учебных заведений, предоставляющих образовательные услуги.

За истекший период усилиями международных организаций, в рамках различных проектов, было проведено большое количество тренингов по темам, касающимся профессионального развития государственных и муниципальных служащих.

Несмотря на наличие нормативной правовой базы, существующая система обучения государственных и муниципальных служащих сформирована не в полной мере, а главное, отсутствует ее единое управление и координация.

Необходимыми условиями решения указанных проблем являются:

- политическая воля руководства страны к модернизации государственной и муниципальной службы Кыргызской Республики;
- активная позиция Государственной кадровой службы;
- усовершенствование института статс-секретарей;
- усиление потенциала АГУПКР, выведение ее на новый качественный уровень образовательной деятельности;

- наличие других вузов, сети ведомственных учебных центров при государственных органах, а также частных образовательных организаций;
- заинтересованность доноров в укреплении кадрового потенциала органов государственного управления и местного самоуправления.

Таким образом, становление государственности является одной из ключевых задач современного Кыргызстана. И решение ее во многом зависит от лиц, работающих в государственных и местных органах власти — государственных и муниципальных служащих, от их профессионализма, компетентности.

Список литературы:

1. Дуйшеналиева А.Дж. Этапы и пути развития местного самоуправления в Кыргызской Республике. – Б.: КНУ им. Ж. Баласагына. – 2010. – С. 114–117.
2. Закон Кыргызской Республики «О муниципальной службе», 21 августа 2004 года № 165.
3. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года. – С. 111–113.
4. Муниципальная кадровая политика: Учеб. Пособие для вузов/А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, Е. С. Савченко и др.: Под общ. Ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева; 2-е изд. – М.: Муниципальный мир, 2003. – 256 с.
5. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – М.: БЕК, 1999. – 277 с.
6. Программа развития системы обучения государственных и муниципальных служащих КР на 2013–2017 годы.
7. Указ Президента КР «О Национальной стратегии устойчивого развития КР на период 2013–2017 годы» от 21 января 2013 года № 11.
8. Указ Президента КР «О некоторых вопросах реализации государственной политики в сфере местного самоуправления» от 17 февраля 2012 года № 44.

*Novikov Andrey Vadimovich,
Plekhanov Russian University of Economics,
Chair of Political Science and Sociology
E-mail: camouflag@yandex.ru*

Military and political potential of the CSTO as a counterbalance to NATO policy

Abstract: This article discusses the current political and military aspects of cooperation of the CSTO, Russia and NATO countries. It presents some major political prospects and scenarios for the development of collective security of member States of the CSTO in the context of Eurasian integration.

Keywords: Eurasian integration, national security, collective security, CSTO, NATO.

*Новиков Андрей Вадимович,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
лаборант кафедры политологии и социологии
E-mail: camouflag@yandex.ru*

Военно-политический потенциал ОДКБ как противовес политике НАТО

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные военно-политические аспекты взаимодействия ОДКБ, России и стран НАТО. Выявлены основные политические перспективы и сценарии развития коллективной безопасности стран ОДКБ в условиях евразийской интеграции.

Ключевые слова: евразийская интеграция, национальная безопасность, коллективная безопасность, ОДКБ, НАТО.

В свете серьезных внешнеполитических вызовов российскому государству и его союзникам, связанных с критическими трансформациями на постсоветском и европейском пространстве, ставится задача проведения единой совместной оборонной политики евразийских стран. Существующие источники нестабильности и потенциальной военной опасности требуют не только декларирования дипломатических методов решения конфликтов, но поддержания высокого уровня обороноспособности государств, членов ОДКБ.

Современные концепции сотрудничества и определения внешних угроз наиболее полно отражаются в новой военной доктрине РФ, декларации ОДКБ от 2010 г. и «Программе национальной безопасности США», озвученной в феврале 2015 г. [1]. Рассматриваемые документы в значительной степени отражают векторы выстраивания как внешне и внутри политических, так и внутри блоковых отношений.

Сложившаяся военно-политическая обстановка на Евразийском континенте служит доказательством несовершенства существующей мировой системы безопасности. Окружив Россию средствами ядерного и неядерного сдерживания, США ставят под сомнение целесообразность соблюдения договоров об ограничении вооружений, поскольку Россия обеспечивает не только собственную безопасность, но и безопасность всех стран, присоединившихся к ОДКБ [2]. Несмотря на то, что Россия имеет несколько десятилетий положительного опыта сотрудничества с НАТО, и никогда не отказывалось от подобных контактов, по заявлению российского руководства, не существует полной уверенности в целесообразности миссии альянса в новых условиях [3].

Концепция развития НАТО, служащая основным фактором беспокойства российского руководства, унаследовала и модернизировала не только принципы периода «холодной войны», но и основные методы, сложившиеся при существовании однополярной системы. Ставя первоочередной задачей постепенное приближение инфраструктуры альянса к границам России, и ее партнеров по ОДКБ, много лет преследуются очевидные цели ослабления военно-политического потенциала этих стран [4]. Следует отметить, что стратегия, принятая на саммите в Ньюпорте в сентябре 2014 г., на официальном уровне объявляет Россию стратегическим оппонентом альянса. Период сотрудничества РФ и НАТО, пришедший на смену противостояния крупных военных блоков, остался в прошлом. На данный момент завершен переход к этапу жесткой конкуренции с преимущественным использованием дипломатических рычагов борьбы. Как результат — согласно военной доктрине РФ, сотрудничество с НАТО уже не является таким перспективным направлением в обеспечении региональной безопасности, как это было до украинского кризиса и введения санкций, возможности по сотрудничеству не исключаются, но отводятся на второй план.

Следуя выдвинутому З. Бжезинским плану по созданию «кольца Анаконды» вокруг России, Североатлантический альянс вместе со стратегическими союзниками, приступает к активному уплотнению интеграции армий союзников в единую систему [5, 44–50]. Реализуемые методы по «сдерживанию 2.0» не ограничиваются размещением систем ПРО в странах Восточной Европы, усилением авиационного патрулирования в Прибалтике, и переброске постоянных сил быстрого реагирования в Польшу. Кроме того, предполагается вовлечение территории Финляндии и Швеции, не входящих в НАТО, в место постоянного базирования дополнительных экспедиционных корпусов [6]. Облегчению реализации программы служит нагнетание антироссийских настроений в иностранных СМИ, параноидальных настроений в Прибалтике, внедрению в сознание граждан мифов о «русской угрозе» для суверенитета всех соседей РФ [7].

В связи с этим, необходимо отметить, что НАТО давно отошло от концепции прямого применения силы, завершился переход к сетевому типу ведения противостояния. С учетом того, что предпосылки для возникновения прямых вооруженных конфликтов в Европе малы как никогда, упор странами альянса будет делаться на информационные и экономические методы принуждения, в том числе на прямые и латентные санкции, скрыто дестабилизирующие баланс сил. Неготовность армии США и НАТО к серьезному противодействию наглядно показал случай с эсминцем «Дональд Кук» в Черном море, моряки которого после облучения системой наведения «Бастиона», размещенного в Крыму, и учебных атак СУ-24 массово подали рапорт об отставке [8].

Особое внимание следует уделить методам поддержания политического единства стран альянса. Для этих целей используются методы информационной борьбы. Широко известен случай двухнедельного поиска некой «русской подлодки» в водах Швеции, впервые за много лет поставивший вопросы интеграции в НАТО для укрепления собственной безопасности. «Запугивание» стран является одним из эффективных методов поддержания высоких расходов на оборону, позволяет обеспечивать внутри блоковое единство. Такими методами, руководство НАТО пытается не только политически сплотить своих партнеров, но и снять нагрузку с экономики США, переложить на союзников часть издержек на содержание и вооружение армии. Так, расходы всех стран в 2015 г. должны будут составить не менее 2 % ВВП, хотя данный принцип все еще не соблюдается большинством стран, кроме Эстонии, США и Великобритании [9]. Подобные методы воздействия крайне нецелесообразны для использования при реализации планов по укреплению ОДКБ.

Именно этими факторами, объясняется активизация военных учений стран НАТО и их партнеров в Восточной Европе, Балтийском и Черном море. В целом, интенсивность предполагаемых учений в 2015 г. должна вырасти на 30 %, что, учитывая боевые действия на Украине,

сохранение споров по Карабахскому вопросу, усугубляет напряженность в регионе. Поэтому в новой военной доктрине РФ основными военными угрозами в первую очередь названы демонстрации военной силы в ходе проведения учений на сопредельных территориях [10]. Планы по размещению и поддержанию действующих баз НАТО в Средней Азии также серьезно подрывают достигнутый ранее положительный опыт сотрудничества.

В ходе конкуренции со странами НАТО существует потенциальная опасность вновь втянуться в губительную для национальной экономики «гонку вооружений», однако по заявлениям российского руководства основой военной политики России является тактика симметричных ответов на возникающие угрозы. Но необходимо учитывать, что подобная конкуренция создает также благоприятную атмосферу для развития ОПК, технологии которого подтолкнул к модернизации частный сектор экономики, что повлечет увеличения доли на мировом рынке российского вооружения. Подобные шаги позволят, в рамках договоров о перевооружении, оснастить все армии стран ОДКБ современным и дешевым оружием, в полной мере реализовать обязательства по военно-техническому сотрудничеству.

Принятые программы предполагают неядерное сдерживание, что в первую очередь должно обеспечиваться высокой боеспособностью российской армии. В свою очередь, увеличение активности совместных военных учений, учащение патрулирования воздушного пространства, является одними из инструментов асимметричного ответа на политику стран НАТО [11]. Примерами асимметричных мер может служить и решение размещения в 2015 году комплексов «Искандер» в Калининграде, СЯС и стратегических носителей ЯО в Крыму [12].

Противовесом действиям Североатлантического альянса в перспективе могло бы стать более плотное сотрудничество стран ОДКБ. Можно сказать, что ОДКБ является самым мирным военным союзом, страны которого ни разу не участвовали в совместных операциях. Но в существующей ситуации альянс, долгое время служивший лишь одним из инструментов противодействия терроризму и наркоторговле в Средней Азии, со временем должен постепенно переформатироваться в главный фактор сдерживания военных конфликтов [13]. Укрепление общей системы коллективной безопасности, в рамках договора, и наращивание его военно-политического потенциала, заложено в новую военную доктрину РФ. Тактика внезапных проверок и внеплановых учений, эффективно себя показавшая в Вооруженных силах РФ, вскоре будет принята для объединенных Коллективных сил ОДКБ [14]. Несмотря на то, что расходы стран ОДКБ и НАТО на оборону несоизмеримы, существующий военно-политический потенциал ОДКБ позволил бы устранить асимметрию в соотношениях вооружений. Тем более что на сегодняшний день структура НАТО схожа со структурой ОДКБ, и является лишь набором национальных армий, правительство стран которых нередко отказывается выполнять решения

единого командования альянса и участвовать в совместных операциях. Свидетельством тому также служат также предложения по реорганизации всех вооруженных сил ЕС в единую армию, которая на практике будет являться альтернативой существующим силам НАТО.

При анализе перспектив ОДКБ, можно выделить несколько сценариев его развития:

Первый сценарий предполагает сохранение существующего статуса ОДКБ и его пассивной роли в решении региональных конфликтов, с сохранением высокой эффективности в противодействии потокам террористов, наркотрафика из Афганистана и обеспечению общей информационной безопасности. С учетом длительности интеграционных процессов на евразийском пространстве вероятность именно этого сценария на сегодняшний день является наиболее высокой.

Вторым вариантом является возвращение союза на уровень договора ДКБ от 1994 г., не способным противостоять возможным внешним и внутренним угрозам национальной безопасности. В целом реализация данного варианта возможна только при кардинальной смене вектора развития руководством какой-либо из стран участников, как это произошло при попытке создания альтернативного блока ГУАМ.

Третьим, и наиболее перспективным, сценарием развития могла бы стать полная переориентация ОДКБ в полноценный военно-политический союз. Первыми шагами по пути продвижения были сделаны еще в 2009 г. при создании КСОР, которые будут базироваться на территории РФ, состоять под единым командованием и обладать современным вооружением. На сегодняшний день именно КСОР является наиболее перспективным инструментом сохранения коллективной безопасности в регионе. По сути, силы ОДКБ будут являться дублирующей военно-политической опорой для ЕАЭС, который, хотя и является наиболее успешным региональным проектом, затрагивает исключительно экономико-правовые вопросы евразийской интеграции. Таким образом, стратегической целью ОДКБ будет являться военно-политическое прикрытие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

Наряду с приведенными вариантами существует и *альтернативный сценарий*, предусматривающий создание единой армии на основе российских вооруженных сил. До недавнего времени иностранцам было запрещено служить в российской армии, даже несмотря на то, что на российской 201-й базе в Таджикистане довольно значительное число военнослужащих не имели российского гражданства. Однако с принятием указа «О внесении изменений в Положение о порядке прохождения военной службы», практически любой иностранец может проходить военную службу в российских войсках и участвовать в боевых действиях [15]. Данный подход может фактически свидетельствовать о параллельном создании единой армии, сил ОДКБ, как одному из вариантов альтернативы национальным армиям.

Стоит отметить, что наличие высокой плотности как уже существующих, так и планируемых альтернативных интеграционных проектов в регионе, во многом дестабилизирует стабильность сотрудничества в ОДКБ. Недостаточная эффективность ОДКБ связана в первую очередь с сохранением приоритета национальной безопасности над коллективной, переоценкой государствами национального суверенитета в вопросах общей безопасности. Поэтому обозначение и реализация перспектив коллективного и равноправного

сотрудничества будет иметь решающее значение для укрепления ОДКБ.

На сегодняшний день, несмотря на существующую экономическую и военную асимметрию стран участников ОДКБ, данное объединение является одним из наиболее перспективных интеграционных проектов на территории постсоветского пространства. Не отказываясь от сотрудничества с НАТО необходимо продолжать выстраивать, с учетом интересов партнеров, собственную российскую систему безопасности в Евразии.

Список литературы:

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 22.03.2016).
2. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) // Российская газета. – № 298. – 30.12.2014.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odkbcsto.org/international_org/detail.php?ELEMENT_ID=4104&SECTION_ID=132 (дата обращения: 22.03.2016).
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: АСТ, 2015. – 703 с.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/world/2015/3/19/604065.html> (дата обращения: 22.03.2016).
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fast-news24.ru/v-mire/donald-kuk-i-su-24> (дата обращения: 22.03.2016).
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/trend/Sweden_submarine_20102014 (дата обращения: 22.03.2016).
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/business/2014/02/04/5881565.shtml> (дата обращения: 22.03.2016).
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/1/29/726891.html> (дата обращения: 22.03.2016).
10. “Военная доктрина Российской Федерации” (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. – № 298. – 30.12.2014.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1698449> (дата обращения: 22.03.2016).
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/trend/iskander_kaliningrad_anti_PRO (дата обращения: 22.03.2016).
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1698449> (дата обращения: 22.03.2016).
14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150315/226874707.html> (дата обращения: 22.03.2016).
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70835522/> (дата обращения: 22.03.2016).

*Peshcherov Georgy Ivanovich,
doctor of military sciences, professor,
academician academy of military sciences
E-mail: georgiy-p@yandex.ru*

Decline of Western civilization or the rebirth of Europe

Abstract: The article is devoted to the study of the socio-political development of the future prospects of “European civilization”, which is now in the context of globalization and the expansion of the Catholic Church, Islam plays a leading role. With all the contradictions in the ongoing processes there are real positives for the population of Europe. However, the further Islamization of European countries can lead to the emergence of a new threat to mankind in the form of religious wars.

Keywords: Western civilization, the Catholic Church, the Orthodox faith, the truth of the criteria of modern religions, the expansion of the Western world.

Пещеров Георгий Иванович,
д. в. н., профессор, академик АВН,
ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: georgiy-p@yandex.ru

Закат западной цивилизации или второе рождение Европы

Аннотация: Статья посвящена социально-политическому исследованию дальнейших перспектив развития «европейской цивилизации», где в настоящее время в условиях глобализации и разложения католической церкви, главенствующую роль играет ислам. При всех противоречиях, в происходящих процессах есть реальные позитивы для населения Европы. Вместе с тем, дальнейшая исламизация европейских стран может привести к возникновению новой угрозы для человечества в виде религиозных войн.

Ключевые слова: западная цивилизация, католическая церковь, православная вера, критерии истинности современных религий, разложение западного мира.

Происходящие в последние десятилетия преобразования в мире следуют на фоне все ускоряющегося заката западной цивилизации и становятся, как ни странно основой для дальнейшей глобализации, но именно на основе исламской религии. Почему так происходит? Европа создала уникальный микроклимат для успешного развития человека, однако при этом не сумела сформировать рациональную систему безопасности общества. Причин много. Во-первых, в катастрофически стареющем европейском обществе вырос спрос на дешёвую рабочую силу и общество простимулировало приток иммигрантов. Более того, европейское сообщество даже создало новую систему образования «Болонский проект», более простую, ступенчатую систему, включающую «бакалавриат» и «магистратуру», предназначенную именно для иммигрантов. Во-вторых, преобладающие в законодательстве европейских стран принципы гуманизма создали благодатную почву для приезжих иностранцев. Не случайно гласит русская народная мудрость, что рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Прибывающие в Европу, в особенности, представители южных стран легко приспособились к условиям жизни современной Европы и более того, начали выдвигать собственные требования к условиям жизнедеятельности, обуславливаемые религиозными предпочтениями и, в конечном итоге, стали определять социальный климат в европейских странах, в рамках существующего либерального законодательства этих стран. В результате социально-политические условия и существующие правовые механизмы европейских стран стали благодатной почвой для дальнейшего развития сильной когорты населения развивающихся стран. При этом, зародившиеся в прошлых веках основные причины заката западной цивилизации усилили разложение западных социально-культурных ценностей и породили в европейских странах необратимый процесс деградации [1, 42–43].

Основными причинами заката западной цивилизации, на мой взгляд, являются:

Во-первых, падение авторитета католической церкви, разложение которой началось еще в Средние века, когда католические пастыри ввели в оборот индульгенцию, как

средство обогащения церкви. Более того, многие образованные слои Европы прекрасно понимают ложный путь католицизма в отличие, к примеру, от православной веры. Для примера можно привести несколько фактов, обличающих католическую церковь:

1. Все мы прекрасно понимаем, что новый год должен начинаться от рождества Христова. Однако, сторонники различных ветвей христианства (католического и православного) так и не смогли прийти к согласию и поэтому католики отмечают Рождество 25 декабря, а православные 7 января. На самом деле, на первый взгляд, вроде ничего страшного. А теперь обратимся к фактам. Только на православное Крещение во всем мире обновляется структура воды и этот факт научно подтвержден исследованиями современных ученых и ничего подобного не происходит на католическое крещение.

2. Ни для кого не секрет, что только на православную Пасху загорается благодатный огонь в Иерусалимском храме. Я не буду приводить конкретные исторические факты, когда католики пытались воспрепятствовать этому событию, я думаю, из истории они всем известны, но, тем не менее, огонь, как ни странно, загорался только у православных.

3. Авторитет Папы Римского из-за различных многократных негативных моментов в его истории упал настолько, что новое возрождение католицизма вряд ли возможно. Помимо этого факта, существует еще десяток примеров фальшивости католической и истинности православной веры, но я думаю, перечисленные примеры настолько значимы и убедительны, что для доказательства лживости и порочности католической церкви перечень приведенных аргументов вполне достаточен.

Конечно, можно быть верующим, можно быть атеистом, но факты вещь упрямая. Современная образованная молодежь прекрасно понимает, где истина и соответственно идет туда, где больше веры. А те которые не идут никуда, составляют авангард разлагающейся Европы в виде гомосексуалистов, феминисток, однополых браков и других извращенных антиприродных направлений «европейского развития». Другое дело, что руководство православной церкви не уделяет должного внимания значению

этих величайших фактов в привлечении европейской молодежи к православной вере. И наоборот, мусульманский мир активно вовлекает в свои ряды сторонников загнивающей католической церкви. В формирующемся вакууме западной цивилизации, как говорят философы — природа не терпит пустоты, появляется свободное место, как ни странно, для мусульманской религии [2, 143–144]. И этому есть вполне реальное объяснение.

Во-вторых, ислам проповедует более прогрессивные взгляды по сравнению с католической церковью, а именно:

- ислам декларирует чистоплотность, что, на мой взгляд, и нравится, прежде всего, грязным и нечистоплотным британцам и другим представителям западной цивилизации;
- ислам воинствующая религия и поэтому мусульмане уважают силу, ведь в современном мире при всех его гуманных подходах, сила, как ни странно, является определяющей и это прекрасно понимает европейская молодежь;
- ислам, в условиях растущего разврата в мире, является силой способной установить определенные моральные рамки, отвечающие потребностям большинства населения Европы;
- ислам, как универсальная религия проповедует многоженство, что более привлекательно для человеческого общества, как с демографических, социальных, культурных и психологических позиций и др.

В результате, сложившихся условий последних десятилетий, деградационные процессы медленно тлевшие в Европе усилились и приобрели катастрофический характер. Однако, если анализировать ситуацию с реалистических точек зрения: что страшнее, дальнейшее разложение европейской цивилизации или новое возрождение Европы на основе ислама? Конечно, консервативная точка зрения безусловно отстаивает сохранение европейской цивилизации, куда она не катилась. Реалистическая точка зрения все же подсказывает, что прогресс не остановить и вероятность того, что иммигранты оздоровят и создадут почву для дальнейшего развития новой Европы очевидна.

Таким образом, не надо бояться заката современной европейской цивилизации, более того, на мой взгляд, исламизация может принести огромную пользу именно для населения Европы, как с точки зрения морали, так и с точки зрения рациональной организации человеческого общества. Конечно, первоначально европейскому населению придется смириться с особенностями мигрирующего контингента, некоторыми, на первый взгляд, возможно дикими нравами, жесткими правилами общения и др., но это временно, впоследствии все перемелится и появится поколение уважающее, как интересы коренных жителей, так и переселенцев. Это участь Европы и, к сожалению, другой альтернативы у Европы нет.

Другое дело, что в геополитическом плане в связи с этими преобразованиями в мире снова возникнут две противоположные полярности в виде ислама и православия, что в конечном итоге может создать угрозу возникновения глобальных религиозных войн. Конечно, Россия более гармоничная и дружелюбная страна, чем европейское содружество. Более того, на мой взгляд, только на основе российской государственности возможно осуществление настоящей глобализации в мире. И никакая другая страна в мире с этой ролью не справится. Данное умозаключение основано не на патриотизме, а на анализе истории России, где в течение многовековых противоречий формировалось многонациональное государственное образование, заложившее основы мирного сосуществования на основе уважения и добрососедства разных народов [3, 147–148].

В то же время исламизация в перспективе может представлять угрозу для всего мира. Для предотвращения негативных перспектив для человеческого общества необходимо предпринимать ряд мер по консолидации, как православного, так и всего славянского мира. Возможно также рассмотрение направления консолидации всех религий, почему бы и нет. Только реальные шаги в направлении выработки рациональной религиозной политики, как отдельных государств, так и во всем мире в перспективе могут создать основу для устойчивого развития и процветания, как великой России, так и всей человеческой цивилизации.

Список литературы:

1. Пещеров Г.И. Роль войны в развитии государства, как политического процесса. Материалы круглого стола: «Государство и война: философское осмысление войны как явления и процесса». – Москва: МГОУ, 2013.
2. Верхотурцев А.А., Пещеров Г.И. Эволюция системы исполнения наказаний и перспективы ее развития в условиях трансформации российского общества: политологический анализ. Монография. – М.: Спорт и культура-2000, 2014.
3. Пещеров Г.И. Развитие теории войны в условиях современной глобализации. Монография. – Москва: МГОУ, 2013.

Heiko Ital,
Hankuk University of Foreign Studies, Ass. Professor
in the German Department of Interpretation and Translation
E-mail: heikokarlital@hufs.ac.kr

Historische Entwicklung des modernen Imperialismus und seine Anwendungsformen

This article was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2016

Abstrakt: In diesem Artikel wird die historische Entwicklung des modernen Imperialismus aufgezeigt. Daran anschließend werden seine Anwendungsformen kurz skizziert.

Stichwörter: Imperialismus, 19. Jahrhundert, Anwendungsformen, Europa.

Die Formen imperialistischer Herrschaft waren — und sind bis heute — sehr unterschiedlich, da sie in Abhängigkeit zu den spezifischen politischen und ökonomischen Beweggründen ihres Anwenders stehen. So findet sich auch eine Vielzahl von Theorien, die den Imperialismus unter verschiedenen Aspekten interpretieren. Sie lassen sich in drei Gruppen gliedern, die ökonomischen und die nichtökonomischen Imperialismus Theorien sowie die des Sozialimperialismus. Der Betrachtung dieser Theorien muss eine Definition des Begriffes >Imperialismus< vorangestellt werden. Der moderne Imperialismus stand im Frankreich des 19. Jahrhunderts für die Verfügungsgewalt eines Herrschers über mehrere Territorialgebiete, über England wandelte sich die Bedeutung später in „weltpolitische Geltung“ [1]. Mit der industriellen Revolution gewannen die wirtschaftlichen und die sozialen Komponenten des Imperialismus an Bedeutung.

Hieraus erklärt sich die Schwierigkeit, eine umfassende Definition für Imperialismus zu finden, ohne seiner jeweiligen zeitgeschichtlichen Bedeutung zu widersprechen [2]. Sehr allgemein gefasst lässt sich jedoch feststellen, dass Imperialismus die Gesamtheit allen staatlichen und nichtstaatlichen Handelns einer Nation oder eines Einzelnen meint, das auf die macht- oder wirtschaftspolitische Unterwerfung einer fremden Nation bzw. deren Bevölkerung ausgerichtet ist.

Historisch lässt sich der moderne Imperialismus in vier Phasen gliedern [3]:

1. *Die Zeit der industriellen Revolution vom Ende des 18. Jahrhunderts bis 1882:*

Im Zuge der industriellen Revolution wuchs der Expansionswille der europäischen Wirtschaft auf der Suche nach neuen Absatzmärkten und Rohstofflieferanten. Imperialistische Bestrebungen hatten weitestgehend wirtschaftlichen Charakter und unterlagen keiner staatlichen Kontrolle. Erst, als private Kolonialherren ihre überseeischen Besitzungen durch Unruhen und Aufruhr der dort ansässigen Bevölkerung gefährdet sahen, zwangen sie die politischen Herrschaftsträger ihrer Heimatländer, sie zu unterstützen und ihnen Schutz zu gewähren, womit der staatlich gelenkte Imperialismus begann.

2. *Der klassische Imperialismus von 1882 bis zum Ende des 1. Weltkriegs 1918:*

Mit der Stagnation des Wirtschaftswachstums in Europa Mitte der achtziger Jahre des 19. Jahrhunderts ergab sich aus

dem zunächst freiwilligen Expansionsdrang einzelner Kolonialherren eine sozioökonomische Notwendigkeit, neue Märkte in Übersee zu erschließen. Die staatlichen Machttäger wirkten der Unzufriedenheit der stark anwachsenden Arbeiter- und Kleinbürgerschicht mit der Aussicht auf wirtschaftliches Wachstum durch die Schaffung neuer, transkontinentaler Absatzmärkte entgegen. Die zunehmende Politisierung der breiten Masse zwingt die Industrienationen in den nationalstaatlichen Wettbewerb um immer neue Kolonialgebiete. Dieses zweite Stadium des modernen Imperialismus ist von dem Versuch gekennzeichnet, innenpolitische Unzulänglichkeiten durch außenpolitische Expansion zu absorbieren. Als Beispiel hierfür soll die britische Besetzung Ägyptens herangezogen werden. „Die Diskussion über Ursachen und Motive der Besetzung Ägyptens durch britische Truppen begann im Juli 1882, einen Monat bevor die 25.000 Mann des britisch-indischen Expeditionskorps in Ägypten landeten und zwei Monate vor dem britischen Sieg über die ägyptische Armee bei Tel-el-Kebir. Von Anfang an wurde diese Diskussion von der skeptischen Vermutung geprägt, die militärische Intervention sei nur zu erklären durch die großen finanziellen und kommerziellen Interessen Großbritanniens in Ägypten, die durch die ägyptische nationale Bewegung gefährdet schienen“ [4].

3. *Der „verschleierte“ Imperialismus von 1919 bis 1945:*

Schon mit dem Eintritt der USA in den 1. Weltkrieg und deren Nichteinverständnis mit den Kriegszielverträgen der europäischen Alliierten, die darauf auszielten, die deutschen Kolonien unter sich aufzuteilen, wurde der klassische Imperialismus in einen „verschleierten“ umgewandelt. Die sich immer weiter ausbreitende Idee des Nationalitätenprinzips, besonders im osteuropäischen und eurasischen Raum von Lenin unterstützt, machte eine Fortführung des althergebrachten Imperialismusstrebens unmöglich. Jedoch einigte man sich auf eine schrittweise Loslösung der Kolonien unter dem Vorwand, man wolle sie nicht abrupt fallen lassen, um ihnen so die Chance auf einen Anschluss an die Zivilisation zu gewähren. Tatsächlich bot sich so den alten Herrschaftsstrukturen die Möglichkeit, ihre Kolonialtätigkeit weiterzuführen.

4. *Zeit des Nachimperialismus:*

Im Zuge der Dekolonisation fand die Umwandlung von totaler machtpolitischer Kontrolle in wirtschaftliche Abhängigkeit statt. Mit dem Ende des 2. Weltkriegs begann die

Dekolonisation, was zwar zum Abbau der staatlichen, nicht aber der wirtschaftlichen Bevormundung durch die ehemaligen Kolonialherren führte.

Wie schon in der Einleitung bemerkt, gibt es verschiedene Anwendungsformen imperialistischer Herrschaft. Militärischer Imperialismus [5] zielt auf die vollständige machtpolitische Unterwerfung einer fremden Nation unter Einsatz von Waffen aus. Es ist die risikoreichste Form des Imperialismus, weil die Gefahr des Verlustes eigener Territorialgebiete direkt abhängig ist von der Stärke des Gegners. Gleichzeitig bietet der militärische Imperialismus dem Aggressor die schnellste Möglichkeit, sein Ziel zu erreichen.

Ökonomischer Imperialismus wurde erst durch die Ausbreitung des Welthandels im Zuge der industriellen Revolution möglich. Er versucht ein Land in die wirtschaftliche Abhängigkeit zu drängen, um auf diesem Wege die Kontrolle über dasselbe zu erlangen. Ist dies einmal erreicht, wird die

unterlegene Nation politisch nicht gegen das Interesse des Siegers agieren.

Die dritte Anwendungsform findet sich im kulturellen Imperialismus [5]. Er stellt sich als die erfolgreichste Form imperialistischer Herrschaft dar. Der Aggressor verzichtet auf den Einsatz militärischer oder ökonomischer Machtmittel. Es ist vielmehr der Versuch, die Bevölkerung zu beeinflussen und dadurch auch langfristig zu lenken. Praktisch ist die „geistige“ Unterwerfung einer Nation ohne den Einsatz anderer Mittel nicht realisierbar, jedoch spielt er beim Erhalt imperialistischer Herrschaftsstrukturen eine entscheidende Rolle. Der Erhalt der Herrschaft über eine fremde Nation ist nur mit der Zustimmung durch die Mehrheit der Bevölkerung zu erreichen. In der Realität treten diese hier streng getrennten Formen meist im Zusammenhang miteinander auf, wobei die zeitliche Abfolge differieren kann, je nach Ausgangslage und politischer Intention ihres Anwenders.

Referenz:

1. Fenske Hans. Politisches Denken im 20. Jahrhundert. Imperialismus, in: Lieber, H.-J. (Hg.), Politische Theorien von der Antike bis zur Gegenwart (Schriftenreihe, Bd. 229, Bundeszentrale für politische Bildung), 2. Aufl. – Bonn, 1993.
2. Milios Jannis und Sotiropoulos Dimitris. Marxsche Theorie und Imperialismus//PROKLA. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft. Heft 159, 40. – Jg., 2010. – Nr. 2. – S. 259–275.
3. Mommsen Wolfgang J. Der moderne Imperialismus. – Stuttgart-Berlin-Köln-Mainz, 1971.
4. Bierschenk Thomas. Die englische Ägyptenpolitik Anfang der 1880er Jahre und der Imperialismus//Arbeitspapiere/Working Papers Nr. 29. – Institut für Ethnologie und Afrikastudien, Johannes Gutenberg Universität Mainz, Mainz, 2003.
5. Morgenthau Hans J. Politics among Nations. The struggle for Power and Peace. – New York, 1948.

Section 8. Psychology

*Nigmatulina Liliya Alievna,
Nizami Tashkent State Pedagogical University, senior researcher
E-mail: Lila_djuraeva@mail.ru*

Usage of art therapy methods for correction of computer dependency in schoolchildren

Abstract: The article deals with advantages of usage of art therapy in psychological correction of computer dependency. It is known that computer dependency is characterised by disorders in the emotional sphere and art therapy is based on mobilisation of a human creative potential, internal mechanisms of self-control and healing; it meets a fundamental need in self-actualisation, *viz.* revealing a wide spectrum of human capacities and self-esteem of one's individual unique way of life in the world.

Keywords: Art therapy, computer dependency, addiction, computer-dependent personality, computer-dependent behaviour, psychotherapeutic approach, psycho-corrective classes, self-actualisation.

In the opinion of a modern individual who uses mainly a verbal channel of communication, art therapy enables us to use "the language" of a visual and plastic expression. Due to that it becomes an irreplaceable tool for investigation and harmonisation of those sides of the private human world for expression of which words are of little use.

The majority of western experts note that they are disorders in the emotional sphere that computer dependency is characterised by and to correct a computer-dependent behaviour it is recommended to use a psychotherapeutic approach with emphasis on the work with images.

According to F. A. Saglam, the main objective of computer dependency correction in teenagers consists in stimulation of personal development of teenagers, implementation of their creative potential to introspection, prevention of occurrence of addictive behaviour [8].

Despite a variety of approaches and methods to the problem of correction of computer dependency, there are common tendencies which include primarily the usage of group methods of correction and individual types of work aimed at improvement of mutual relations with relatives and peers, training in self-control and ability to cope with difficulties, education of strong-willed qualities, raising one's self-assessment, creation of new vital hobbies. The major stage of computer dependency correction is distraction from computer-related interests and in this respect art therapy suits the goal achievement best. It can be used as a group method of correction oriented to increasing of one's activity, independence of addictive individuals which promotes harmonisation of personal development both in a group of peers and in the family. It is common knowledge that dependent features of the personality are formed in the family with a considerable number of co-dependent behaviour models, therefore, art therapy methods make it possible to improve

mutual relations between members of such a family, build sincere and open relations.

The idea, that pedagogics and psychotherapy should interact, was substantiated in 1927 by German psychiatrist A. Kroyfeld in the article "Psychogogics, or Psychotherapeutic doctrine on education". The author called for development of such a method which would target the person at spiritual health improvement and personal growth. Art therapy can be selected as the most comprehensible and effective psychotherapeutic direction in the work with children. Usage of art as a therapeutic factor is quite accessible for psychologists, and it does not require any special knowledge. Art therapeutic classes are considered as an innovative type of work with children and teenagers.

Although the priority of a theoretical substantiation of art therapy belongs to foreign experts, our domestic culture and history has a wide experience of art creativity applied in educational, developing and correctional goals. Abu Nasr al-Farabi and Abu Reikhon Beruni say in their works about a conclusive salutiferous effect of art on personality formation.

The term "art therapy" (literally, "therapy with art") was introduced by A. Hill (1938) in description of his own work with TB patients in preventoriums [7].

According to M. Libman, art therapy is usage of means of arts for expression of feelings and other manifestations of human mentality aimed at changing the structure of one's world perception [3, 8].

The Russian encyclopaedia for social work states that art therapy is a way and techniques for rehabilitation of individuals by means of art and art activity [5, 34]. Means of arts include: music, painting, literary works, theatre, etc.

Modern definition of art therapy is based on concepts of expression, communication and symbolization with the effect of which art creativity and psychological mechanisms of disorders of computer-dependent personalities is related.

At the present stage of development art therapy has gained a psycho-correctional and psychotherapeutic direction. The usage of this term is not related with treatment of a disease literally (the Latin word "therapia" means "treatment"). "Social healing" of the personality, changing stereotypes of one's behaviour by means of art creativity is implied here. A preventive direction of art therapy is associated with strengthening of mental health of the personality and it fulfils psychohygienic and correctional functions.

Art therapy methods are based on belief that internal "Self" of the individual is reflected in visual images each time when one spontaneously, not thinking specifically about one's works, draws, paints, moulds. It is considered that images of art creativity reflect all sorts of subconscious processes including anxiety, internal conflicts, memoirs of one's childhood and dreams. In a verbal description the child can face some difficulties. Therefore, they are nonverbal means that often are the only ones that can express and clarify strong experiences. In this case it is possible to say about some advantages of art therapy over other types of a psychotherapeutic work in correction of computer dependency of the personality:

- practically each person (irrespective of age) can participate in an art therapeutic work which does not require any abilities in graphic activity or art skills;
- art therapy is a means of mainly nonverbal communication. It makes its especially valuable to those who does not have skills in verbal communication, faces difficulties in a verbal description of one's experiences (the majority of studies note decreased communicative skills in addictive teenagers (Yuryeva L. N., Bolbot T. Yu., Belinsky Ye. P., Zhichkina A. Ye. et al.));
- graphic activity is a powerful tool of rapprochement of people. It is especially valuable in situations of mutual alienation, in a difficulty in adjustment of contacts;
- works of graphic creativity are objective evidence of individual's moods and thoughts and that allows using them for assessment of a state, carrying out of appropriate studies;
- art therapy is a means of free self-expression; it assumes an atmosphere of trust, tolerance and attention to the individual's private world;
- in most cases, art therapeutic work calls positive emotions in people, helps to overcome apathy and lack of initiative, to generate a more active living position;

- art therapy is based on mobilisation of a creative potential of the individual, internal mechanisms of self-control and healing. It meets a fundamental need in self-actualisation, viz. revealing of a wide spectrum of individual's abilities and self-esteem of one's individual unique way of life in the world.

Forms of art therapy vary in the work with children, teenagers and adults. Nevertheless, it is possible to speak about two main variants of art therapeutic work: individual and group art therapy. Teaching prefers a group work as allows working with a wider range of clients. M. Libman [6, 28], for example, notes that group art therapy firstly, allows developing valuable social skills; secondly, it is associated with rendering of mutual support to members of a group and makes it possible to solve mutual problems; thirdly, it gives a chance to observe the results of one's actions and their influence on people around; fourthly, it allows mastering new roles as well as to observe how modification of the role behaviour influences mutual relations with people around; fifthly, it raises self-assessment and leads to strengthening of personal identity; sixthly, develops skills of decision-making.

Additional benefits of group art therapy include the fact that it:

- assumes an especial "democratic" atmosphere related with equality of rights and responsibility of participants of the group;
- in many cases it requires certain communicative skills and an ability to adapt for group "standards".

Art therapy methods bind the human intelligence and one's feelings, a need in reflexion and thirst of action, bodily and spiritual aspects.

Thus, it is possible to say that psycho-corrective classes for computer-dependent individuals with utilisation of art therapy techniques give a possibility for expression and comprehension of the most diversified feelings in a socially acceptable manner. The process of drawing itself helps to remove stress (graphics response) being especially important for dependent pupils who have increased irritability and proneness to conflicts and lack the ability to quit stressful situations [9, 40].

Drawing and painting are optimal ways of psychological correction of computer dependency at school age. Graphic presentation of emotions experienced results in decreasing stress, a rise in self-control and self-actualisation of the personality, switching of interests from the computer to creativity.

References:

1. Bekker-Glom B., Bulov E. Art-therapy in Alixeaner psychiatric hospital of Muenster // Curing art. – 1999. – No. 1.
2. Yermolaeva M. V. Practical psychology of children's creativity. – Moscow, 2001.
3. Kopytin A. I. Essentials of art therapy. – SPb., 1999.
4. Lebedev L. D. Pedagogical aspects of art therapy // Didactics. – 2000. – No. 1.
5. Psychotherapeutic encyclopaedia. Ed. by B. D. Karvosarski. – SPb., 1999.
6. Practical work on art-therapy / Ed. by A. I. Kopytin. – SPb., 2000.
7. Rudestam R. Grupповaya psychoterapia. (Group psychotherapy). – SPb., 1999.
8. Saglam F. A. Pedagogical conditions of correction of Internet-addiction in teenagers. Thesis for PhD (Pedagogics): 13.00.01. – Kazan: Ulyanov-Lenin Kazan St. Un., 2009. – 214 p.
9. Yuryeva L. N., Bolbot T. Yu. Computer dependence: formation, diagnostics, correction and prevention: Monography. – Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. – 196 p.

Section 9. Sociology

*Abduhalilov Abdullo Abduhamitovich,
The Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan,
Senior teacher, Tashkent, Uzbekistan
E-mail: naumenko06@mail.ru*

Perspective areas of research in the process of state governance

Abstract: This article deals with modern concepts of state governance. The author infers that the process of globalization and development of information technologies in the long term lead to the emergence of new trends and paradigms in the research process of the public administration (State government).

Keywords: Public administration, State management, Human capital, Bureaucracy, Theory of political networks, Communication, Legitimacy, Sovereignty, Efficiency, Command.

*Абдухалилов Абдулло Абдухамитович,
Национальный университет Узбекистана,
Старший преподаватель, Ташкент, Узбекистан
E-mail: naumenko06@mail.ru*

Перспективные направления исследования процессов государственного управления

Аннотация: В данной статье автором рассматриваются основные современные подходы исследования феномена государственного управления и на их основе делаются выводы о возможных перспективных направлениях исследования процесса государственного управления. Автор считает, что процессы глобализации, развития информационных технологий приведет к возникновению новых школ, подходов, а возможно и парадигм исследование государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, администрирование, эффективность, коммуникация, государственный менеджмент, человеческий капитал, теория политических сетей, бюрократия, глобализация, внешняя политика, внутренняя политика.

Сегодня очевидным становится тот факт, что развитие любого общества во многом зависит от эффективного государственного управления. Понимание этого связано с таким парадоксом, что некоторые страны, обладающие богатыми природными ресурсами у которых, казалось бы, должен быть высший уровень благосостояния населения, живут в бедности. Они являются самыми бедными странами в мире. К таким странам можно отнести многие страны Африканского континента, Латинской Америки, а также Азии.

Существует большое количество объяснений причин такого парадокса. Одни эксперты считают, что бедность и неразвитость этих стран связана с наследием колониальной политики, которая проводилась западными странами в Новое и Новейшее время. Другие исследователи полагают, что это определяется психологией и менталитетом этих народов. Естественно, что такие гипотезы имеют право на существование, но на наш взгляд, отсталость, бедность и неразвитость этих стран во многом объясняется отсутствием эффективного государственного управления.

Деятельность органов государственного управления в этих странах отличается отсутствием транспарентности в процессе принятия государственных решений, которые зачастую не подкрепляются какими либо научными доводами, а зачастую носят импровизаторский характер. Рекомендации же исследователей и экспертов из Западной Европы и США не совсем преломляются в социально-политический контекст этих стран.

Тем не менее, в процессе глобализации формируются универсальные индикаторы измерения эффективности деятельности органов государственной власти. Для того чтобы не оказаться в такой парадоксальной ловушке в странах постсоветского пространства, где существует такая же проблематика, необходимо разработать свои школы и направления в области государственного управления. В свою очередь, для повышения эффективности данного феномена необходимо выявление перспективных направлений исследований процессов государственного управления.

Нужно отметить, что рассмотрения этих направлений может быть оптимально осуществлен лишь с позиции анализа современных подходов в сфере исследования процессов государственного управления. К наиболее известным исследовательским подходам в этой области сегодня можно отнести такие направления, как теория государственного менеджмента, теория политических сетей, а также концепция человеческого капитала.

Одним из современных направлений исследования процесса государственного управления является ситуационный подход. Необходимо отметить, что ситуационная теория исследования процесса государственного управления стала логическим продолжением теории систем. Как научный подход данная теория возникла в 70–80-е годы XX века в США. Наиболее известными теориями, разработанными в русле системного подхода, являются концепция «мягкого мышления» и организационной кибернетики. Сторонники ситуационного подхода полагают, что оптимальной системы организационной структуры административно-государственного управления не существует. Поэтому государственное администрирование должно быть организовано таким образом, что оно должно учитывать уровень сложности и динамичности процессов, происходящих в современном обществе [1, 102]. Ситуационный подход является относительно новым направлением в современной науке. Поэтому сегодня трудно оценить его влияние на практику административно-государственного управления. Тем не менее, уже сегодня можно говорить о том, что влияние данного подхода велико и в будущем будет только возрастать.

Как известно, в 80–90-е года XX века модным стало использование понятие «менеджмент» как альтернативы бюрократической организации управления. Д. Озборн и Д. Гейлор опубликовали фундаментальный труд в области теории государственного менеджмента «Переосмысливая управление». В своей книге авторы выдвигают ряд тезисов, которые, на их взгляд, будут способствовать повышению эффективности деятельности органов государственного управления. К ним относятся:

1. Организация должностных лиц;
2. Ориентация на клиента;
3. Предоставление не только услуг, но и полномочий [1, 78].

Следует отметить, что концепция, разработанная этими учеными, базируется, прежде всего, на законах рыночной экономики. Отсюда следует, по мнению представителей государственного менеджмента, основными принципами государственного управления должны выступать следующие принципы:

- Лучше управлять, чем исполнять;
- Лучше предоставить выбор потребителям, чем обслуживать их;
- Подключить к процессу предоставления государственных услуг элементов конкуренции;
- Организовывать задачи лучше, чем организовывать правила;

- Вкладывать капитал не в результат, а в намерение;
- Интенсивная ориентация на потребителя;
- Лучше профилактика, чем лечение;
- Усиление совместной работы [1, 89].

По мнению видного американского ученого Т. Дженсона если старым моделям административно-государственного управления была характерна бюрократия, то сегодня строительным блоком государственного управления выступает команда, которая осуществляет свою деятельность для выполнения определенного задания [2, 46].

На наш взгляд важным преимуществом данной теории является то, что в ней сделан акцент на профессионализм управленцев, а также на транспарентность предоставления государственных услуг. Тем не менее, в данной теории есть и слабые стороны. К ним относятся:

1. Не все процессы в социально-политической жизни общества можно трактовать и реализовывать с позиции законов рынка;

2. Внедрение элементов конкуренции в систему административно-государственного управления может привести к потере координации органов государственной власти в процессе решения общественных задач.

Наряду с теорией государственного менеджмента одной из известных концепций, которая опосредованно оказала влияние на развитие школ административно-государственного управления является теория человеческого капитала. Данная теория возникла и получила свое развитие благодаря трудам таких ученых как Т. Шульц, Т. Джонсон и др. Под человеческим капиталом представители данной теории понимают «потенциал человека, способного принести пользу обществу». В качестве составных такого потенциала относят такие свойства как работоспособность, здоровье, образование и т. д. Следует отметить, что учет такого фактора как человеческий капитал является важным элементом развития не только для административно-государственного управления, но и для всего общества. Признание важности человеческого капитала способствовало изменению взглядов государства на образование, здравоохранение и культуру. Увеличение расходов на образование сегодня воспринимается многими государствами как фактор экономического роста, а бизнесом — как роста производительности труда [3, 30].

В свою очередь необходимо отметить, что процесс развития человеческого капитала является процессом длительным, дивиденды от которого можно получить лишь в среднесрочной или даже в долгосрочной перспективе.

Понимая важность человеческого капитала в развитии общества руководство Узбекистана уделяет большое внимание процессам его развития. Так, одним из первых законов, который был принят в Узбекистане после приобретения независимости, стал закон «О молодежной политике». Кроме того, к фундаментальным нормативным актам, направленных на создание необходимых условий для развития человеческого капитала является такие документы, как Национальная программа по подготовке

кадров, Закон Республики Узбекистан «Об образовании», указ Президента нашей страны «О совершенствовании молодежной политики» и т. д.

Говоря о современных научных направлениях исследований в области государственного управления необходимо отметить, что многие эксперты считают важным элементом повышения эффективности деятельности органов государственного управления являются коммуникативные процессы. Именно поэтому в 80–90-х гг. XX века начинает развиваться такой исследовательский подход процессов государственного управления как теория политических сетей. Главным тезисом этой теории является то, что эффективное решение общественных задач является следствием налаживания отношений различных групп интересов. Сегодня как считают представители теории политических сетей наряду с органами государственной власти в процесс управления включены бизнес-структуры, органы местного самоуправления, ННО, а также международные организации. Поэтому, в системе государственного управления возникла разветвленная сеть публичного управления, между которыми устанавливаются конструктивные отношения. Как отмечал в своей книге «Государственное управление и политика» А. В. Сморгун, политические сети сегодня обладают общей характеристикой, которая отличает их от других систем управления. Политические сети представляют такую структуру управления, в которой отражаются интересы государства и гражданского общества. Политическая сеть формируется для согласования интересов в процессе принятия управленческих решений. Это означает, что сегодня существует взаимная заинтересованность политических акторов друг в друге.

Важно отметить, что в процессе выработки управленческих решений участники политических сетей не выстраиваются в определенную иерархию, т. к. не имеют никаких преимуществ с точки зрения занимаемых ими властных позиций. Политическая сеть представляет собой договорную структуру, состоящую из набора контрактов, реализуемых через формальные или неформальные коммуникации [2, 46].

Необходимо отметить, что в Узбекистане, как и в др. странах, происходят реализация на практике данной теории. Сегодня руководством страны уделяется большое внимание формированию электронного правительства, что позволит создать действенные механизмы диалога государства и гражданского общества. Важным шагом в этом направлении стало принятие Закона «Об электронном правительстве».

Несмотря на широкое распространение данной теории на наш взгляд в процессе ее полной реализации она имеет ряд сложных аспектов. К ним относятся:

1. Как известно различные группы интересов обладают различными ресурсами влияния, что впоследствии

формируют, хотя и неформальную, иерархию в процессе принятия управленческих решений.

2. Несмотря на декларацию сторонниками политических сетей равенства возможностей ее участников, тем не менее даже сегодня государство обладает большими ресурсами и является ведущим игроком в информационном пространстве любого общества.

Анализ современных исследовательских подходов в области государственного управления позволяет нам выявить следующие перспективные направления исследования административно-государственного управления:

1. Коммуникативное направление. Его актуальность, на наш взгляд, будет усиливаться развитием электронного правительства и посредством других информационно-коммуникационных технологий. Важным направлением исследования в рамках данного направления будут: обеспечение информационной безопасности как в технической, так и в психологических сферах, вопросы соотношения транспарентности и конфиденциальности в процессе управленческих решений и др.;

2. Исследование перспектив государственного суверенитета. Как известно в условиях глобального развития нашего мира происходит размывание границ внутренней и внешней политик, о чем еще в 2004 году писал американский ученый Джозеф Найт. В свою очередь стирание границ между внутренней и внешней политиками приведет к возникновению следующих актуальных и следовательских проблем государственного управления: разработка технологий легитимности деятельности органов государственной власти не только внутри того или иного общества, но и за ее пределами, вопросы формирования глобального имиджа государств, выработка универсальных моделей эффективности деятельности органов государственного управления и др.;

3. Переход от администрирования к менеджменту. Наличие данного направления обуславливается неразрешенными и по сей день исследовательскими вопросами о роли бюрократии, применимости механизмов рыночной экономики.

Конечно, в этой статье возможно не были затронуты многие перспективные направления исследования процессов государственного управления, поскольку представляется невозможным полностью выявить и отразить все перспективные направления исследуемого объекта в рамках одной статьи. Однако хотелось бы отметить, что процессы глобализации, внедрение новых информационных технологий в систему государственного управления приведет к возникновению новых школ, подходов, а возможно и парадигм исследования государственного управления.

Список литературы:

1. Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада и США. – М.: Логос, 2001. – С. 102.
2. Сморгун А. В. Государственное управление и политика. – С-Пб., 2002. – С. 46.
3. Лаврентьева И. В. Социальная политика и управление в социальной сфере. – Ульяновск, 2009. – С. 30.

*Chernyshkova Elena Vyacheslavovna,
Saratov State Medical University n. a. V.I. Razumovsky,
Head of Department of Foreign Languages,
Doctor of Social Science, Assistant Professor
E-mail: chervy@mail.ru*

*Chizhova Marina Evgenievna,
Saratov State Medical University n. a. V.I. Razumovsky,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
E-mail: marrchi@mail.ru*

*Paraschenko-Korneychuk Larisa Nikolaevna,
Saratov State Medical University n. a. V.I. Razumovsky,
Lecturer, Department of Foreign Languages
E-mail: par_larisa@mail.ru*

*Andriyanov Stanislav Viktorovich,
Saratov State Medical University n. a. V.I. Razumovsky,
Lecturer, Department of Philosophy,
Humanitarian Sciences and Psychology, Post-graduate*

Social attitudes toward active aging: representations of the elderly

Abstract: The main objective of this paper is to throw some light on the active aging and to point out certain medical and social determinants of activity of the representatives of a social gerontological group. It presents the analysis of the main medical and social factors influencing the prolongation of active aging.

Keywords: active aging, elderly, prolongation of active aging, social representations.

Scientifically, there is an increased interest directed to the issues on the prolongation of active way of life of the elderly. Since the expansion of the aging tendency, the social and demographic structure of society has been transformed. The article aims to present and to study medical determinants and social representations of activity of a sociogeriatric group as there is a complete integration of the senior age group into social life.

The sociological investigation was held in the Saratov Region in 2015 among the elderly persons. Questionnaires were used as a research method. The survey involved 200 respondents (women — 50 %, men — 50 %) aged 55–65. Therefore it is resulted in the analysis of the main medical and social factors influencing the prolongation of active aging.

The definitions of the activity and the active way of life in the old age are interrelated. However it should be noted that the integrated conceptual meaning of this phenomenon has not been determined yet. While analyzing the role of medical and social determinants in the formation of active way of life of the elderly, the following thesis was used: we considered the way of life as an integrated well-being of an individual in the inner and the outer world allowing an elderly person to study his attitude toward the environment and toward himself through the prism of economic, social and cultural processes. The system of relation of an individual and his natural world is a complex entity including his activities and experiences, presence of healthy habits and absence of bad habits, strengthening or destructing health resources. And activity may be

determined as a conscious energetic participation in the physical, social and cultural reality of an individual himself [1; 2; 3].

The research data revealed the following medical and social determinants of active aging. The most common of them represent health promotion, keeping family ties and prolongation of professional and working activity.

Here health is a key factor responsible for prolonged active way of life of the elderly. Health maintenance measures are of great significance in the old age and aimed at the provision of health status of the elderly. The survey found that there is a number of attitudes to health promotion in order to prolong active aging. They include physical exercises and fitness, proper nutrition and avoidance of unhealthy habits.

It is a well-known fact that physical exercises and fitness are accompanied by such advantages as increase in average life expectancy, support of functional independence and improvement of quality of life of the elderly. Moreover it has been proved that adequate physical exercises prevent the development and aggravation of cardio-vascular diseases, diabetes, osteoporosis and depression. The question “What physical activities best suit you?” was presented to the subjects. The response of 40.8 % questioned was walking, exercises at home — 33.5 %, stair climbing — 11.2 %, running — 7.5 %, swimming — 4 % and 3 % — attending fitness centers.

However health promotion in the context of the prolonged active aging of the old age group was considered as an individual initiative. It is explained by the modern public health status: it does not provide the prolonged active

aging (52.2 %), it partially provides (37.0 %) and there is a full provision (10.8 %). The negative evaluation of the public health activity in this direction may be determined by the established stereotype of the elderly as social ballast. To improve the situation state programmes on active aging should be worked out and approved. Furthermore the involvement of the individuals of aging population into the sphere of medical service leads to medicalization of the elderly and results in stigmatization of social gerontological group.

Market development, progress in advanced technologies in medicine and consequently a variety of paid medical services do not improve the status of medical assistance to the elderly. The rating of responses to the question "Do you apply for paid medical services?" showed the social inequality directed to the gerontological group. As a result the majority (69 %) of the respondents said that they had rarely applied for paid medicine. The response of 28 % of the questioned was "regularly" and only 3 % of the questioned answered "often". The reasons for application for paid medical services include modern diagnostic technologies, absence of queues and kindness of health professionals. But the significant number of the questioned (88.6 %) did not consider paid medical service affordable therefore underlining the poverty among elderly populations and developing their frustration.

Another attitude to health promotion among the individuals of the old age group is proper nutrition based on the age and individual characteristics [5]. The majority of responses (77.4 %) proved that the respondents were aware of the differences in diet of the younger and older age groups. However the realization of the approved nutrition patterns for old age groups faced difficulties because of low level of financial welfare among the elderly: only 36.7 % of the questioned may have proper nutrition, 63.3 % of the respondents do not follow the balanced diet as they cannot afford it financially.

According to the research findings it was determined that 54 % of the questioned were informed of the medically approved recommendations on proper nutrition. The majority of them (18.3 %) received information from mass media (television and newspaper advertisements), from colleagues, friends and relatives — 14.8 %, from pharmacists' advice — 6.5 %, from health care professionals — 5 % and from the Internet — 1.4 %.

Changing bad habits helps support body resources at older ages. A significant number of the respondents (79.2 %) stated that healthy way of life largely depends on quitting drinking and smoking habits. 16.8 % of the respondents noted that it was important for them to lower the consumption of alcohol and tobacco smoking.

It is also necessary to stress that the highest level in the value system belongs to family. This statement is proved by the opinions the older generation holds about family and

family relationship [4]. Playing an active role in the family events serves an important factor for prolongation of active aging for the representatives of the old age group. According to the research data the majority of the questioned (62.4 %) considered family relations as the main factor of active aging prolongation. The most common forms of the elderly relationships in the family include involvement in grandchildren raising (43 %), taking part in households (32 %) and financial support to children and grandchildren (25 %).

Another significant factor for prolongation of active aging is found to be functional status (professional activity, capacity to work). There are some motives of elderly people to go out to work: financial aspect (21.3 %), a wish to be needed and to be demanded (16.9 %), participation in social activities (16.1 %), working as pleasurable activity (10.5 %), lots of free time (9.9 %), intention to maintain functional and social status (9.0 %) and intention to share the experience (8 %). The respondents of the old age were asked to indicate who was interested in the prolongation of their professional activity after retirement. It is worth noting that personal initiative was a prevailing factor (50.7 %). Family initiative counted 29.4 %, professional organization-related demand — 10.2 % and state-related demand — 9.8 %.

However age-dependant discrimination exists in the labour market and therefore this fact negatively influences the prolongation of active aging in the old age. The survey results found that the majority of the respondents (68.3 %) did not refuse age-dependant discrimination they faced applying for a job. Massive campaign should be undertaken in the realization of working and professional opportunities of the elderly: 1) state control of employment with the right of choice of forms and types of working activity — 42.8 %; 2) legislation conducted in the area of age discrimination in employment against older adults — 24.8 %; 3) creation of possible ways of learning and raising professional skills — 32.4 %. Obviously there are attempts for reformation in the field of social life of the elderly at the macro-level while the global employment situation of the elderly population is unlikely to improve soon. Elderly workers are not treated equally with younger age groups and are perceived as less competent [6]. Further there is no tradition of raising skills and improving qualifications for aging population that lacks their employment opportunities.

The current study showed that the basic determinants of the prolongation of active aging of persons of the old-old age group included sustaining health status, taking part in the family events and professional activity. Regardless of the fact that the state programmes of active aging are developing, the realization of activity of older people is closely connected with their personal initiative. In conclusion it should be drawn that the lack of policy in this sphere significantly prevents the active aging.

References:

1. Handbook of Theories of Aging/Vern Bengtson, K. Warner Schaie. – N. Y.: Springer Publishing Company, 1998. – 536 p.
2. Чернышкова Е. В., Андриянова Е. А., Репин В. Ф., Чернышков Д. В. Источники поддержания здоровья в интерпретациях представителей пожилого возраста // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2015. – Т. 11, № 1. – С. 58–61.

3. Фахрудинова Э.Р., Чижова К.Е., Чижова М.Е. Междисциплинарное изучение модели «врач-пациент»//Омский научный вестник. – 2014. – № 52. – С. 162–165.
4. Чернышкова Е.В., Андриянова Е.А. Активный образ жизни в пожилом возрасте: медико-социальные стратегии, риски, практики. – Саратов, 2012.
5. Чижова М.Е. Норма и патология: к вопросу репрезентации здорового и болезненного состояния человека//Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2013. – Т. 3, № 11. – С. 1265–1266.
6. Арстангалиева З.Ж., Чернышкова Е.В., Андриянов С.В., Масляков В.В. Факторы риска здоровьесбережения российских пенсионеров//Фундаментальные исследования. – 2015. – № 1–5. – С. 896–900.

Section 10. Philosophy

*Vlasova Yulia Valeryevna,
Air Force Academy named after professor
N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Voronezh,
Ph.D of History, docent,
E-mail: youlya_v@mail.ru
Ivanova Svetlana Ivanovna,
Air Force Academy named after professor
N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Voronezh,
Ph.D, lecturer
E-mail: isvetlanai@inbox.ru*

«Slavic question» in F. M. Dostoyevsky's creativity (on materials of publicistic of the 70th of the 19th century)

Abstract: F. M. Dostoyevsky's views of events of national liberation fight of the Slavic people which were under the power of the Ottoman Empire are analyzed in article. The author supported fight of slav brothers and saw in it a way of spiritual revival of the Russian people. The solution of «a Slavic question» has led to formation of the project of the Russian national idea.

Keywords: «Slavic question», Russian people, Orthodoxy, national idea.

*Власова Юлия Валерьевна,
Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, доцент
E-mail: youlya_v@mail.ru
Иванова Светлана Ивановна,
Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, преподаватель
E-mail: isvetlanai@inbox.ru*

«Славянский вопрос» в творчестве Ф. М. Достоевского (по материалам публицистики 70-х гг. XIX века)

Аннотация: В статье анализируются взгляды Ф. М. Достоевского на события национально-освободительной борьбы славянских народов, находившихся под властью Османской империи. Автор поддерживал борьбу братьев-славян и видел в ней путь духовного возрождения русского народа. Решение «славянского вопроса» привело к формированию проекта русской национальной идеи.

Ключевые слова: «славянский вопрос», русский народ, православие, национальная идея.

Рассматривая славянскую проблематику в творчестве Ф. М. Достоевского, мы обратились к нему не как к художнику, автору знаменитых романов, а, прежде всего, как к публицисту, автору знаменитого «Дневника писателя», публиковавшегося на страницах журнала «Гражданин», вызвавшего живой интерес и многочисленные отклики читателей.

Большое внимание Ф. М. Достоевский уделял так называемому «славянскому вопросу». Подобный интерес автора был связан с ситуацией, сложившейся на Балканах в 70-е годы XIX века, а именно с подъемом национально-го самосознания славянских народов, находившихся под властью Османской империи. События сербо-турецкой войны 1876 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

имели необычайный резонанс и обсуждались на страницах журналов разной политической направленности [1, 164]. Позиция Ф. М. Достоевского имела особое значение, в силу его влияния на общественное мнение России второй половины XIX века [2, 30–31].

Тема «славянского вопроса» в «Дневнике» звучит, прежде всего, как тема единства народа, нации. Достоевский доказывал, что благородная цель войны за освобождение братских славянских народов пробудила в русских сознание общности, сплотила их, обновила и оздоровила нацию. Автор безусловно поддерживал освободительную войну славян, называя ее «благословенной», «народной», необходимой не только для помощи «братьям-славянам», но и для самих себя [3, 106].

Проблема возникновения в русском обществе чувства единения с сербами в период сербо-турецкой войны 1876 г., волновала Достоевского. В своих работах он большое место отводит анализу причин этого движения. Отвечая на вопрос, — почему русский народ не забыл, в крепостном рабстве, «своего великого “Православного дела”, своей великой православной обязанности», — писатель находит ответ на это в свойстве его, как славянина, то есть в способности подыматься духом в страдании, укрепляться политически в угнетении, соединяться взаимно в любви и в христовой истине [4, 103]. Достоевский писал: «Вот потому-то, что народ русский сам был угнетен и перенес многовековую крестную ношу, — потому-то он и не забыл своего “Православного дела” и страдающих братьев своих, и поднялся духом и сердцем, с совершенной готовностью помочь всячески угнетенным» [4, 104].

Важнейшим объединяющим моментом в общественном движении, охватившем русское общество в этот период Достоевский считает религию. Она как фактор, объединивший самые разные слои населения в стремлении осознать себя единым народом: «Может быть, и ничему не верующие поняли, наконец, что значит, в сущности, для русского народа его Православие и “Православное дело”... Они поняли, что это вовсе не какая-нибудь обрядовая церковность, а с другой стороны, вовсе не какой-нибудь религиозный фанатизм (как уже и начинают выражаться об этом всеобщем теперешнем движении русских в Европе), а что это именно есть прогресс человеческий и все очеловечение человеческое, так именно понимаемое русским народом, ведущим все от Христа, воплощающим все будущее свое во Христе и во Христовой истине и не могущим представить себя без Христа» [4, 102]. Как мы видим, в этом высказывании Достоевского о роли и месте Православия в общественном движении в России в период сербо-турецкой войны 1876 г. проецировались собственные представления писателя о решающей роли религии, дающей человеческой жизни единственно твердое основание.

Достоевский подчеркивал объединяющую роль общественного подъема, охватившего Россию с началом сербо-турецкой войны 1876 г. Он писал: «Всякая высшая и единящая мысль и всякое верное единение всех чувство —

есть величайшее счастье в жизни наций. Это счастье посетило нас. Мы не могли не ощутить всецело нашего умножившегося согласия, разъяснения многих прежних недоумений, усилившегося самосознания нации» [4, 100]. И здесь он солидарен с В. Соловьевым, для которого свобода открывается как возможность, появляющаяся вследствие природной неисчерпаемости личности [5, 11].

Как видно из анализа «Дневника» в период сербо-турецкой войны 1876 г., тема взаимоотношений разных слоев общества в кризисные моменты истории является ведущей, так как именно анализом этого факта можно доказать монолитность России в слиянии всех сословий во главе с царем.

Для писателя, понимающего, что в 1812 г. помещик и крестьянин были ближе, чем в годы мира [6, 126], эта тема имела особую привлекательность, давая возможность говорить о единстве классов русского общества, их соединении в народ. В отличие от славянофилов, Достоевский в обычном течении общественной жизни не отождествлял понятия «народ» и «нация», но в применении ко времени исследуемого нами периода он употреблял их часто как синонимы.

В защите славян от власти турок Достоевский видел возможность реализовать России «свою великую идею», великое “Православное дело”» [7, 277]. В то же время, с балканским вопросом он связывал надежду на духовное возрождение самой России, единение русского общества, преодоление его «оторванности от народа» [7, 277]. Историческая роль России, писал он, должна быть реализована в Славянской идее: «добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого, с тем, чтобы уравнивая его с собою в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины» [7, 278]. В основе этого всеславянского единения, по мнению автора, должен лежать, прежде всего, духовный союз славян, основанный на «единстве веры» [3, 295]. Возглавить этот союз призвана была Россия: «кто же, как не Россия должна стать во главе его, в том назначении России» [7, 335]. Однако, по Достоевскому, славянская идея, «славизм», оставалась не просто идеей, духовным «единением всех славян с народом русским и между собою», но имела конкретное политическое воплощение: «вопросы о границах, окраинах, морях и проливах, о Константинополе и пр.» [7, 415]. В связи с этим, можно не согласиться с исследователями, которые настаивали на том, что в отличие от политика Данилевского, Достоевский оставался только на позициях «утопической этико-схоластической концепции» [8, 100]. На наш взгляд, Достоевский вплотную подошел к формированию собственной политической концепции славянского союза, в которой нашла воплощение русская национальная идея.

Рассматривая роль России во всеславянском союзе, надо отметить, что позиция Достоевского со временем претерпевала изменения. Если в «Дневнике писателя»

за 1876 год он пишет о роли России как «покровительницы», «предводительницы, но не владычицы» славян, с «сохранением независимости и личности» отдельных славянских народов, то, уже в 1877 году, по мере усиления роли России в решении балканского вопроса, изменяются взгляды автора на ее позицию в союзе славян. Федерация, по Достоевскому, «есть без сомнения мечта будущего», а пока новой соединительной для них силой и будет Россия, а именно, «она спасет их друг от друга, будет стоять на страже их свободы», «будет стоять на страже всего Востока» [7, 216; 3, 366]. Хотя Достоевский неоднократно утверждает об отсутствии у России каких — либо стремлений к «политическому захвату и насилию», каких — либо выгод от всеславянского союза для нее самой, все же, являются очевидными имперские устремления автора, определяющие Россию на роль восприимчицы Восточной римской империи, политического центра всего восточного христианского мира со столицей в Константинополе. «Россия же немедленно и не колеблясь, утверждает автор, приняла знамя Востока и поставила Царьградского двуглавого орла выше своего древнего герба и тем как бы приняла обязательство перед всем Православием: хранить его и все народы его исповедующие от конечной гибели» [3, 73].

Важная роль в политической концепции Достоевского отводится Константинополю. По мнению Достоевского, «Константинополь рано ли, поздно ли, должен стать нашим» [3, 71]. Не соглашаясь с Н. Я. Данилевским, который видел Константинополь общим городом всех славян, которые будут владеть им вместе с Россией, на равных основаниях, Достоевский утверждал, что «Константинополь должен

быть наш, завоеван нами, русскими, у турок, и оставаться нашим на веки» [3, 364]. Необходимость этого автор объяснял неизбежными ссорами, которые возникнут между народами «за влияние в нем и за обладание им» [6, 364]. Но, при этом: «Царьград мог бы быть нашим и не как столица России, но и не как столица Всеславянства» [3, 72].

На основании изложенного, можно сделать вывод: рассматривая на страницах «Дневника» «славянский вопрос», Ф. М. Достоевский сформулировал в итоге религиозно-политический проект русской национальной идеи. В своей концепции автор отводит России не только роль духовного лидера славян, но и видит в ней реальную имперскую политическую силу на Востоке. Однако планы автора идут дальше Востока, всеславянская федерация являлась лишь первым шагом в реализации общечеловеческой задачи России. «Восточный вопрос, писал он в 1877 году, это чуть не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нем и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное соединение с нею, но уже на новых могучих плодотворных началах» [3, 81]. Но уже в 1881 году, приближаясь к концу жизни, пережив позор Берлинского конгресса, сводящего на нет все успехи России в войне с Турцией и разочаровавшись в Европе, он отходит от своих прежних планов и устремляется в Азию. «Россия не в одной только Европе, утверждал он, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших может быть Азия то и есть наш главный исход!» [3, 514–515].

Список литературы:

1. Кочуков С. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. – 2011. – № 11. – С. 163–166.
2. Иванова С. И. Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // Ежегодник Русско-польского института. – 2012. – 1(2) – С. 9–33.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. / Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. 11. – 3-е изд. – СПб.: Типография Пантелеевых, 1888. – 523 с.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель / Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 23. – Л.: Наука, 1981. – 420 с.
5. Власова Ю. В. Онтологическая картина мира русской философии / Система ценностей современного общества. – Новосибирск: ЦРНС. – № 11. – С. 9–12.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. Май-октябрь / Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 22. – Л.: Наука, 1980. – 460 с.
7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С многочисленными приложениями / Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. 20. – Петроград: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911. – 419 с.
8. Де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. – М.: Наука, 2004. – 207 с.

*Hajiyev Mahammad Shahbaz oglu,
Doctor of Philosophy, Position executor professor
of department «General Mathematics»,
Nakhchivan State University, The Azerbaijan Republic
E-mail: mamedhaciye16@mail.ru*

Mathematical abstraction and especially a system of scientific branches

Abstract: In clause {article} «Mathematical abstraction and especially a system of scientific branches» is opened sense philosophy of sciences and them problematic problems {tasks}. Also it is considered {examined} on interrelation such problematic problems {tasks} with mathematical abstraction.

Use of mathematical methods in various sciences allows opening a structural generality of the laws underlying the description of the various phenomena and processes, and with not сходностей areas in which these laws operate.

Mathematics role in natural sciences, humanitarian and social studies consists in that she offers the general and accurate enough models for studying of the surrounding validity unlike more indistinct qualitative models, characteristic to a mathematical stage of development of the given science.

Keywords: stepped form, the mechanism of development of science, the family, the role of mathematics, the characteristic features of modern science, to describe various phenomena and processes.

*Гаджиев Магомед Шахбаз оглы,
Доктор философских наук, И. о. профессора кафедры «Общей математики»
Нахичеванского Государственного Университета Азербайджанской Республики
E-mail: mamedhaciye16@mail.ru*

Математические особенности абстрагирования и системы научных отраслей

Аннотация: В статье «Математические особенности абстрагирования и системы научных отраслей» раскрывается смысл философия наук и их проблематических задач и взаимосвязи таких проблематических задач с математическим абстрагированием.

Использование математических методов в различных науках позволяет вскрыть структурную общность законов, лежащих в основе описания различных явлений и процессов, и с не сходностей областями, в которых действуют эти законы.

Роль математики в естествознании, гуманитарных и общественных наук заключается в том, что она предлагает общие и достаточно четкие модели для изучения окружающей действительности в отличие от более расплывчатых качественных моделей, характерных до математического этапа развития данной науки.

Ключевые слова: ступенчатый вид, механизм развития наук, семейство, роль математики, характеристические особенности современных наук, описания различных явлений и процессов.

Развитие математики и расширение области ее применения показали, что в материальном мире существует ряд объектов и отношений, математическое описание которых не сводится в чистом виде к количественным отношениям и пространственным формам. Выявилась роль таких структур, как эквивалентность, порядок, близость, семейство и т. д.

В процессе познавательной деятельности человек отражает объекты и явления реальных действительностей либо в форме чувственных образов, либо в форме понятий, являющихся приближенными описанными отражениями этих действительных объектов или явлений объективного мира. Понятия образуются в сознании человека в результате отвлечения от несущественного в изучаемом объекте, а также в результате обобщения, которое упрощает изучение данного объекта обычно представленного в реальном мире весьма

многообразно. И эти умственные построения в процессе познания и понимания называют научными абстракциями.

Роль математики в естествознании, гуманитарных и общественных наук заключается в том, что она предлагает общие и достаточно четкие модели для изучения окружающей действительности в отличие от более расплывчатых качественных моделей, характерных до математического этапа развития данной науки.

Использование математических методов в различных науках позволяет вскрыть структурную общность законов, лежащих в основе описания различных явлений и процессов, и с не сходностей областями, в которых действуют эти законы.

Разумеется, вышеупомянутые характерные черты математики и в современном развитии отрасли наук, стали весьма актуальными.

Перечислим важнейшие особенности математической абстракции, которые по сути отличают процесс абстрагирования в математике от аналогичного процесса в иных науках:

1. По сравнению с естествознанием вопрос абстрагирования в математике идет значительно дальше. По другим словам, где естествознание останавливается, математическое исследование только начинается.

2. Абстрагирование в математике чаще всего выступает как многоступенчатый процесс. Поэтому в математике весьма часто встречаются абстракции от абстракций. То есть математическая абстрагирование имеет ступенчатый вид, характер.

3. По всей истории математики можно выделить три больших этапа в развитии абстракций: а) на первом этапе отвлекаются от конкретной, качественной природы объектов; б) на втором этапе стали отвлекаться от конкретных чисел и величин; в) на третьем этапе, связанном с переходом к современной математике, стали отвлекаться не только от конкретной природы объектов, но и от конкретного смысла отношений между ними.

4. В процессе математической абстракции широко используются идеальные объекты. Примером такового можно назвать математический маятник.

5. Многие системы абстракций в математике, возникнув на базе опыта или даже в процессе чисто логического развития теории, не требуют в дальнейшем обращения к опыту.

Математические абстракции являются важным моментом в понимании вещей объективных действительностей.

Широкое использование в математике абстрактных понятий приводит к использованию для их изучения особым методом познания: аксиоматического моделирования.

Мышление представляет собой сложный познавательный процесс, включающий в себя использование множества различных приемов, методов и форм познания. Методами называются более сложные познавательные процедуры, которые включают в себя целый набор различных прием исследования и которые фиксируют совокупности определенных правил, законы характеризующих порядок познавательных операций. Ведущие философы методам научной познаний подразделять на три группы: специальные, общенаучные и универсальные. Специальные методы применяются только в рамках отдельных наук. К таким методам относятся, например, различные методы качественного анализа в химии, метод спектрального анализа в физике и химии с применением математического аппарата, метод статического моделирования при изучении сложных систем и т. д. Общенаучные методы характеризуют ход познания во всех науках. К ним относятся: методы эксперимента и наблюдения, метод моделирования, метод восхождения от абстрактного к конкретному и т. д. Универсальные методы характеризуют человеческое мышление в целом и применимы во всех областях науки. И основой таких методов вступают философские методы.

С помощью возникновения и формирования новых математических научных областей, математика стала широко применяться различными областям наук. Развитие науки — это процесс, который не нуждается в доказательстве. Ясно, что проблематичные задачи, связанные с развитием наук, получают более сложный характер. Проблемы современной философии невозможно решать только с помощью одной науки, так как, в результате глобальных изменений в мире и решения проблемных задач современного мира тесно связаны с развитием наук в определенном значении:

1) В чем состоит сущностью механизма развития наук?

2) Какова новизна, какие черты отличаются предыдущими научными знаниями, связанные с соответствующими предметами научных областей?

3) В чем отличается, характеристические особенности современных наук, предыдущих. Какие превосходящие особенности.

4) Зачем и для чего они удалены из системы (предыдущих) знаний сравнивая недавно полученных (новых)?

Естественно, что никакой современный исследователь не в состоянии иметь достаточно подробной информации о таких многосторонних научных областях. Современный исследователь в лучшем случае в состоянии иметь информацию о нескольких специальных предметах. Таким образом, применение новой модели в определенной области к другим научным областям связано с определенными трудностями. С этой точки зрения мы должны всегда задавать вопрос, что является общими чертами, связанными со всеми научными областями, какие их существующие, совместные, объективные и определенные особенности конкретной области наук и какие объединенные методы этой области, связаны с пониманием.

Развитие математики является естественным ответом на все возрастающую сложность и трудность проблем, с которыми она имеет дело. Поскольку такие проблемы прямо или косвенно возникают при решении задач других областей науки, эта сложность математических проблем отражает все возрастающую сложность и разветвленность современного естествознания и наук в обществе.

В настоящее время развитие математики происходит в процессе борьбы сплетающихся в ней противоположностей: конкретного и абстрактного, частного и общего, формального и содержательного, бесконечного и конечного, аксиоматического и конструктивного, дискретного и непрерывного. Эта борьба противоположностей, развивающаяся по законам, открытым диалектикой, приводит к их постоянному восстановлению и разрешению на все более приближающихся к действительности ступенях познания, к всему глубокому и полному пониманию объективной реальности, идущему по восходящей линии.

В заключении можно сказать, что в современном периоде развития математики, математика стала, и есть прикладной наукой большинства наук, особенно для наук природоведения, для наук экономических, социальных и др. И поэтому, математическое абстрагирование, как ме-

тод, занимает особое место в системе наук. Такая природа абстрагирования и служит пониманию действительности. Можно сказать так, что каждое математическое понятие содержит в себе специфические черты абстрагирования

— это может быть символическим или в виде слов, предложений или высказываний, содержащих основное свойство (или свойства) вещей, понятий, которые они считают объектом понимания.

Список литературы:

1. Философия: учебник/под. ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. – 4-е изд. – М.: Академический Проект; Трикста, 2007. – 688 с.
2. Философия: учебник/под. общей ред. Л. Н. Москвичева. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 688 с.
3. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1991. – 383 с.
4. Современные основы школьного курса математики: Пособие для студ. Пед. ин-тов./Н. Я. Виленкин, К. И. Дуничев, Л. А. Калужнин, А. А. Столяр. – М.: Просвещение, 1980. – 240 с.
5. Методика преподавания математики в средней школе: Общая методика. Учеб. пособие для ст. пед. ин-тов. Составители: Р. С. Черкасов, А. А. Столяр. – М.: Просвещение, 1985. – 336 с.
6. Akperov M. S. Philosophical problems of mathematics. – Баку: Элм, 1992. – 201 p.
7. Александров А. Д. Проблемы науки и позиции ученого – М.: Мысль, 1988. – 384 p.
8. Ruzavin G. I. Science philosophy. – М.: ЮНИТИ, 2005. – 387 p.
9. Ruzavin G. I. Philosophical problems. – М.: ЮНИТИ, 2005. – 182 p.
10. Ruzavin G. I. The concept of modern natural sciences. – М.: Gardarika, 2005. – 240 p.
11. Stepin V. S. Filosofija of a science: the General problem. – Th.: Gardarika, 2006. – 380 p.

*Enikeev Anatoly Anatolyevich,
Kuban State Agrarian University,
PhD, Associate Professor of philosophy
E-mail: rizoma69@yandex.ru*

*Baranov Daniil Olegovich,
Kuban state agrarian University, Student of economic faculty
E-mail: denilson1998@yandex.ru*

The economic dimension of mediareality: space text and image

Abstract: the Article is devoted to the solution of the question about the economic dimension of reality. The authors postulate symbolic nature of the “consumer society”, consisting of texts and images. The conclusion about the need for further research of media reality using methods a “topological” analysis.

Keywords: media reality, text, image, topology, consumer society, culture, economy.

*Еникеев Анатолий Анатольевич,
Кубанский государственный аграрный университет,
Канд. филос. наук, доцент кафедры философии
E-mail: rizoma69@yandex.ru*

*Баранов Даниил Олегович,
КубГАУ, Студент экономического факультета
E-mail: denilson1998@yandex.ru*

Экономическое измерение медиареальности: пространство текста и образа

Аннотация: Статья посвящена решению вопроса об экономическом измерении медиареальности. Авторы постулируют символический характер «общества потребления», состоящего из текстов и образов. Делается вывод о необходимости продолжения исследований медиареальности с использованием методов «топологической аналитики».

Ключевые слова: медиареальность, текст, образ, топология, общество потребления, культура, экономика.

Особенностью современного постиндустриального общества является экономическое измерение культурных процессов. Это означает, что культура современного общества становится частью процесса экономического производства и потребления. Не случайно многие исследователи говорят об «обществе потребления» как сложившейся системе отношений, присущих современности [4]. Ключевым механизмом функционирования данного общества является появление «медиареальности» в качестве особого онтологического измерения культуры [10]. Медиареальность становится не только актуальной реальностью современной культуры, но и частью экономических процессов современного общества, поэтому данный феномен требует своего теоретического осмысления.

Впервые об экономическом измерении современной массовой культуры стали говорить в рамках Франкфуртской школы социальных исследований, в частности в работах В. Бенямина, который указал на изменение статуса произведений искусства в эпоху их «технической воспроизводимости» [2, 190–234], а также стал говорить об «авторе как производителе» [2, 133–163]. Впоследствии идея медиакультуры как составляющей экономического процесса общества потребления активно разрабатывалась известным теоретиком глобализации М. Маклюэном [9].

Современные же исследования медиареальности исходят из необходимости «теоретического осмысления образов», которые существуют в культурном пространстве. Здесь важным является вопрос о месте (топосе), которое занимает образ в процессе культурного воспроизводства и поэтому приоритетной является «топологическая проблематика» [10; 7]. В то же время следует учитывать то обстоятельство, что «насилие визуального образа», о котором говорят современные аналитики, требует новых стратегий «прочитывания образа», избегания реальности и поиска новых пространств выражения субъективности [5]. Образ прочитываем в том смысле, что вся реальность современной культуры представляет собой один большой текст или, точнее, множество текстов, объединенных в некий «гипертекст» [6]. Экономическое измерение данного текста — задача «экономики текста» в качестве актуального исследования медиареальности [8].

В. Савчук говорит о своеобразном «иконическом повороте», когда образ является условием существования культуры, поскольку он считает, что онтологический и лингвистический поворот современный философский дискурс уже пережил. Тогда уместно говорить об экономическом измерении текста и образа, своеобразной «переоценке ценностей», а также определении стоимости культурного пространства — это задача современной философской рефлексии и аналитики [10; 7]. Если традиционная экономика модернизма еще учитывала фактор «реального производства», то экономика эпохи постмодерна имеет дело только с символическими формами или «симулякрами» [3], ценность которых определяется конвенционально.

Р. Барт в работе «Риторика образа» делает ряд ценных замечаний для понимания ситуации, которая сложилась в современной медиареальности. Во-первых, изображение всегда определенным образом «сопротивляется смыслу», поэтому возникает вполне закономерный вопрос: «где кончается смысл? И что находится по ту сторону смысла?» [1, 298]. Говоря современным языком, можно задать вопрос: какую реальность репрезентирует реклама, какую реальность онтологизирует фотография? Какой язык нужен для рефлексии этой реальности? Во-вторых, по мысли Барта изображение всегда сопровождается текстом и потому возникает вопрос: «Избыточно ли изображение по отношению к тексту, дублирует ли оно информацию, содержащуюся в тексте, или же, напротив, текст содержит дополнительную информацию, отсутствующую в изображении?» [1, 303]. Анализ данной ситуации позволил Барту обозначить две функции языкового сообщения по отношению к иконическому: закреплять и связывать.

«Закрепить» — это ответить на вопрос «что это такое?», то есть остановить «плавающую цепочку означающих», которая тревожит и вызывает беспокойство у зрителя. Буквально поименовать, чтобы выбрать «правильный уровень восприятия», направить взгляд, топологически обозначить ракурс и точку зрения. Текст в этом смысле выполняет идеологическую и репрессивную функцию, с его помощью зрителю навязывается «правильный взгляд» на вещи, образ же сохраняет нейтральность (многозначность и вариативность). Связующая функция — это сотрудничество образа и текста в пространстве медиареальности, которые могут быть поняты на уровне сюжета, то есть более широкого смыслового контекста. Однако нет никакого «чистого изображения», поскольку за любым образом (особенно это видно в рекламе) стоит отдельная языковая реальность (медиареальность), которая обладает своими кодами, значениями и смыслами, расшифровка которых задача аналитики.

В этом смысле текст как бы первичен по отношению к образу, но нужно встречное движение текста аналитического, чтобы понять изначальный текст (архе-текст) рекламы или фотографии. И вовсе не обязательно, что он репрессивно призывает нас к каким-то действиям (совершить покупку, например) и даже если он является «сообщением самим по себе» [9, 9–26], то за ним всегда имеется другая реальность, собственно медиареальность, загадочный свет которой притягивает к себе смыслы и концепты. Барт утверждает, что нет и быть не может буквального изображения, даже если создать «наивное» изображение оно тут же станет знаком собственной наивности, всегда имеет место символический и знаковый характер описываемой реальности [3].

Намечая перспективы дальнейших исследований в данном направлении следует отметить ряд обстоятельств. Во-первых, необходимо учитывать символический характер медиареальности, проявляющийся в отсутствии буквального значения и реальной стоимости тех или

иных «медиатекстов». Во-вторых, пространство медиа-реальности перенасыщено текстами и образами, которые требуют упорядоченности и «топологической аналитики» [7]. В-третьих, экономическое измерение медиареальности предполагает способность исследователя использовать имеющиеся тексты и образы для репрезентации

собственной субъективности. В данном случае это означает не только определение своего собственного места в культурном пространстве современного «общества потребления», но и способность правильно оценивать значимость тех или иных культурных явлений и процессов, что предполагает развитие художественного вкуса и воображения.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
2. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей. – М.: РГГУ, 2012. – 288 с.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Академический проект, 2007. – 335 с.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
5. Еникеев А.А. Антропология «приватных впечатлений» В. Беньямина // Модернизация гуманитарного и художественного образования: инновационные стратегии развития. Материалы Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Часть 1. – Краснодар: КГУКИ, 2014. – С. 204–211.
6. Еникеев А.А. Гипертекст в пространстве современного социально-гуманитарного дискурса: проблема философского обоснования // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Самара: ПГСГА, 2010. – С. 43–46.
7. Еникеев А.А. Методология топологической аналитики в социально-гуманитарном дискурсе XX века (Исторический экскурс и постановка проблемы) // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – № 3(54). – С. 34–36.
8. Кропотков С.Л. Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1999. – 408 с.
9. Макаюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.
10. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2012. – 416 с.

Zafarova Sitara Zafarovna,

Senior scientific researcher,

The Samarqand State Institute of Foreign Languages

E-mail: naumenko06@mail.ru

The idea of the “perfect man” in the doctrine of the Sufism

Abstract: In this article the aim, basis categories and idea of education of the perfect man in the doctrine of the Sufism are considered.

Keywords: Sufism, Sufi, tasawwuf, perfect man, God, Divine Love, path of love, spirit, spiritual world.

The Sufism (also Sufi Islam or tasawwuf), presumably from the Arabic “suf” (wool) — mystical movement in Islam. This term is uniting all Islamic teachings, the purpose of which is to develop the theoretical foundations and practical ways, providing the possibility of direct communication with God. The Sufism is the path of purifying of the soul from evil qualities (nafs) and instilling commendable qualities of the spirit (Ruh).

After the era of Muhammad the Islamic heritage was transformed in the various sciences: Fiqh, science of Hadith, science of the Quran [4]. With the expansion of the Caliphate, and the focus in it's enormous wealth among the Muslims prevailed material aspirations. However, the works on fiqh became more “dry”: they are more described details of execution rituals, punishments and other similar questions. At this time began to appear the scientists who began to call people to return to the simple lifestyle. They emphasized the sincerity, the struggle with his nafs, the eradication of such diseases of

the soul as envy, arrogance, avarice. This direction received the name of tasawwuf (Sufism).

This way the murid (“the seeker”, “thirsty”) is held under the guidance of a Murshid (“spiritual guide”), already reached the end of the path and received from his Murshid the resolution (idjaz) to mentoring alone or in the presence of well-developed natural intuition (inner teacher).

The Sufi sheikhs are part of a chain of continuity of doctrine, which, according to the canons, dates back to Muhammad. The one that does not have the above “idjaz” (“stamp of heart”) from his Sheikh in the counsel of the murids is not a true Sheikh and has no right to train interested persons in the Sufism (tasawwuf, tariqa).

The theologian al-Ghazali (1058–1111) considered that the Sufism is the very essence of Islam. The merit of al-Ghazali is that he tried to eliminate the contradictions between the Islamic Orthodoxy and the Sufism. According to al-Ghazali, Sufism, the true criterion is the absence

of contradictions with the Quran and the Sunnah of the prophet Muhammad.

The Sufism is a sacred doctrine that contains the “key” to all knowledge. Its task is to raise man to a higher stage of perfection. All of science given to humankind to know the creations of God, and the Sufism is given to know The Supreme, to reach the Truth.

Only by knowing their true essence, people can achieve the direct perception of God and union with Him. This is expressed very laconically in the hadith of Sunna, says: “Who knows himself knows God” [3]. In the final stages of such cognition, the individual human consciousness merges with the Divine Consciousness. This final goal is described in the Sufi tradition as the highest state of consciousness Baqi bi-Allah (the Eternity in God). In Hindu and Buddhist traditions this term are Kaivalya, Mahanirvana, Moksha.

The heroic path becomes a Sufi, requires liberation from external troubles, worldly affections and material passions, abstinence and restrictions, refusal of benefits; encourages poverty and constant “muhasiba” — the practice of self-observation. The greatest joy is to meet the spiritual and not material needs, union with God, which is achieved only at the end of the path and which introduces in the “fan” — a state of nothingness, disappearance, ecstasy and euphoria. Sufis there have no instructive requirements for all. However, only the elected can judge yourself about what is good and the rest should follow the judgments of teachers. The believer must be judged not by works, but by intentions and they must be clean; it is loyal enough mounting. God allows evil to exist. Evil is the temptation to defect, and it exists for human trials. Evil is inevitable. Hence the sermon of humble and calm attitude towards it. People are free to choose between good and evil.

Conscious limitation of material needs is the result of much effort for spiritual perfection. For example, the self-restraint to asceticism is the initial operation condition of the Sufi's activity.

The aim of the Sufism is the education of the “perfect man” (Insan al Komil), which is free from the material values and managed to rise above the negative qualities of his nature. The Sufism has inspired its followers, exposed the deep qualities of the soul and played a big role in the development of aesthetics, ethics, literature and art. “Insan al Komil” — the “perfect man”, first of all, learns to love life through work, for the life through work, for life is work, work with love and inspiration: “Work with love means to weave clothes ... like those clothes wearing lover” [5]. “Komil Inson” stood as the benchmark and role models, who have the right to judge good and evil, and in the end the way of improvement was to merge with God. For the traditionalists, this was a dangerous sedition.

The central doctrine of the Sufism is the idea of “the perfect man”. This term was first coined by Ibn Arabi. He said: “In man

contains potentially all that exists. The perfect man therefore conceived as a space and therefore was considered as beautiful. And Sufis came to the conclusion that the Space reaches its perfection in man: “man is the most perfect being of the Universe. And only in him the nature comes to self-knowledge” [1].

The Sufi concept of the perfect man comes from the fact that man being the very core of the universe, on the one hand, has something in common with the supernatural, the other — with the authentic world. As a result, he not only can know the Divine truth, but he becomes it. Of great interest are reasoning about Najmiddin Razi. According to his teaching, man has a double perfection: the first is of his commonality with all things, the second, peculiar only to him — the ability to reach the highest perfection, that is, to understand the truth [6].

The basis of the Sufism is love (mahabba, hubb). Sometimes the Sufis even say of their teaching as “the hymn of the Divine Love” and call it tassa-wuri — “love-vision”. The Love is regarded in the Sufism as the power which leads to a permanent increase of the sense of inclusion in God. This process leads to the understanding that in the world there is nothing but God, Who is both Lover and the Beloved. One of the main principles of the Sufism — “Ishk Allah Mabut Allah (... God is Lover and Beloved)”.

A truly loving Sufi is gradually sinking, sinking and dissolving in the Creator in his Beloved. The perception of God as the Beloved originated from direct, immediate experience. The Sufis describe this as follows. When a person passes a certain distance along the Path of Love, God begins more actively to help the seeker, bringing him to His Abode. And then the person begins to feel more intensely sensate the Divine Love.

The Sufi sheikhs often live in the world, occupied with common worldly activity. They may have a store, a workshop, a forge, writing music, books, etc. This is because the Sufis believe that there is no any need in solitude, a hermit to go to God.

The Sufism elicits flaws and points to ways of getting rid of them. This discipline helps the soul to overcome obstacles by ridding of the soul from diseases and bad qualities, thus, leading to liberation of the heart “from everything except Allah, and to the adornment of his remembrance of the Great Creator”.

And there is this definition: “The Sufism is the highest morality. Whoever surpasses you in good character surpasses you in Sufism”.

To summarize, it is appropriate to cite the following statement by Ahmad Zarrukh: “The Sufism was given more 2 000 definitions, but their essence all comes down to one thing — selfless, sincere repentance to Allah and service to Him”. The pillar of the Sufism is purification of the heart from earthly passions, and his support is man's relationship with the Great Creator. The Sufi is he whose heart is freed from everything except Allah and any of his actions for Him.

References:

1. Голованова В. Г. Курс лекции по «Основам философии». – Ташкент, 1999. – С. 86.
2. Идрис Шах. Суфизм. – М.: Клышников, 1994. – С. 5.

3. Суфии. Собрание притч и афоризмов. – М.: ЭКСМО, 2001. – С. 15.
4. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. – М.: Гелиос, 2002. – С. 27.
5. Умаров Э. У., Загыртдинова Ф. Б. Этика. – Ташкент, 2005. – С. 97.
6. Шермухамедова Н. Гносеология. – Ташкент, 2007. – С. 59.

*Seregin Alexander Vasilevich,
Ufa Institute (branch) Plekhanov Russian Economic of University,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of «Humanities» department
E-mail: itkaf@mail.ru*

*Ahmatnabiev Renald Railevich,
Ufa Institute (branch) Plekhanov Russian Economic of University,
Student direction «Management»
E-mail: ahmatnabievr@gmail.com*

Problems of interaction between global and national components of advertising activity

Abstract: This article analyzes the development of global and national components of the promotional activities, as well as their mutual interaction. In conclusion, the article indicated by the specified interference problems.

Keywords: Global components national components, regional components, advertising, promotional activities.

*Серегин Александр Васильевич,
Уфимский институт (филиал) Российского
экономического университета имени Г. В. Плеханова,
Кандидат философских наук, доцент кафедры
«Гуманитарных дисциплин»
E-mail: itkaf@mail.ru*

*Ахматнабиев Ренальд Раилевич,
Уфимский институт (филиал) Российского
экономического университета имени Г. В. Плеханова,
студент специальности «Менеджмент»
E-mail: ahmatnabievr@gmail.com*

Проблемы взаимодействия глобальных и национальных компонентов рекламной деятельности

Аннотация: В данной статье проанализировано развитие глобальных и национальных компонентов рекламной деятельности, а также их совместное взаимовлияние. В заключении статьи, обозначены проблемы указанного взаимовлияния.

Ключевые слова: глобальные компоненты, национальные компоненты, региональные компоненты, реклама, рекламная деятельность.

В современных условиях общественного развития в массовом сознании укореняется «широкое определение рекламы, отражая её сущность как многообразного общественного явления современности, что не исключает её подразделения на отдельные виды (отрасли), ограничивающие рекламно-информационную деятельность определенными сферами общественно-экономической жизни людей» [1, 3]. Отсюда в последнее время чётко прослеживаются глобальные и национальные компоненты её развития. Таким

образом, «глобальная стратегия подразумевает единую стандартную программу маркетинга, которая практически не подвергается модификации в расчёте на различные регионы, многонациональный подход учитывает культурные различия рынков и их конкурентные ситуации» [2, 450]. Поэтому, учет культурных различий рынков заставляет согласиться с тем, что «рекламная продукция базируется на глубинных социокультурных предпосылках и затрагивает разнообразные сферы человеческих контактов» [3, 8].

Разумеется, обозначенное понимание рекламной деятельности было обусловлено всем историческим процессом её развития, начиная с проторекламы и заканчивая современностью. Понятно, что в первоначальный период развития рекламной деятельности глобальные компоненты отсутствовали элементарно из-за отсутствия самого процесса глобализации. Однако, несмотря на то, что в период средних веков «силы человеческие были как бы внутренне духовно сосредоточены, но не были достаточно внешне проявлены» [4, 100] возник некий базис в лице общеевропейской христианской религии, который затем стал основой развития глобальных тенденций. Следует учитывать и то, что последующий период стал расцветом развития национальных компонентов, где чётко выделяются английское, французское и немецкое направление рекламной деятельности. Так, английское направление рекламной деятельности главный упор делало на достоверности и объективности рекламной информации, французское направление отличало «повышенное внимание к эстетическому оформлению рекламной продукции» [5, 18], немецкое направление акцентировало свою деятельность на лаконизме изложения рекламной информации. Однако, северо-американское направление синтезировало указанные национальные компоненты в некое единое направление развития рекламной деятельности. Парадоксально, но фактор определенного запаздывания развития американской рекламы сыграл в определённой степени положительную роль, ибо появилась возможность всестороннего анализа прошлого развития рекламной деятельности. Другим положительным фактором её развития стало возникновение индустриального общества, ибо «индустриализм нечто большее, чем дымящиеся трубы и поточные линии, это богатая многосторонняя социальная система, касающаяся любого аспекта человеческой жизни» [6, 53]. Впрочем, окончательное доминирование глобальных компонентов в развитии рекламной деятельности стало возможным, когда «европейцу стал понятен американский образ жизни, прежде для него тёмный и загадочный» [7, 29]. Отсюда возникает закономерный вопрос о том, что же такое «американский образ жизни»? В самых общих чертах его можно выразить принципом «Дело Америки — это бизнес». С другой стороны всемирное распространение и доступность различного рода средств массовой информации сделало глобальные компоненты главенствующим фактором развития современной рекламной деятельности.

Необходимо, здесь ещё отметить то, что в период глобализации «рекламная деятельность имеет определённый компонент мифологии и мистицизма» [8, 199]. Указанный

фактор в данный период наиболее актуален для развития отечественной рекламной деятельности, ибо «процесс развития мифологии в России никогда не прекращался, просто менялись формы этого развития; одна форма мифологии сменяла другую, из одной формы мы попадали в другую форму мифологии» [9, 221–222]. Таким образом, и можно объяснить то, что маркетинговая реклама в контексте развития отечественной рекламной деятельности была развита достаточно слабо. Отсюда «несколько лет рекламы как таковой не существовало, вернее, существовала только политическая реклама» [10, 64]. Разумеется, речь идёт о советском периоде отечественного развития. Однако, думается, что в настоящее время политическую рекламу можно в определённой степени отождествить с патриотической рекламой. Отсюда следует согласиться с тем, что «патриотические тенденции рекламной деятельности — это своеобразная форма современной мифологии» [11, 186]. Отсюда, восприятие отечественной рекламной деятельности следует охарактеризовать принципом «Реклама — это искусство», когда «целью рекламы является создание “красивых” имиджей» [12, 16]. Поэтому, коммерческая эффективность такого рода рекламы мало кого волнует. Впрочем, необходимо понимать то, что восприятие рекламной деятельности в отечественных регионах весьма различно. Указанный фактор следует объяснить тем, что «крупные российские города развиваются по сугубо западному пути и мало чем отличаются от ультрасовременных западных городов, в российских регионах, наоборот, большинство населения тяготеет к патриархальным традициям» [13, 145]. Таким образом и можно объяснить миграцию креативной части регионального населения в крупные города, что является наглядным результатом взаимодействия глобальных и национальных компонентов развития рекламной деятельности. В определённой степени указанным фактором можно объяснить поток мигрантов в страны европейского союза, но это предмет отдельного крупномасштабного исследования. Отсюда, нужно выделить следующие проблемы, обозначенные изложенным материалом. Во-первых, исследования взаимодействия глобальных и национальных компонентов рекламной деятельности практически не ведутся. Во-вторых, исследования взаимодействия глобальных и региональных компонентов рекламной деятельности, вообще, отсутствуют. В-третьих, отсутствуют практические результаты обозначенных исследований, ибо без теоретических исследований практические результаты просто возникнуть не могут. Поэтому, изложенный материал необходимо рассматривать как некий призыв к проведению обозначенных исследований и дальнейших дискуссий по полученным результатам.

Список литературы:

1. Шуванов В. И. Психология рекламы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 320 с.
2. Сивулка Дж. Мыло, секс и сигареты. – СПб.: Питер, 2002. – 576 с.
3. Учёнова В. В., Старых Н. В. История рекламы. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 174 с.

5. Азаматов Д. М., Серёгин А. В. Основные периоды развития рекламной деятельности. – Уфа: УИ РГТЭУ, 2005. – 82 с.
6. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2004. – 509 с.
8. Серёгин А. В. Рекламная деятельность периода глобализации. // Материалы VII Российского философского конгресса. В 3 т., Т. 2. – Уфа: БГУ, 2015. – С. 198–199.
9. Серёгин А. В. Философские потенции языческой мифологии Древней Руси // Философия, культура и нравственность на рубеже тысячелетий. Сборник научных статей. – Уфа: БГУ, 2001. – С. 214–223.
10. Ромат Е. В. Реклама. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
11. Seregin A. V., Ahmatnabiev R. R. Understanding the patriotie tendencies of development national advertising // VI Congress on Social Sciences and Humanities. “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – Vienna, 2015. – P. 185–187.
12. Ульяновский А. Россия: краткая эволюция рекламы в постсоветском периоде // Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. – СПб.: Питер, 1999. – С. 16–18.
13. Серёгин А. В. Онтологизация понимания веры в русской философии // Современная социальная онтология: итоги и перспективы. Материалы научной конференции. – Уфа: БГУ, 2001. – С. 139–146.

Section 11. Economics and management

*Bogdanova Indira Musafendievna,
Senior lecturer of Dagestan State Technical University
E-mail: dani.bm09@gmail.com*

*Kadyrova Leila Fatmirovna,
Dagestan State Technical University,
student, the faculty of finances and audit*

Modern state and strategy of development of agroindustrial complex of the Russian Federation

Abstract: The authors evaluate the modern conditions and problems of agro-industrial complex of the Russian Federation. The authors determine the strategy of development of the complex, based on the implementation of the economic mechanism for sustainable development.

Keywords: agroindustrial complex, agricultural products, investments, innovations.

*Богданова Индира Мусафендиевна,
Старший преподаватель Дагестанского
Государственного Технического Университета
E-mail: dani.bm09@gmail.com*

*Кадырова Лейла Фатмировна,
Дагестанский Государственный Технический Университет,
студент, факультет финансов и аудита*

Современное состояние и стратегия развития агропромышленного комплекса Российской Федерации

Аннотация: Авторы оценивают современные условия и проблемы агропромышленного комплекса Российской Федерации. Авторы определяют стратегию развития комплекса, основанного на реализации экономического механизма устойчивого развития.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельскохозяйственная продукция, инвестиции, инновации.

Агропромышленный комплекс имеет огромное значение для нашей страны. Являясь сложнейшей структурой макроэкономики, он вмещает в себя сельское и промышленное производство. Во много раз возросла его роль после объявления так называемых «санкций» — ограничений политического и экономического характера, которые наложили на Россию мощнейшие державы мира. Помимо санкций влияние на развитие и резко возросшую роль агропромышленного комплекса оказало ответное эмбарго России.

Вслед за санкциями последовал существенный отток инвестиций, который затронул как агропромышленный комплекс, так и всю экономику России в целом. Так, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) в июле 2014 г. заморозил инвестиции в аграрные проекты в России (в том числе с участием фирм Франции и США) на 271 млн. долл., что эквивалентно 45 % прямых

иностранных инвестиций, привлеченных в сельское хозяйство РФ в 2014 г. Но, исследуя общую динамику, можно сделать следующий вывод — в целом приток внешних инвестиций в российский агропромышленный комплекс сохранился. В I квартале 2015 г. по сравнению с I кварталом 2014 г. суммарные привлеченные прямые иностранные инвестиции в сельском хозяйстве и пищевой промышленности снизились лишь на 12 %. Их доля во всех прямых иностранных инвестициях практически не изменилась (3,6 %) и даже в 1,3 раза превысила показатель 2011 г. [1].

Прямые иностранные инвестиции в Россию в 2015 году рухнули на 92 %.

Несмотря на это, сильным толчком для развития агропромышленного комплекса оказало введенное в 2014 году в ответ на санкции агропродовольственное эмбарго — запрет на ввоз определенных видов как

сельскохозяйственной, так и продовольственной продукции из стран Европейского союза, США, Австралии, Норвегии, а, начиная с 2015 года, из Албании, Исландии, Черногории, Лихтенштейна. Следует отменить и введенный запрет на продукцию свиноводства и других отраслей сельского хозяйства по фитосанитарным причинам.

В силу вышеперечисленных обстоятельств, ситуация в стране значительно изменилась.

Во-первых, значительно возрос агропродовольственный экспорт, который уже к концу 2014 года покрыл импорт на почти на 48 %. Сохранилась подобная тенденция и в 2015 году.

Во-вторых, на российском рынке произошло значительное ослабление конкуренции импортной продукции, что способствовало значительному приросту доходов отечественных пищевых компаний и агрохолдингов. По оценке агентства RAEX («Эксперт РА»), общая выручка входящих в число 600 крупнейших компаний России 13 агрохолдингов в 2014 г. возросла на рекордные 32,1 %, 21 пищевой компании — на 13,8 % против 12,7 % по промышленности в целом. Подобные тренды наблюдаются и в 2015 г. Так, третья по объему продаж среди российских агрохолдингов группа «Русагро» за 9 месяцев 2015 г. увеличила выручку на 21 % по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. Эти результаты связаны, в частности, с вхождением ряда ведущих российских компаний агропромышленного комплекса в международные цепочки добавленной стоимости, прежде всего в системы крупнейших мировых ТНК [1].

В-третьих, цены на отдельные виды сельскохозяйственной продукции, установившиеся с 2014 года, стимулировали ее производство. Это способствовало значительному увеличению производительности как непосредственно самой сельской продукции, которая составляет основную часть агропромышленного комплекса, так и необходимых для его ведения средств техники. Однако, на сегодняшний день не отработаны конкретные методы и инструменты стимулирования роста объемов производства сельскохозяйственной продукции через рыночные механизмы, а осуществляемая в течение ряда лет поддержка сельскохозяйственного производства недостаточно эффективна.

Однако общая экономическая оценка агропромышленного комплекса России очень низкая и она не выдерживает конкуренции с подобными отраслями в развитых странах. Отказаться от аграрного производства как от неконкурентоспособной отрасли невозможно, так как эффективность всего агропромышленного комплекса обеспечивает продовольственную безопасность страны, а значит и экономическую безопасность. Соответственно, одной из ключевых задач является повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса. С этой целью государством проводится активная модернизация всех сфер его деятельности.

Важную роль играет и создание благоприятного инвестиционного климата, то есть предоставление достойных льгот для развития как самого сельского хозяйства, так

и для развития отраслей производства необходимой техники и переработки. Было принято решение о сохранении общего объема инвестиций в сельское хозяйство на уровне 2015 г., что обеспечит его дальнейшее развитие — от 3 % до 5 % ВВП. В силу этого Правительство России ещё в октябре прошлого года утвердило финансирование агропромышленного комплекса в 2016 г. на уровне 2015 г. — 237 млрд. руб. [2].

Учитывая тот факт, что все сферы агропромышленного комплекса тесно переплетены между собой, добиться эффективности всего комплекса можно лишь достигая эффективности каждой отдельной его отрасли.

В современных условиях важную роль для развития агропромышленного комплекса играет своевременное оповещение сельскохозяйственных производителей о последних передовых достижениях аграрной науки и возможностях использования более современной техники в производстве той или иной продукции. Внедрение новшеств в аграрную сферу оказывает положительный эффект для функционирования практически любой отрасли комплекса.

Проследить план возможного развития агропромышленного комплекса России можно, обратившись к программе, разработанной в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» на 2013–2020 годы.

Целями Государственной программы на период до 2020 г. являются:

- Расширение сельских территорий;
- Достижение продовольственной независимости страны;
- Повышение уровня производства сельскохозяйственной продукция, обеспечивающего ей конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках на основе инновационного развития АПК в целом;
- Обеспечение устойчивости товаропроизводителей АПК [3].

С начала периода действия Государственной программы был достигнут рост валовой продукции производства пищевых продуктов и сельского хозяйства, зафиксировано улучшение экономики сельскохозяйственных организаций, началась работа по социальному развитию сельских территорий и, наконец, расширилась деятельность крупных аграрных формирований. Значительные инвестиционные вложения государства 2015 года способствовали росту темпов восстановления многих отраслей.

На сегодняшний день агропромышленный комплекс находится на стадии зарождения новых форм хозяйствования. Проведение реформ государством в отношении сельского хозяйства и других сфер агропромышленного комплекса сопровождается рядом трудностей, но нельзя не отметить положительный эффект, возникающий вслед за отказом от привычных способов производств и одновременно внедрением инновационных технологий и способов пользования природными ресурсами.

Список литературы:

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://institutiones.com>
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agro.ru>
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>

*Lyndyuk Elena Anatolievna,
National academy of public administration,
office of the President of Ukraine,
candidate of sciences in public administration,
doctoral candidate of the Department of philosophy,
history and theory of public administration
E-mail: lundyuk@ukr.net*

Theoretical and methodological foundations of realization of the systematic modernization of the civil service of Ukraine

Abstract: This article presents the characteristics of modern processes of the civil service functioning and the reasons for its ineffectiveness, analyzes the theoretical and methodological foundations of its modernization, proves the main directions of systematic modernization changes in civil service of Ukraine. It was determined that the systematic anticipatory national modernization is successfully capable to influence the civil service transformation.

Keywords: civil service, the systematic modernization of the civil service, anticipatory national modernization of the civil service.

*Лындюк Елена Анатольевна,
Национальная академия государственного
управления при Президенте Украины,
кандидат наук государственного управления,
докторант кафедры философии, теории
и истории государственного управления
E-mail: lundyuk@ukr.net*

Теоретико-методологические основы реализации системной модернизации государственной службы Украины

Аннотация: В статье дана характеристика современных процессов функционирования государственной службы и причин ее неэффективности, проанализированы теоретико-методологические основы ее системной модернизации, обоснованы основные направления системных модернизационных изменений государственной службы Украины. Определено, что системная опережающая национальная модернизация способна успешно влиять на трансформацию государственной службы.

Ключевые слова: государственная служба, системная модернизация государственной службы.

За период независимости Украины государственная служба постоянно трансформируется и модернизируется, что является объективной закономерностью и актуализирует вопрос теоретико-методологического обоснования ее модернизации. Предметом обсуждения ученых становится не столько необходимость проекта модернизации, сколько ее цели и возможные альтернативы, исходные принципы модернизационной стратегии. Поэтому исследования различных подходов реализации модернизации государственной службы помогает определить наиболее оптимальный путь общественных изменений для системы.

Проблемы и теоретические наработки по осмыслению модернизации государственной службы освещены через призму реального опыта изменений, которые происходят в Украине. На уровне теоретического осмысления модернизации государственной службы важно отметить, что украинская модернизация эклектична, она непоследовательно использует компоненты противоречащих моделей бюрократии, опирающихся на теории идеальной бюрократии Вебера, нового государственного управления, общественно-государственного управления [2, 6]. Для Украины характерны процессы, направленные на регламентацию

и выстраивание жестких иерархических структур, создание безличных бюрократических механизмов, происходит приспособление традиционных институтов государственной службы к выполнению модернистских функций. Преобразования происходят спонтанно в ходе решения текущих проблем, отсутствует последовательность в реализации модернизации и заинтересованность институтов государственной службы в оптимизации организационной, функциональной и других составляющих системы, наблюдается промедление с принятием и имплементацией нормативно-правовых актов, не осуществляется мониторинг эффективности ее функционирования и качества предоставления услуг. Такие процессы приводят к несистемному и хаотическому процессу изменений в системе государственной службы.

Система государственной службы состоит из подсистем, которые постоянно флуктуируют и в точке бифуркации трудно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, дифференцированный и высокий уровень упорядоченности [6, 17]. В периоды нестабильности и повышения турбулентности общества система государственной службы повышает свою сложность и с детерминированной (элементы и подсистемы функционируют и развиваются в соответствии с запланированными показателями) переходит в класс вероятностных систем (невозможно точно и детально прогнозировать ее последующие состояния) [5, 198]. Модернизация становится невозможной, когда один из элементов этой системы выпадает из него [3, 467]. Необходимо обеспечение интеграции всех элементов системы государственной службы, акцентируя внимание на модернизации целого, а не только отдельных компонентов или подсистем [5, 200], функциональное объединение элементов. Только системная модернизация способна успешно влиять на процессы модернизации, управление ими, предвидеть результаты системообразования.

В условиях современности теория модернизации государственной службы трансформируется в инструмент познания и обоснования новых направлений развития на основе прогрессивного опыта, имеющего универсальный, общий характер и гармонично сочетается с традициями и ценностями общества. Происходит переориентация от стихийно-сознательных процессов модернизации, где сознательный элемент становится второстепенным, к сознательным процессам, когда практические действия осуществляются на основе теории.

В процессе модернизации государственной службы важно использовать системные познания и преобразования, которые предполагают: рассмотрение объекта деятельности (теоретической и практической) как системы (ограниченного множества взаимодействующих элементов); установление состава, структуры и организации элементов и частей системы, выявление ведущих взаимодействий между ними; выявление внешних связей системы,

выделение главных; определение функций системы и ее роли среди других систем; анализ диалектики структуры и функций системы; выявление закономерностей и тенденций развития системы [1, 9].

Реализацию процессов модернизации государственной службы должны инициировать государство и правящая элита, но при этом нельзя допускать элементы авторитаризма и конфликты. Рационализацию властных систем и механизмов реализовывать необходимо последовательно. Важно стремиться к формированию основных системных характеристик государственной службы, таких как: целостность и высокий уровень интегрирования; относительная автономность; иерархичность и структурированность; диалектическая взаимосвязь каждого элемента системы с другими элементами. Переосмысление основных принципов способно обеспечить реальное изменение практики управления, что даст возможность гарантировать последовательную, сознательно-концептуальную и качественную модернизацию системы государственной службы.

Поскольку идеологическая составляющая есть в любой теории, модернизацию государственной службы следует рассматривать как определенную идеологию, вокруг которой осуществляются конкретные реформы, что ведут к масштабным качественным изменениям.

Формирование новых отношений власти активизируют поиск адекватной стратегии модернизации государственной службы, структур и коммуникаций, обеспечивает предсказуемость и последовательность действий власти. Система государственной службы должна быть: ориентированной (иметь под собой обоснованную теоретическую базу); владеть методами рефлексии (способной анализировать собственные действия, соотносить их к прошлому и прогнозировать будущее, а также корректировать управленческие действия по ситуации); синергетической, прогностической (учитывать соотношение управленческих действий с реальностью) [4, 449].

Основными подходами к исследованию модернизации сегодня остаются структурная, процедурная и институциональная концептуализации. Исследование не столько собственно ресурсов развития, сколько институциональных механизмов мобилизации, распределения и использования этих ресурсов, соответствующих целям конкретного проекта модернизации, обеспечат успех институциональных преобразований, возможность реализации проекта и корректировки его с учетом реалий. Социокультурная специфика и традиция рассматриваются как самостоятельные факторы модернизации государственной службы. Движение в сторону содержательно наполненной модернизации свидетельствуют институциональные преобразования службы, дополненные радикальными изменениями ментальности как служащих и граждан.

Важную роль в контексте осуществления модернизации государственной службы играет государство, которое выбирает адекватную модель и стратегию модернизации, а также формирует новую парадигму ее функционирования.

Но успех модернизации зависит от уровня ее поддержки обществом, качества обратной связи с населением, уровня сопоставляемости ожиданий граждан от изменений и от реального воплощения модернизационных процессов. Своевременным является анализ перспектив модернизации через налаживание эффективного взаимодействия государства с обществом, установление консенсусной системы управления, исходя из идеи “good government”, которая концентрирует внимание на действенной коммуникации власти и общества, развитие новой формы управления. Эффективная модернизация возможна только при одновременном согласовании участия общества и государства в процессах.

Анализ модернизационных изменений, исследование новых реалий в системе государственной службы требуют перестройки системы теоретических взглядов, пересмотра философских основ и методов научного познания института государственной службы, явлений и процессов модернизации. Переосмысление принципов модернизации будет способствовать обеспечению функционирования эффективной модели государственной службы. Важно сформировать жизнедеятельную институциональную структуру государственной службы, которая могла бы

успешно справляться с постоянно возникающими глобализационными и общественными вызовами. В контексте модернизации государственной службы необходима целевая переориентация комплекса институционального дизайна системы для обеспечения дееспособности, эффективности, профессионализма, открытости и прозрачности государственных институтов Украины. Предпочтение следует отдавать тем формам модернизации государственной службы, которые приводят к гуманизации общественных отношений и устойчивому общественному развитию. В Украине следует осуществить переход от “догоняющей модели модернизации” государственной службы к прогрессивной опережающей национальной модели на основе гуманизма, общечеловеческих ценностей, учитывая практику современной модернизации. Оптимальность и органичность модернизационных процессов государственной службы способны ускорить ее трансформацию, сократить сроки проведения реформ, разрешат, начиная с определенного момента, реализацию опережающей модернизации, которая будет способствовать ускорению темпов преобразований, созданию условий, которые стимулируют креативность мышления, проектирования и образования социальных субъектов модернизации государственной службы.

Список литературы:

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Барабашев А. Г. Эволюция государственной службы России: итоги десятилетия (2000–2010) [Текст]: препринт WP8/2013/01/А. Г. Барабашев; Нац. исслед. ун-т “Высшая школа экономики”. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 64 с.
3. Войтович Р. В. Вплив глобалізації на систему державного управління (теоретико-методологічний аналіз): Монографія/Р. В. Войтович. За заг. ред. В. М. Князева. – К.: Вид-во НАДУ, 2007. – 680 с.
4. Пахомов И. Н. Проблемы процессов и механизмов модернизации государственной службы/И. Н. Пахомов//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apdp.in.ua/v68/68.pdf>
5. Пахомова Т. И. Проблема модернизации государственной службы в контексте системной методологии/Т. И. Пахомова//Развитие института государственной службы в регионах: международный и российский опыт. Междун. научно-практ. конф. (19 сент. 2013 г.). Т. I/Под общ. ред. В. Ф. Ницевича. – Орёл: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2013. – 308 с.
6. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой/И. Пригожин, И. Стенгерс. Пер. с англ./Общ. ред. В. Аршинова, Ю. Климонтовича, Ю. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

Section 12. Science of law

Manushaqe Artan,
European University of Tirana,
PhD in Law, the Faculty of Law
E-mail: artanslatinje@yahoo.com

Bisha Eugena,
Karl-Franzens University of Graz,
PhD in Law, the Faculty of Law
E-mail: eugenabisha@yahoo.com

Constitutional environmental rights

Abstract: According to the Albanian Constitution the environmental law is not specifically granted as a fundamental right, consequently and the right of claim in case of environmental damage and the issues that are related with the environment are not in a constitutional level.

The samples that are offered are Italy, France, Portugal, Spain etc. The raise in a constitutional level would guarantee the fundamental right to protect health and life quality, also the environment, but also as well approximate the domestic legislation with that community of Aquis Communautaire, as a future part of the European Union.

Keywords: constitution, environmental right, health, quality of life, Constitutional Court.

Introduction

The Albanian constitution in its 183 articles has not sanctioned directly the environmental right as a fundamental right to have a *healthy and clean environment*, but it considers the framework of the right to information, and so, as a right within social objectives.

Article 56 of the Albanian constitution states: Everyone has the right to be informed about the state of the environment and its protection. The public concerned. This article guarantee the basic right of the individual to be informed about the environment, but not the right to press charges for environmental damage as a directly fundamental right, as “The right for a Healthy and Clean Environment ...!”.

Law No. 119/2014 “For the right to information” has come to and in accordance with Article 23 and 56 of our Constitution for the right of information.

1–2 Article 59 of the constitution states about the social objectives:

The state, inside the constitutional competences and the means at its disposal, and the fulfillment of private initiative and responsibility, “aims”:

e) a healthy environment and ecologically suitable for present and future generations;

f) rational exploitation of forests, waters, pastures and other natural resources on the basis of the principle of sustainable development;

2. Fulfillment of social objectives cannot be claimed directly in Court. The law defines the conditions and the extent to which may require realization of these objectives.

Analysis

In the article 59/1, point e) and f) are treated as fundamental social rights, within the social objectives, Well as a set of circumstances and not as a circumstance itself for the right to a healthy and clean environment. The question that arises? Is the direct target of the individual and society “the right of his health”, to have a more healthy and clean air quality according to standards, either domestic or international? Is there a guaranteed protection of flora and fauna directly from the Constitution? Is it reflected the principle of an integrated approach of the environment and the sustainable development?

All these rights according to the Constitution, are guaranteed by the extent and conditions defined by law.

The right to have a clean and healthy environment [6, 121], to ensure the health and quality of life does not enjoy Constitutional protection as the basic higher rate, but it leaves this warranty to other legal norms under the hierarchy of the Constitution, as conventions, codes and laws.

Environmental laws by analyzing the matter are transversal laws, they must protect in front of global developments and exploitation of natural resources, health, life and her quality, and “the principle of mutual responsibility”.

What does Constitutional legislation of other countries predict to protect the environment.

Italian Constitution (IC) has not provided directly to environmental protection as the rate itself, and does not define as a fundamental principle, but it comes from the interpretation of the article, its 9, 32, 42, 44.

Changes in the IC of 2001 in the part V Article 9 thereof mention for the first time the term environment in the context of the state expertise regarding standards of flora and fauna ecosystem 2–1-1GJ IC says: “Environment is a common non material good, consisting of different components, each of them in isolation or separately may constitute object unrighteously”.

It is known now the doctrine and jurists have already developed the concept of environmental regulations, ranging from 9 to article 32 of the Constitution, to see it as a broader and unified concept. This includes all elements of the natural environment, including Sandblast, soil, water, flora, fauna, the consequences to the detriment of health.

To understand the importance of protecting the environment as IC says, means you’ll get back considering what happened the last twenty years with economic developments — political — environment in the field of the environment and to give her the value of a basic norm, the environment needs to be protected as part of determining the quality of life.

Its defense can’t attend Natural abstract aesthetic goals, but expresses the need for a natural habitat where man lives as citizen and creates community acts to make it absolute primary value of his Environmental citizenship Integrity. Legal protection of the environment finds its genetic source directly in the Constitution and that therefore the environment is understood in the sense of unity to the public good, not its material, although not exclude the dual nature of its material and immaterial to set forth and prove as untouchable assets at their borders.

In another civil section of the Court of Cassation, it says that the environment can not be conceived as a single material, but it must be regarded as an indirect value protected by the Constitution, in view of which the state could adopt uniform standards across the country.

The environment is a transversal matter CCI states, and therefore regions can not operate, the type of urban, industrial, agricultural or regional activity in complete autonomy and the territory as environment does not understand geographical unit defined in the Constitution.

Portuguese Constitution of 1976, the environmental right as a fundamental right has it combined in two of its articles, the Article 66 of her It attributes all of the rights to a healthy environment and life, ecologically balanced and the duty to defend it. Relying on Articles 66 and 52 of the Portuguese Constitution, every citizen has the right to sue to protect the working environment and the damage caused to it.

Spanish Constitution of 1978 in the article number 45 thereof, defines the environment: Everyone has the right to enjoy an environment suitable for personal development and the duty to preserve it, complaints against public authorities will be made only when the person has a “Personal interest”.

So if the Spanish Constitution in article number 45 states that every person who has a personal interest standing to bring this claim for environmental damage facing the Spanish authorities at every level, Albanian Constitution not only guarantees this as the right of a person at the constitutional level but in a sophisticated bureaucratic way expresses in Article 59, paragraph 2, filing claims for protection of the environment (environmental damage) Fulfillment of social objectives can not be claimed directly in court. “The law determines the conditions and the extent to which may require realization of these objectives”.

French Constitution has become part of its “Environmental Charter” [8], a suite in the French Constitution which talks about human rights and human freedoms and rights associated with it as the right to a healthy environment and ecologically clean, this card proclaims allegiance to the Charter of Human Rights of 1789 in France.

Recommendations:

1. The right to petition for the environmental damage comes as a fundamental constitutional right guaranteed in the Italian legislation and the decisions of the Constitutional Court and the Cassation Court, by interpreting indirectly constitutional norms. They would make a pretty good source for constitutional legislation, which increase the effectiveness and efficiency in the protection of rights and freedoms fitting tribute to human rights in the field of environment [9] and sue.

2. Other models may be obtained as constitutional examples of Albanian constitutional law are the Constitution of Ecuador, Portuguese Constitution, Polish, the Spanish one, can become part of the Albanian judiciary with interpretative provisions or Ad Hoc in order to protect human health and the environment, quality of life, and directly sue in court.

3. Rise of the claim for environmental damage (environmental protection) in the constitutional level in developing countries like Albania comes as a primary duty to protect the freedoms and fundamental rights, as that of health, quality of life and environment as a whole, but also for an approximation as quickly as possible of Albanian legislation with the Acquis Communautaire, as the next member of the European Union.

References:

1. Constitution of the Republic of Albania, 1998 (revised 2008).
2. Constitution of the Republic of Italy, 1948.
3. Constitution of the Portuguese Republic, 1976.
4. Spain’s Constitution, 1978.
5. Constitution of the Republic of Ecuador, 2008.
6. Constitutional Court of Italy (decisions nr. 121, April 30, 1986; nr. 641, December 30, 1987)
7. Ambiente e principi costituzionali nel diritto comparato, in: D. Amirante (a cura di) Diritto ambientale e Costituzione, Milano.
8. [Electronic resource]. – Available from: www.assemblee-nationale.fr/italiano/8db.asp#charte_env (date 10.03.2016).
9. Pacific Rim Law & Policy Journal Association Legislative decree, dated, 03/04/2006. – No. 15.

Contents

Section 1. Journalism.....	3
<i>Djumagazieva Nurjan</i>	
Publicism as a genre and concept: experience of the author's analysis	3
<i>Polyezhayev Yuriy Grigorevitch</i>	
The publicistic component of discursive space of travel magazines	8
<i>Semenko Svitlana Vasylivna</i>	
Synthesis of national and European politico-cultural traditions in journalism of Lesya Ukrainka	11
Section 2. Study of art	14
<i>Grebennikova Dina Aleksandrovna, Pollak Ekaterina Alexeevna</i>	
The fine art at the top of the elegance: «A word on art of dance and ballet in Russia» by Jacob Staehlin.....	14
<i>Koverza Elena Anatol'evna</i>	
Jazz art in Ukraine (40 th XX of century) and creative activity of Leonida Utjosova.....	17
Section 3. History and archaeology.....	20
<i>Burkhonova Norsuluv Abdug'anevna</i>	
History of a link Great Silk Road	20
<i>Malakhov Sergey Viktorovich</i>	
Three white herons and three yellow fleurs-de-lis	22
<i>Zueva Lyudmila Ivanovna, Nurligenova Zauresh Nurkenovna</i>	
The ideas of the enlightenment and learning problems in modern Kazakh school	27
<i>Romanchenko Vitaly Victorovich</i>	
Foreign factor in the economic and sociocultural processes of south Ukraine at the end of XIX – early XX century (mental aspect)	31
<i>Soltanova Nazila Baghir</i>	
Why Avicenna buried in Hamadan	33
Section 4. Cultural studies	38
<i>Ratko Maryna Valerievna</i>	
The composition of buddhist architectural ensemble of Shvezigon	38
<i>Soldatenkova Olga Vyacheslavovna</i>	
The tradition of understanding light in hesychasm	42
Section 5. Philology and linguistics.....	45
<i>Antonova Olga Aleksandrovna</i>	
Structural and semantic peculiarities of prepositional wordequivalents of Polish language	45
<i>Molea Viorica</i>	
A new cyberspace form of communication achieved through written and oral means	49
<i>Okhrimenko Vitaliy Aleksandrovich</i>	
Particularities of onomatopoeic lexicon studies in modern Korean.....	53
Section 6. Pedagogy	55
<i>Gurov Valery Nikolaevich, Mazitov Ramil Giniyatovich,</i>	
<i>Gurova Elena Valeryevna, Karimov Fanis Fanusovich</i>	
Innovation educational complex in a rural municipality in the context of improving the quality	55
<i>Kovalova Anastasiia Sergeevna</i>	
Features of the social workers professional training to work with migrants in the first cycle programmes in Swedish universities	59
<i>Radchenya Irina Viktorovna</i>	
Life creative potential of future teachers as the basis for preservation of the national cultural heritage of Ukraine	62

<i>Saprunova Yelena</i>	
Compound natural thinking as a basis of developing intellectually gifted primary schoolchildren.....	65
<i>Stoykov Anton</i>	
Development of communication tolerance through debates in the training of future social workers.....	68
Section 7. Political science.....	71
<i>Duishenalieva Altynai Djailobekovna</i>	
Organization and ways of development of municipal services abroad and in the Kyrgyz Republic	71
<i>Novikov Andrey Vadimovich</i>	
Military and political potential of the CSTO as a counterbalance to NATO policy.....	74
<i>Peshcherov Georgy Ivanovich</i>	
Decline of Western civilization or the rebirth of Europe	77
<i>Heiko Ital</i>	
Historische Entwicklung des modernen Imperialismus und seine Anwendungsformen.....	80
Section 8. Psychology	82
<i>Nigmatulina Liliya Alievna</i>	
Usage of art therapy methods for correction of computer dependency in schoolchildren	82
Section 9. Sociology.....	84
<i>Abduhalilov Abdullo Abduhamitovich</i>	
Perspective areas of research in the process of state governance	84
<i>Chernyshkova Elena Vyacheslavovna, Chizhova Marina Evgenievna,</i> <i>Paraschenko-Korneychuk Larisa Nikolaevna, Andriyanov Stanislav Viktorovich</i>	
Social attitudes toward active aging: representations of the elderly	87
Section 10. Philosophy	90
<i>Vlasova Yulia Valeryevna, Ivanova Svetlana Ivanovna</i>	
«Slavic question» in F. M. Dostoyevsky's creativity (on materials of publicistic of the 70 th of the 19 th century)	90
<i>Hajiyeve Mahammad Shahbaz oglu</i>	
Mathematical abstraction and especially a system of scientific branches	93
<i>Enikeev Anatoly Anatolyevich, Baranov Daniil Olegovich</i>	
The economic dimension of mediareality: space text and image.....	95
<i>Zafarova Sitara Zafarovna</i>	
The idea of the “perfect man” in the doctrine of the Sufism	97
<i>Seregin Alexander Vasilevich, Ahmatnabiev Renald Railevich</i>	
Problems of interaction between global and national components of advertising activity.....	99
Section 11. Economics and management.....	102
<i>Bogdanova Indira Musafendievna, Kadyrova Leila Fatmirovna</i>	
Modern state and strategy of development of agroindustrial complex of the Russian Federation.....	102
<i>Lyndyuk Elena Anatolievna</i>	
Theoretical and methodological foundations of realization of the systematic modernization of the civil service of Ukraine	104
Section 12. Science of law.....	107
<i>Manushaqe Artan, Bisha Eugena</i>	
Constitutional environmental rights.....	107